

ВРЕМЯ ИМЫ 80 1984

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

- ОДИН ДЕНЬ
ЛЕОПОЛЬДА БЛЮМА
- СТИХИ ВАДИМА
ДЕЛОНЕ
- "ВАРИАЦИИ"
МАРИНЫ
КОСТАЛЕВСКОЙ
- ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ДИССИДЕНТОВ
- СЧАСТЬЕ СЕМЬИ
ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ
- ПОЭТИЧЕСКИЕ
ОТКРОВЕНИЯ
СТАЛИНА
- ЯСИР АРАФАТ В
КРЕМЛЕ
- ЧЕМ КОНЧИЛИСЬ
"БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ"

Джеймс Джойс. "Циклоп".
Глава из романа "Улисс"

ВРЕМЯ и МЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННЫХ
ПРОБЛЕМ

Десятый год издания

**Выходит один раз
в два месяца**

80
1984

НЬЮ-ЙОРК — ИЕРУСАЛИМ — ПАРИЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ВРЕМЯ И МЫ" — 1984

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
ВИКТОР ПЕРЕЛЬМАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ИЛЬЯ ГОЛЬДЕНФЕЛЬД	ЛЕВ НАВРОЗОВ
МИХАИЛ КАЛИК	ИЛЬЯ СУСЛОВ
АРОН КАЦЕНЕЛИНБОЙГЕН	ДОРА ШТУРМАН (зам.гл.редактора)
АСЯ КУНИК (отв.секретарь)	ВЛАДИМИР ШЛЯПЕНТОХ
ИЛЬЯ ЛЕВКОВ	ЕФИМ ЭТКИНД

Израильское отделение журнала "Время и мы"
Заведующая отделением Дора Штурман
Адрес отдаления: Jerusalem, Talpiot mizrach, 422/6

Французское отделение журнала "Время и мы"
Заведующий отделением Ефим Эткинд
Адрес отделения: 31 Quartier Boieldieu, 92800 PUTEAUX
FRANCE

Представители журнала:

Англия Александр Штротас
Croft House, Top Flat 32 New Hey goad Rastrick,
Brighouw W. Yorkshire HQ6 3PZ ENGLAND

Западный Juscwa Mischijew
Берлин Hussiten Str. 60, 1000 Berlin 65

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Исраэль ШАМИР

Сто лет Джойсу, или один день Леопольда Блюма. 5

Джеймс ДЖОЙС

Циклоп. Глава из романа "Улисс". Перевод И.Шамира.13

ПОЭЗИЯ

Вадим ДЕЛОНЕ

Все мы правды просили. 81

Марина КОСТАЛЕВСКАЯ

Вариации. 85

ПУБЛИЦИСТИКА. СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА

Юрий ГЛАЗОВ

Взлет и падение диссидентов. 91

Марк ПОПОВСКИЙ

Семейное счастье в стране социализма.111

Доналд РЕЙФИЛД

Сталин: поэтические откровения.129

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Арафат в Кремле. Стенограмма встречи Громыко и

Пономарева с руководителями ООП.137

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Большие пожары. Роман 25-ти писателей.155

ВЕРНИСАЖ "ВРЕМЯ И МЫ"

Момент жизни.238

В этом номере мы предлагаем читателям впервые переведенную на русский язык главу из романа Джеймса Джойса "Улисс". Любители легкого, увлекательного чтения должны, по-видимому, сразу отложить эту публикацию. Патриарх современной литературы, гений XX века — Джойс — писатель особого склада. Его сложный изощренный стиль, его метафизическое мышление, основанное на тончайшем фрейдистском анализе, его стремление обнажить в потоке сознания сам процесс зарождения мысли и расшифровать символику идеи, наконец, его не знающий себе равных по богатству язык, — все это литература особого рода, к которой бессмысленно подходить с привычными критериями. И все же мы надеемся, что отрывок из "Улисса" вызовет глубокий интерес у читателей и доставит подлинное эстетическое наслаждение.

Исраэль ШАМИР

СТО ЛЕТ ДЖОЙСУ, ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ЛЕОПОЛЬДА БЛЮМА

Время бежит, вот уже прошел и столетний юбилей Джойса, этого провозвестника модернизма и уходящего XX века. Хотя, собственно говоря, столетие должно было отмечаться в январе, когда родился Джойс, но его поклонники перенесли стихийно торжества на увековеченное им 16 июня: ведь весь восьмисотстраничный "Улисс" сжат во времени до одного дня — 16 июня 1904 года.

Этот один день в жизни самого знаменитого — после Иисуса (с которым он неоднократно сравнивался) — еврея в мировой литературе, Леопольда Блюма, это Блюмов день, Блюмдень, а еще лучше Блюдень. Так, скажем, поклонники Солженицына могли бы отмечать какое-то декабря — День Ивана Денисовича. В Блюдень сотни поклонников Джойса собираются в Дублине, завтракают жареными свиными почками, сидят по пивным (пабам) и пьют ирландское виски Дж.Джейсон, и уже это естественное занятие связано с абсолютной бредовостью блюмования: странно пить виски в память трезвенника Блюма, странно есть свиные почки в честь еврея, да еще и в Дублине, откуда Джойс уехал в молодости, чтобы никогда не возвращаться. Хотя действие "Улисса" происходит в Дублине, роман был написан во Франции, Италии, Швейцарии, где Джойс кочевал, бедствовал, ругался с квартирными хозяйками и консульскими работниками, преподавал английский — короче, тянул знакомую нам эмигрантскую ляльку.

Ведь "Улисс" — в первую очередь эмигрантский роман, и уже поэтому он особо интересен для эмигрантов — читателей настоящей публикации. Впрочем, в отличие от последних, Джойс не тешил себя

Мнения, выражаемые авторами, не обязательно совпадают с мнением редакции.

мыслью, что он вернется, когда Ирландия станет свободной (коммунистической католической, православной, гэльскоязычной, первоначальнообщинной — нужно подчеркнуть, ненужное зачеркнуть). Джойс уехал при англичанах и не вернулся после провозглашения независимости. Впоследствии он объяснял этот свой шаг — или всю жизнь — по-разному. Он говорил, например, о различии между беженцами, ищущими кусок хлеба и эмигрантами, ищущими истин.

Чтобы понять суть джойсовской эмиграции, обратимся к концовке разговора Стивена и Блюма об Ирландии. Отчаявшись, Стивен говорит: "Этой страны нам не переменить, давайте переменяем тему". Но вся жизнь Джойса послужила доказательством тому, что Стивен — по молодости лет — ошибался: легче переменить страну, чем тему. Где бы он ни жил, повсюду Джойс писал об Ирландии, о Дублине. Но поскольку в отличие от современных русских эмигрантов, он мог вернуться на родину в любое время, он писал о ней более трезво, не оплакивая навеки утраченного. Мятаж обошелся ему недешево, и его "высокая измена" — говоря словами Сулейменова — не забыта в Ирландии. И сегодня, в большинстве книжных магазинов Дублина спрашивающему "Улисса" ответят коротко: "Не держим".

Почему этот роман так злит ирландцев? Обвинения в непристойности нам трудно даже понять. И все же, хотя в словаре "Улисса" среди шестидесяти тысяч слов на восьмистах страницах книги слово "ебаный" встречается только семь раз (то есть куда меньше, чем в реальности в дублинских пивных), роман был запрещен как богохульственное и непристойное произведение, и даже в Москве он появился раньше, чем в Дублине.

В чем же дело? "Улисс" — это удар ниже пояса по национальным и религиозным чувствам земляков Джойса. Так, Веничка Ерофеев оскорбил лучшие чувства русских — интересно вспомнить, что "Москву-Петушки", прежде чем ее напечатал библиофил Володя Фромер в Иерусалиме, отвергли "Имка-пресс" и "Грани" как "клевету на русский народ".

Клеветник и богохульник, Джойс писал во времена особого национального подъема движения за независимость Ирландии (Пасхальное восстание 1916 года, провозглашение Свободного Ирландского Государства в 1921 году), но его герои — не романтические защитники Катлин ни Хулихан, но обычные дублинцы.

Упрощая донельзя, скажем, что Джойс поставил задачу описания просто Человека, "человека обыкновенного" — того, что в нравоучительной литературе Англии XVI века называлось "everyman". Таким человеком Джойс полагал Улисса, гомерового героя.

Художник Баджен, друживший с Джойсом в Цюрихе, цитирует его в своих мемуарах: "Знаете ли вы какого-нибудь всестороннего, совершенного героя в литературе?" — спросил меня Джойс. Я быстро обревизовал всю галерею вымышленных персонажей. Есть ли такой у Бальзака? Нет. Флобер? Нет. Достоевский или Толстой? Их герои восхитительны, но несовершенны. Конечно, Шекспир. Но нет. Фауст? или Гамлет? "Фауст! — сказал Джойс. — Он — не только не совершенный человек, он вообще не человек. Он — старик или молодой человек? Где его дом? Из какой он семьи? Мы не знаем... Безвозрастный Фауст

— не человек. Гамлет — человек, но он только сын. Улисс — сын Лаэрту, отец Телемаху, муж Пенелопе, любовник Калипсо, товарищ по оружию греческим воинам под Троей и царь Итаки". — "Что вы имеете в виду под совершенным человеком? — спросил я. — Человек может быть всесторонним, но несовершенным, в смысле — идеальным. А ваш Улисс..." — "Он и то, и другое, — сказал Джойс. — Я вижу его со всех сторон, потому что он — всесторонний, как скульптура. Но он и совершенный — в смысле хороший человек. По крайней мере, таким я собираюсь его сделать".

Но Человек Джойса очень уж не похож на Платона Каратаева. Его "самый человеческий человек" — крещеный еврей Блюм. Чтобы понять всю удивительность этого выбора героя, скрестим русскую и ирландскую литературы. Тогда Солженицын написал бы роман "Троицкий богатырь", где еврей Цезарь Маркович Блюм, как придурок Ир, спорил бы с героем из-за обженок, а Джойс вывел бы в своем "Одном дне Леопольда Рудольфовича" циклопа-националиста кавторанга Ивана Исаевича Сологодина. В русской литературе нет места для негероичных еврейских героев, вроде Цезаря Марковича, хотя нечто похожее произошло, когда русский автор взял себе еврейский псевдоним — Абрам Терц — и противопоставил себя национализму своего народа, как сделал и Джойс, выбрав героев-еврея (не случайно оба оказались в эмиграции в Париже).

Джойсоведы (а имя им — легион) разработали немало объяснений странного выбора героя. В основном эти объяснения упирают на символичность выбора еврея. Например, Стюарт Гильберт хотел вывести ответ из сравнения с Гомером, из эллино-финикийской теории. У Стюарта Гильберта особое положение среди джойсоведов — он был близок с Джойсом, получил не только сам текст, но и толкование оного. По его авторитетному мнению, параллель с Гомером и выбор Блюма зиждятся на одной специальной книге, прочитанной в свое время Джойсом и произведшей на него впечатление.

Об эрудиции Джойса нет единого мнения — ранние исследователи верили в его всеведение, поздние — клялись, что и Марка Твена не читал, хоть и цитировал. Но можно считать установленным, что в связи с "Одиссеей" Джойс прочел ровно две книги, не считая самого Гомера. Одна из них "Создательница "Одиссеи" утверждала, что "Одиссея" была написана женщиной — и она не могла прийти к вкусу Джойсу, не любившему интеллектуальных женщин. Зато вторая книга, по мнению Гильберта, явилась откровением. Эта вторая книга — а точнее, четыре аккуратных тома по-французски, напоминающие своей аппетитной пухлостью и графикой иллюстраций романы Жюль Верна — "Финикийцы и Одиссея" Виктора Берара, видевшего в "Одиссее" Гомера греческое переложение точных финикийских лоций, и в ее героя — финикийского мореплавателя. "Одиссея", или ее финикийский первоисточник — это абсолютно точное описание плавания по средиземноморским водам.

Эта идея точности поэмы была близка Джойсу, который сказал однажды рисовавшему его портрет художнику, когда тот выразил надежду уловить душу писателя: "Вы, главное, верно нарисуйте галстук", то есть если галстук и прочее будут верно нарисованы, то и душа

никуда не денется. В своем пристрастии к точности он выверял передвижения своих героев по карте с часами в руках, рисовал сложные диаграммы и графики, чтобы не допустить ошибок. И действительно, в его энциклопедии Блюма и Дублина поколение исследователей нашло только пару мелких накладок, вроде неверно-рассчитанного объема легких Блюма.

Отсюда был уже один шаг до выбора Блюма. Ирландцы любят считать себя потомками древних греков, так как по легенде именно греки были первыми поселенцами Эрина. Если ирландцы — это греки наших дней, то кто же современные финикийцы, если не евреи, потомки и родичи древних семитских мореплавателей?

По другой теории, чтобы понять причину появления еврея, нужно обратиться к элину — Стивену Дедалусу, герою "Портрета художника в юности", герою блюмова возраста. Большинству читателей и литературоведов Стивен-поэт и эрудит ближе, чем простой малообразованный Блюм, хотя именно в его простоте — залог общечеловечности, которой нет у Стивена. Стивен одинок в своем родном городе, он бунтует против национализма, который требовал от него и от других молодых ирландцев борьбы с Англией и прочих красивых шагов, за которые платят жизнью и свободой. "Моя страна хочет, чтобы я умер за нее. Пусть лучше моя страна умрет за меня", — говорит Стивен. Ясно, что Стивен — изгой. Владимир Набоков в посмертно опубликованных лекциях по "Улисс" приходит на основании этого к выводу: выбор героя еврея, то есть изгоя — символ изгойства поэта.

Блюм — не общественное лицо, не политическое животное, он больше думает о душистых дынях жениного зада и о цене мыла, чем о судьбах Ирландии. Он не одержимый, не космополит, возносящий свой космополитизм на щит. Блюм далек от юношеского радикализма Стивена, он готов пробормотать несколько фраз о благе Ирландии и о Парнелле. Стивен стоит за право одиночки наплевать на борьбу своего народа, а Блюм живет своей жизнью, без плевков и без борьбы. Стивен стоит за антинационализм, но любой еврей волей неволей сам по себе — уже знамя ненационализма, бесящее циклопов. И особенно интересно негодование циклопов, когда они приходят к выводу, что Блюм помогает ирландским националистам Шин Фейна: "Это уж слишком, дайте нам самим", — стонут циклопы-националисты. Сама мысль о еврее, помогающем им, готова взбесить националистов.

Здесь стоит обратить внимание на связь (или, скорее, на отсутствие связи) между Блюмом и еврейским национализмом. Еврейского национализма в современном смысле слова в начале века почти что не было. С самого утра Блюдня герой задумывается о Сионе, где создаются первые сельскохозяйственные колонии, но призывы, что, мол, евреи должны ответить насилием на насилие, встретить силу силой — принадлежат циклопам. Блюм — еврей человечный, а не гордый по Жаботинскому, трудовой по киббуцному, религиозный по хасидски, революционный по Хулио Хуренито, культурно-просветительный по Ахад Га Аму. Более того, Блюм такой еврей, что даже евреи не сочли бы его евреем. Все говорят — еврей Блюм, но на самом деле его мать — ирландка, урожденная Хиггинс, и даже отец уже был крещен. Рассказывая Стивену о столкновении с Полифемом, Блюм приводит имена

знаменитых евреев: "Мендельсон был еврей, и Карл Маркс, и Меркаданте, и Спиноза. И Спаситель был еврей". Но все они — не очень-то евреи (кроме Меркаданте, который просто не еврей), они или крещеные, или отлученные.

В главе "Евмай" Блюм пересказывает Стивену этот эпизод так: "Он назвал меня евреем, в пылу, чтобы оскорбить. Тогда я, нисколько не отклоняясь от истины, сказал ему, что его Бог, в смысле Христос, тоже еврей, и вся семья его тоже, как и я, хотя на самом деле я не. Это уняло его. Кроткий ответ смиряет гнев. Ему было нечего возражать, как все видели". Блюмовское "я не" обосновано. Он еврей только по отцу и трижды крещеный. Блюм — не еврей с формальной точки зрения, что скорее сближает, чем разделяет его и Иисуса — тоже крещеного и крестившего трижды "во имя отца, сына и святого духа". Далее в той же главе Блюм снова вспоминает свой ответ: "И в то же время он фыркнул про себя, вспомнив свою разящую отповедь защитнику крови и страстей /страстей Христу/, что его Бог — еврей. Человек готов смириться с укусом волка, но как не взбеситься, если укусит овца. Самое уязвимое место этих Ахиллесов — ваш Бог был еврей, потому что большинство из них, видимо, воображает, что он пришел из какого-нибудь ирландского графства Слиго".

Совершенно то же замечание (совпадение? влияние?) делает герой пьесы Фридриха Горенштейна "Споры о Достоевском": "Не трожьте нашего Ивана Христа из Рязани". Конечно, забавно, что этот еврей времен Второго Храма так укоренился в Ирландии и в России, в то время как его более поздние родичи не только не смогли этого сделать, но даже подвергают себя опасности, напоминая местным жителям о таком родстве.

Всечеловечность Блюма-Улисса в том и заключается, что он не относится однозначно к той или иной категории: он даже не то баба, не то мужик, по словам рассказчика "Циклопа", он не торговец и не литератор (сборщик объяснений), туманно его семейное положение — с женой он не спит "как положено" уже десять лет, сын его умер и усыновление Стивена не получается (тот отклоняет все намеки и предложения Блюма), неясна и его религия — он трижды крестился — и в протестанство, и в католичество, и готов все же назваться евреем. А национальность? Ирландец, по его собственным словам; еврей из Венгрии, по мнению циклопов. Сравните эту расплывчатую двоякость с джойсовским определением Одиссея как совершенного человека, тем определением, которое он дал своему другу Баджену. У Гомера — "муж, отец, сын, любовник, товарищ по оружию". У Джойса: не совсем муж, не совсем отец (мертвому сыну или Стивену), не совсем любовник (его единственный оргазм в Блюдень произведен его же рукой), не совсем товарищ коллегам по редакции, издаваемым над ним. Из этого ясно следует, что Баджен напрасно принял слова Джойса за чистую монету. Гомеровская параллель тут, как и всюду, пародийна. Как поцелуй в Моллин зад пародирует Одиссея, целующего камни Итаки.

Конечно, выбирая героя-еврея, Джойс оправдывает свою эмиграцию. Ведь евреи живут где угодно, не умирая за Ирландию, за Россию и т.д. В отличие от евреев-патриотов своей приемной родины, какими

пытаются представить своих сородичей евреи-диссиденты в России, в отличие от синеглазых и русоволосых сионистских Трумпельдоров, Блюм не тщится умереть за родину. В черновом варианте главы "Циклоп" Д.Д. говорит: "Но ведь и еврей может быть предан своей стране?" И Стивен остроумно отвечает: "Конечно, если он только знает, какая из них — его страна". В окончательном варианте Стивен не присутствует в неприятной сцене в логове циклопов, но его остроумная реплика сохранена и передана другому симпатичному герою.

На вопрос, почему он сделал главным героем своего романа еврея, Джойс отвечал просто: потому что он был евреем. Под этим он имел в виду не таинственную правду искусства, но двух прототипов Блюма: дублинского "может быть, еврея", который однажды подобрал пьяного и побитого Джойса, как Блюм подобрал Стивена после пьянки в квартале Красных фонарей, и еврея-торговца, которому Джойс, бедный ирландский эмигрант, преподавал английский в Триесте в 1906-1914 годах. (Джойс поощрял литературные наклонности своего ученика, который впоследствии стал известнейшим итальянским писателем Итало Звево, автором одного из значительных романов XX века, в русском переводе получившим название "Самопознание Дзено").

Особое отношение к евреям вообще не случайно для эмигрантов. Как обнаружили сейчас выходцы из России, среди эмигрантов и вокруг них много евреев, в том числе и местных. Да и общение с евреями у себя на родине уже предвещает эмиграцию. Хотя бы поэтому ситуации "Улисса" легко передаются по-русски. В прошлом веке Стивен Джойс был бы Чаадаевым, в наши дни — либералом, вроде Абрама Терца, не замечаящим, что жида устроили Октябрьскую революцию, навязали большевизм русскому народу и породили Парвуса. Глава "Циклоп" и вовсе легко ложится на русский материал. Джойсовский Гражданин был бы славянофилом и эмигрантом, вместо гэльских слов вставлял бы славянизмы, призванные заменить "птичий язык", и сшибал бы себе на выпивку в парижских кафе рассказами о кровавых большевиках и о борьбе с оными. Ярые националисты всегда готовы выпить за чужой счет, как замечает Рассказчик.

В русском варианте надо бы заменить повешение — мордовскими лагерями, но, я думаю, что рассказ, где потешаются над патриотом, идущим на муки во имя свободы России, не смог бы появиться ни в "Октябре", ни в "Континенте", ни даже в "Синтаксисе".

И пародийные куски легко переписывались бы на русский лад: заменить только Конна Стобитвенного на Владимира Красное Солнышко да пиво на водку. Если "русский вариант" разместить в Париже, нужно заменить еще англичан на большевиков, а евреев оставить евреями. Все националисты-почвенники сходятся на нелюбви к евреям типа Блюма, хотя некоторые из них готовы принять еврея, если он ведет себя в соответствии с циклопией этикой и "отвечает силой на силу": недаром среди друзей Израила такие националисты, как Жак Суфель.

Но в общем-то, как ни трактуй еврейство Блюма — по финикийской аналогии, по цветаевскому "все поэты — жида", потому ли, что еврейство — это знамя не-национализма, не-воинственности, не-истории, но интереснее всего воспринимать — благодаря главе "Циклоп" — символику книги на антисимволический манер.

Блюм — не символ еврея-изгоя (как поэт, или как Церковь, именующая себя "Израиль"), а просто еврей. Это самая актуальная трактовка. Когда вчерашние попутчики винят евреев в распятии Христа и в Октябрьской революции, они выступают не против евреев как символа, но против людей из плоти и крови: Блюмов, Цезарей Марковичей и им подобных. Такое толкование связано с подлинной загадкой главы "Циклоп": зачем вообще она была написана? Абсолютный не антисемит Набоков не понял этого, и в пересказе романа уделил этой главе лишь несколько строк. Ведь в 1904 г. (время действия) и в 1914-1921 гг. (время написания) ни в Дублине, ни в Триесте, Париже и Цюрихе не было ни множества евреев, ни яркого антисемитизма. Как осуждение антисемитизма эта глава — все равно что из пушек по воробьям.

Но, видимо, Джойс предчувствовал наступающий ужас, и одно пророческое слово это показывает. Это слово содержится в главе "Итака", где дается полушутливое, символическое переосмысление Блюдня в религиозно-историческом ключе и рассказывается о столкновении с необузданным троглодитом в заведении Барни Кирнана (holocaust).

Спустя 30 лет это слово стало значить только одно — столкновение с необузданными троглодитами, закончившееся гибелью европейского еврейства. Джойс никогда не выступал по политическим вопросам и отказывался подписывать любые коллективные обращения и протесты. Единственным исключением было его выступление в защиту евреев после победы нацистов в Германии. (Джойс умер в 1941 году.)

С этим связан и ответ на непустой вопрос: можно ли жить по Блюму? Ведь если даже Израиль — решение циклопическое. Не лучше ли вернуться к человечности, к тихой человечности Рассеяния?

Во-первых, красивый ("как женщина"), длинноресничный, высокий и матовокожий, со смеющимися и подшучивающими глазами Блюм терпит поражение во всем — от продления рода до понимания близких. Ирландский критик отмечает, что все действия Блюма в романе связаны с пустой тратой, с распылением добра. "Блюм проходит через сад, нуждающийся в удобрении, он замечает это, но проходит в уборную, хотя алебастровому трону-унитазу его дерьмо не нужно. Блюм читает сионистскую листовку о сельскохозяйственном поселении у Кинерета — но он не поедет туда. Уже 10 лет Блюм не оплодотворяет свою жену Молли, выплескивая семя на ее зад". К этому списку можно прибавить еще десяток подобных преднамеренных неудач — Блюм не оплодотворяет ни Молли, ни Герти, ни Ирландию, ни Палестину, ни ум Стивена, ни революцию Шин Фейна.

Но, во-вторых хуже, чем во-первых: как Блюм нельзя жить, но можно умереть, как показывает Циклоп и циклопическая евромахия. Евреев Господь закликает не бунтовать против народов мира, жить по Блюму, не отвечать силой на силу и не освобождать страну Израила с оружием в руках. Народы мира закликает Господь щадить евреев и не выводить под корень. Убийства нацистов разрушили эту космическую связь, и знакомый нам мир Блюмов рухнул. Блюмов Европы постигла судьба динозавров.

Конечно, Блюмы не смогли бы выжить нигде. И в Израиле нет нехватки в циклопах. Ведь главное в Блюме — это то, что личное для него важнее общественного, а такой человек был бы осужден в любом месте гневной общественностью, этим бичом XX века.

БЛЮДЕНЬ, ИЛИ КРАТЧАЙШЕЕ СОДЕРЖАНИЕ "УЛИССА"

Действие всего романа охватывает только один день.

Первые три главы ("Телемахида") рисуют утро Стивена Дедалуса, Молодого поэта, героя "Портрета художника в юности". Эффект ожидания Блюма (главного героя "Улисса") возникает с самого начала. Соседа Стивена одолевает ночной кошмар: нападение черной пантеры — леопарда-Леопольда черного Блюма. Англичанин Хайнс провозглашает, что главная беда Британии — это засилье евреев. Об этом же говорит во второй главе директор школы, в которой подрабатывает Стивен. Он разрешает загадку: почему Ирландия никогда не преследовала евреев, — она не допускала их в свои пределы.

В главе "Калипсо" появляется наконец сам Блюм. Он готовит завтрак для себя и жены, пока та спит, затем выходит за свиной почкой и у торговца свиной — венгерского еврея Длугача — находит сионистскую брошюру, призывающую купить землю около Кинерета. Этот призыв многократно всплывает в его мозгу во время Блюдня. За завтраком Блюмы читают письма — от дочери Милли пятнадцати лет, которая флиртует с молодым студентом, и от импрессарио Молли Бойлана, который собирается прийти в четыре часа пополудни и наставить рога Блюму. Это немало угнетает Блюма, хотя уже десять лет Блюм и Молли не имели "полноценных" половых сношений.

Блюм отправляется на кладбище ("Аид") на похороны Падди Дигнама, где его уговаривают помочь вдове Дигнама.

Оказавшись на работе в газете "Фримэн" ("Эол"), Блюм пытается получить объявление у Александра Кейса, ведет переговоры об этом с Наннаном-Наннетти, обирландившимся итальянцем, советником дублинского муниципалитета, однако эти переговоры не приводят ни к каким результатам. Затем Блюм перекусывает, обедает ("Сирены"), пишет письмо Марте, с которой он флиртует "путем взаимной переписки". Далее он заходит в пивную Кирнана ("Циклоп"), где ждет Каннингэма, чтобы помочь вдове Дигнама. Затем мы видим Блюма на берегу моря, где он следит за Герти и онанирует ("Навзикая"). После этого Блюм появляется в родильном доме ("Быки Гелиоса"), чтобы навестить роженицу, и встречает пьяного Стивена. Они идут в квартал Красных фонарей ("Цирцея"), где Блюм выручает Стивена. Они блуждают ("Евмай"), приходят домой к Блюму ("Итака"), Стивен уходит домой, а Блюм засыпает в объятиях Молли, потребовав на утро завтрак в постель.

Так проходит Блюдень.

Джеймс ДЖОЙС

ЦИКЛОП

Глава из романа "Улисс"*

Коротаю я этак время со стариной Троем из дублинской полиции на углу Арбор Хилл, и тут, чтоб меня разразило, только прохожий трубочист чуть не всадил мне свое помело прямо в глаз. Только повернулся я, чтоб сказать ему пару ласковых, и вдруг — кого я вижу — ковыляет по Стоуни Баттер — Джо Хайнса.**

* Гомеровские подзаголовки Джойс снял перед выходом книги в свет, но критики ими пользуются для удобства. Гомеровские аллюзии у Джойса — особенно в "Циклопе" — найти легко. В самой первой строке Рассказчик беседует со старым Троем — шуточный намек на Троя. Рассказчик остается безымянным, на протяжении многих страниц не упоминается имя Блюма, безымяннен и Гражданин — это соответствует шутке Одиссея, назвавшегося Никто при встрече с циклопом. Конечно, ко всем этим параллелям отношение, скорее, шутовское, чем сакральное. Более глубокий смысл одноглазости циклопов. Этому свойству соответствует неспособность циклопов видеть рельефный мир. У циклопов — плоскостное видение мира: кто не с нами, тот против нас. Блюм — единственный двуглазый в этой компании, и каждый раз ему за это попадает: даже за англичан он заступился, потому что "с другой стороны"... В стране кривых двуглазых только помеха. Как заметил один из комментаторов Джойса: кривые видят все куда четче, чем двуглазые, а полутона им ни к чему. И эта циклопья тема, не меньше, чем еврейская, знакома нам по эмиграции.

**Журналист, с которым Блюм работает в газете. Блюм встретил его утром на кладбище на похоронах Падди Дигнама.

— Лё, Джо, — говорю, — чем дышишь? Видал, как этот блядский трубочист чуть не высадил мне глаз своей метелкой?

— Сажа, к счастью, — говорит Джо. — Что это за старый хрен, с которым ты толковал?

— Старина Трои, — говорю, — бывший кадровый. Никак не решу, не подать ли на того молодца за заграждение проезжей части дороги своими щетками и лестницами.

— Что ты ищешь в этих местах? — говорит Джо.

— А до хера и больше, — говорю. — Есть тут один блядский хитрющий прохиндей — старина Трои только что подковал меня — набрал сколько душеньке угодно чаю и сахару на выплату по три монеты в неделю, сказал, что у него рента с графства Даун, у одного малька, по имени Мойше Герцог, около Хэйтсбери стрит.

— Обрезанный! — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Отколупанный. Чертов золотарь, звать Герати, я на его чику уже две недели мечу, а пенни еще не выжал.

— Так ты этим сейчас промышляешь? — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Взымаю долги с несостоятельных или нерасторопных должников. Но почище этого блядского грабителя хоть весь день бегай, не встретишь, а рожа — вся в оспинах, да таких, что ливень удержат. Скажи ему, говорит, пусть только попробует, говорит, пусть только посмеет еще раз подослать тебя, говорит, я его тут же под монастырь подведу,* точно говорю, — за торговлю без разрешения.

А уж он набил себе сусеки так, что лопаются! Иисусе, прямо смех разбирает на еврейчика глядя, как он на себе рубашку рвет. *Он пьет мне мои чаи, он кушает мне мои сахара. Почему не платит мне мои деньги?*

* "Я его под монастырь подведу"... — Герати взял в кредит чай и сахар у посредника-еврея Герцога и обязался выплачивать стоимость взятого по три шиллинга в неделю. Он пользуется уверткой, как Одиссей, — если бакалейщик будет прижимать его, он донесет на него за торговлю без патента.

За нескоропортящиеся товары,* приобретенные у Мозеса Герцога, проживающего в доме № 13 по Ст.Кэвинской аллее района Лесного причала, в дальнейшем именуемого "Продавец", проданные и поставленные Майклу Е.Герати, эсквайру, проживающему в доме № 29 по Арбор Хилл, в районе причала Арран, города Дублина, джентльмену, в дальнейшем именуемому "Покупатель", а именно: пять фунтов английской меры рафинированного сахара песка по три пенса за фунт английской меры веса, вышеименованный Покупатель обязуется выплатить вышеименованному Продавцу шесть пенсов, пять шиллингов и один фунт стерлингов за полученный товар, каковая сумма будет выплачиваться вышеименованным Покупателем вышеименованному Продавцу по частям, еженедельно раз в семь календарных дней по три шиллинга и ноль пенсов; и вышеупомянутые товары не могут быть заложены, проданы, переданы или отчуждены иным способом вышеименованным Покупателем, но должны оставаться и остаются личной и исключительной собственностью вышеименованного Продавца, который имеет право распоряжаться ими по своей воле и желанию, пока указанная сумма не будет полностью и надлежащим образом выплачена вышеименованным Покупателем вышеименованному Продавцу, о чем и была достигнута настоящая договоренность между вышеупомянутым Продавцом, его наследниками, правопреемниками, опекунами и распорядителями имущества, с одной стороны, и вышеупомянутым Покупателем, его наследниками, правопреемниками, опекунами и распорядителями имущества — с другой стороны.

— Ты как, стал абсолютным трезвенником? — говорит Джо.

— Не пью между выпивками, — говорю.

— Может, засвидетельствуем почтение нашему другу? — говорит Джо.

* "За нескоропортящиеся товары"... — здесь появляется шуточный второй голос. Вся эта глава "поется" на два голоса. Один — это рассказчик-аноним. Другой — это многоликий (как Протей, которому приписывалась способность произвольно менять свой вид) голос пародии, с помощью которой происходящее пересказывается во всевозможных стилях.

— Кому? — говорю. — Само собой, он в св.Иоанне Богоугодном, сбрендил, бедняга.

— Пьет свое собственное? — говорит Джо.

— Ага, — говорю. — Виски с водой на мозги.

— Пошли к Барри Кирнану, — говорит Джо. — Хочу повидать гражданина.*

— Пошли к Барри Кирному, — говорю. — Что-нибудь стрялось, Джо? Чем удивишь или поразишь?

— Ни звука, — говорит Джо. — Я был на собрании в "Городском гербе".

— Насчет чего, Джо? — говорю.

— Скотоводы, — говорит Джо, — насчет ящура. Хочу гражданину всю правду-матку донести.

Так пошли мы вокруг Линенхолских казарм и за зданием суда, болтая о том да сем. Добрый малый Джо, когда есть у него, но само собой, у него никогда нет. Иисусе, никак не могу забыть этого блядского лиса Герати, прямо грабеж среди бела дня. За торговлю без разрешения, говорит.

В Инисфайле Прекрасном** лежит земля, святая земля Мичана. Высится там башня, издалека видна она. Там как живые опочивают вечным сном богатыри сей земли и воины, и князья славного имени. Воистину хороша сия земля с ее журчащими водами, обильными рыбой ручьями, где резвятся форель, жерех, сом, судак, лещ, щука, карп прудовый, окунь, севрюга и несортовая мелкая рыба, и прочие обитатели акваторического царства, слишком многочисленные для перечисления. Под мягким дуновением ветра с запада и востока величавые деревья склоняют в разные стороны свои первоклассные

* Гражданин — остается безымянным. В черновике фигурирует под своим подлинным именем — Майкл Кассак. Таскался из пивной в пивную, ожидая угощения от патриотов, но в молодости был здоров подраться и врывался в пивные с боевым кличем: "Я — Майкл Кассак из графства Слиго, а ты, протестантский пес, кто такой?" Видимо поэтому Джойс дал ему пса в спутники. Песья натура гражданина отразилась еще и чисто личную черту Джойса — он не любил собак.

** "В Инисфайле прекрасном"... — здесь в стиле, пародирующем не то древние ирландские сказания, не то современные им подражания, описывается рынок при приходе св.Мичана, по которому проходят герои.

кроны: изящная сикамора, ливанский кедр, возвышенный платан, евгенический эвкалипт и прочие орнаменты арбореального мира, коими сей край снабжается по первой категории. Прелестные девы сидят в непосредственной близости к корням прелестных деревьев и поют прелестные песни, играя в то же время всевозможными прелестными предметами: как-то золотыми слитками, серебристыми рыбками, бочками сельдей, выводками угрей, мальками трески, корзинами икры, пурпурными раковинами и резвыми насекомыми. И витязи съезжаются издалека сватать их, от Элны и Сливмарджи, несравненные князья неутомимого Манстера, и Коннохта праведного, и ладного ловкого Ленстера, и из земли Кручана, и из великолепного Арма, из благородного удела Бойла, князья и королевичи.

И здесь вздымается сияющий замок, и его хрустальный блистающий купол виден издалека и светит мореплавателям, пересекающим обширное море в ладьях, построенных специально для данной цели, и сюда собираются все стада и первые плоды земли и вскормленные тучные тельцы, и О'Коннел Фицсиммон берет ими дань, вождь и потомок вождей. Доселе влекут весьма крупные обшешни тук полей: поддоны цветной капусты, пучки шпината, шишки ананасов, рангунские бобы, гарнцы томатов, лари фиг, обточенные брюквы, округлые картофелины, радужные вилки капусты иоркской и савойской, и гирлянды луковиц, сих земных жемчужин, и ведра грибов, тыквы и кабачки, и сочные стручки горошка, и ячмень, и сурепица, и красные зеленые желтые румяные восковые сладкие крупные кислые спелые райские наливные яблоки, и лукошки земляники, и сита крыжовника, мясистого и сквозносветящегося, и земляника, как для князьего застолья, и малина прямо с куста. *Пусть только посмеет*, говорит он, *пусть еще раз осмелится*. А ну выходи, чертов Герати, блядский грабитель с большой дороги!

И тем же путем поспешали бессчетные стада овнов и пугливых ярок и стриженных ягнят и барашков и гуменников и сортовых волов и ржущих кобыл и комолых телят, и рунных, сальных и овчинных овец, и отборных яловов Каф-

фа, нагульной скот, супоросые свиньи и кладеные боровы, и различные многочисленные пороссячи породы высшего качества, и телки Ангуса, и комлатые бычки безупречных кровей вместе с премированными быками и дойными коровами, и вовеки раздаются здесь мычание, блеяние, ржание, хрюканье, рев, гоготанье, хрипенье, топот, меканье, фырканье, жевание овец и свиней и тяжелокопытных коров с зеленых пастбищ Лаша и Раша и Каррикмайнса и из многоводных долин Томонда, от непроходимого Мак-Гилликадди, с берегов бездонного величественного Шаннона и с плавных склонов киарской породы, вымя их разбухло от избытка молока, и сбитки масла, и головы сыра, и бочонки с пахтаньем, и окорока, и корейка, и четверики зерна, и овальные яйца многими сотнями, белы и буры, коротки и долги. Ну, завернули мы к Барри Кирнану — и точно: сидит себе гражданин в уголке, задушевничает вовсю с той блядской шелудивой дворнягой Гарриоуэном и ждет, что ему перепадет с неба на предмет выпивки.

— Вот и он, — говорю, — в свой КПЗ за своим киром и с кучей газет, тщится на пользу дела.

Чертова дворняга рыкнула так, что мороз по коже. Благое дело сотворит, кто удавит проклятого пса. Слыхал я, было дело, отъел он полштанины у констебля в Сантри, когда тот пришел с повесткой за лицензией,

— Жизнь или кошелек, — говорит.

— Все свои, гражданин, — говорит Джо. — Друзья.

— Заходите, друзья, — говорит. Затем трет себе глаз ладонью и говорит: — Что скажете о нынешних временах и нравах?

Роб Роя строит, бригаана. Но, бля буду, Джо не уступил ему.

— Я думаю, что курс биржи подымается, — говорит он и чешет себе в паху.

И, бля, гражданин цапает его лапой за колено и говорит:

— Это все из-за иностранных войн.

И говорит Джо, засовывая большой палец в карман:

— Это стремление русских к господству.

— Арра, вяжите это блядское шутарство, Джо, — говорю, — у меня такая жажда, что за пол-литру не отдал бы.

— Наименование, гражданин, — говорит Джо.

— Отечественная лоза, — говорит.

— А тебе? — говорит Джо.

— Те же и то же,* — говорю.

— Три пива, Терри, — говорит Джо. — Ну как ретивое, гражданин, — говорит он.

— Лучше не бывает, а кара,** — говорит. — Что, Гарри, мы еще победим, а?

И так он хватает блядского барбоса за шкуру и, Иисус свидетель, чуть не придушил его.

Фигура, высившаяся на огромном валуне у подножья круглой башни?*** являла собой прекрасный образчик широкоплечего крутогрудого сильносуставного искреннеглазого огненноволосого многovesнушчатого лохматобородого ширококоротого крупноногого долгоголового румянолицего жилисторукого героя. Размах его плеч превосходил несколько саженей; его скалоподобные колени горца были покрыты, как и прочие видимые части тела, крепкой порослью бурых колючих волос, своей окраской и прочностью напоминавшими утесник обыкновенный (*Ulex Europeus*). Широко раздутые ноздри, из которых торчали пряди той же бурой поросли, были такой вместительности, что в их пещерном мраке легко смог бы свить себе гнездо жаворонок. Глаза, в которых слеза и улыбка вечно боролись за господство, не уступали размером добродушному кочану капусты. Мощный поток теплого дыхания вырывался через равные промежутки времени из глубочайшей полости его рта, и в ритмическом резонансе с ними гулкие ядерные биения его внушительного сердца громоподобно грохали, приводя насыпь вокруг, вершину гордой башни и еще более гордые стены пещеры в содрогание и трепет.

* "Те же и то же" ...— имеется в виду дублинская идиома: "Присоединяюсь к Мак-Анаспи". На собрании патриотов Мак-Анаспи говорил в течение получаса, и последующий оратор не нашел возможным что-либо добавить и сказал лишь: "Присоединяюсь к Мак-Анаспи"

**

а кара — милостивый государь (ирланд.).

*** "Фигура, высившаяся" ... — здесь использовано описание Циклопа Гомером ("Муж великанского роста... казался лесистой, дикой вершиной горы"), которое дается на вальтерскоттовский лад и перенесено в лубочную Ирландию.

Он был облачен в длинную *епанчу* без рукавов из свежесодранной бычьей шкуры, падавшую свободными складками на его колена и перехваченную посредине опояской, свитой из соломы с камышом. Под этим он носил *гачи* из оленьей кожи, грубо схваченные жильным гашником. Его нижние конечности были заключены в высокие балбригские бахилы, окрашенные багрецом лишайника, а ступни обуты в поршни дубленой коровьей шкуры, затянутые трахеей этой же твари. С его опояски свисала гирлянда морских галек, гремевших при каждом движении его внушительного корпуса, и на которых были вырезаны с грубым, но поразительным искусством племенные тотемы и образы многих стародавних исконных ирландских героев и героинь, таких как Кукулин, Конн Стобитвенный, Нилл Деятипленный, Бриан Кинкорский, Ардри Малахи, Арт Мак-Марра, Шэйн О'Нейл, о.Джон Морфи, Оуэн Роу, Патрик Сарсфилд, Красный Хью О'Доннель, Красный Джим Мак-Дермотт, Соггарт Он,* О'Гроуни, Майкл Двайр Фрэнси Хиггинс, Генри Джой Мак-Кракен, Голиаф, Хорас Уитли, Томас Коннефф, Пег Вуффингтон, Деревенский Кузнец, Капитан Самогон, Капитан Бойкот, Данте Алигьери, Христофор Колумб, св.Фурса, св.Брендан, маршал Мак-Магон, Карл Великий, Теобальд Вулф Тоун, Мать Маккавеев, Последний из Могикан, Роза Кастилии, Избранник Галуэя, Сорвавший Банк в Монте Карло, Человек в Проломе, Женщина Не Ставшая, Бенджамин Франклин, Наполеон Бонапарт, Джон Салливан, Клеопатра, Саворнин Дилиш**, Юлий Цезарь, Парацельс сэр Томас Липтон, Вильгельм Телль, Микеланджело, Хэйз, Магомет, Невеста из Ламмермура, Петр Отшельник, Петя и Волк, Патрик У.Шекспир, Брайн Конфуций, Нилл Гутенберг, Патрицио Веласкес, Капитан Немо, Тристан и Изольда, Первый Прин Уэльский, Томас Кук и Сын, Оловянный Солдатик, Арра на Пог, Дик Терпин, Людвиг Бетховен, Прекрасная Селянка, Уаддлер Хили, Ангус Калди, Долли Маунт, Сидни Парад, Бен Хоут, Валленштейн, Грейт-рейкс, Адам и Ева, Артур Уэллсли, Босс Крокер, Геродот, Джек Победитель Велика-

* Соггарт Он — отец Джон (ирланд.)

** Саворнин Дилиш — моя душенька (ирланд.)

нов, Гаутама Будда, Леди Годива, Лилия Килларни, Балор Сглазивший, Царица Савская, Аки Нагл, Джо Нагл, Алессандро Вольта, Иеремия О'Донован Росса, Дон Филипп О'Салливан Беар. Склоненное копье с наконечником из заостренного гранита покоилось пред ним, в то время как у его ног прилежал кроважадный отпрыск собачьего племени, чье хриплое затрудненное дыхание свидетельствовало, что он погружен в беспокойное забвение, причем сие предположение подтверждалось хриплым рыком и спазматическими подергиваниями, которые его повелитель подавлял время от времени утихомиривающими ударами мощной палицы, грубо сработанной из палеолитического камня.

Ну вот Терри принес три кружки — угощение Джо — и, бля, у меня свет в глазах померк, когда он выложил золотой. Клянусь, так и выложил. Хорошенький червончик.

— Не последний, — говорит, — есть еще на развод из того же гнезда.

— Церковную кружку ломанул, Джо? — говорю,

— В поте лица моего, — говорит Джо. — Хитроумный член общества подсуфлировал.*

— Я его видал как раз до нашей встречи, — говорю, — шлепал по Грецкой, пересчитывал рыбы потроха своим шукарским рыбьим глазом, моргун.

Кто грядет в земле Мичана, закован в булатные доспехи? О'Блум, сын Рори, се он.

Не ведает страха Рориев сын: хитроумна душа его.

— На старуху с Принцовой улицы,** — говорит гражданин, — на субсидированное издание. Присягу давали. Только посмотрите на проклятую газетенку, — говорит он, — Посмотрите, — говорит. — "Ирландская Независимая Газета", с вашего поз-

» "...подсуфлировал"... — Блум, по-одиссеевски безымянный, не названный, благонамеренный и хитроумный, напомнил Хайнсу, что он может успеть в кассу газеты, где они оба работали (Хайнс — репортер. Блум — по сбору объявлений), чтобы получить зарплату. Таким образом Блум надеялся получить три шиллинга, которые Хайнс уже давно был ему должен, Надежды его не оправдались.

*** "Старуха с Принцовой улицы"... — имеется в виду газета "Фримэн", где работают Блум и Хайнс,

воления, основана Парнеллом, чтоб была другом рабочего человека. Послушайте только о смерти и рождении в этой Ирландской — все для Ирландии — независимой газете, а о бракосочетаниях уж и говорить не придется.

И он начинает читать вслух.

— *Гордон, Барнфилдский переулок, Экзетер, Редмэйн из Иффли, Ст.Анн-на-взморье, супруга Уильяма Т.Редмэйна, сообщают о рождении сына. А это каково? Райт и Флинт, Винсент и Жиллетт с Ротой Марион, дочерью Розы и покойного Джорджа Альфреда Жиллета, 179 Клапэм роуд, Стоквелл, Плэйвуд и Рисдэйл в церкви Св.Иуды Кенсингтонского. Обряд исполнил преподобнейший д-р Форрест, декан Вустура, а? Смерти: Бристоу, у Уайтхолл лэйн, Лондон: Карр, Сток Нью-ингтон от гастрита и болезни сердца, Реджи, Реззи В.Хью из Моунт Хаус, Чепстоу...*

— Этого я знаю, — говорит Джо, — по горькому опыту.*

— *Реззи В.Хью. Димси, супруга Дэвида Димси, б.сот.адмиралтейства: Миллер, Тоттенхэм, в возрасте 85 лет: Уэльш, 12 июня, в Ливерпуле, Канинг стрит 35, Изабелла Эллен. И это называется ирландская пресса, а, мой лохматый друг? А где же Мартин Морфи, мастеровой из Бантри?*

— Ну, ладно, — говорит Джо и подает выпивку кругом, — Слава Богу, что хоть в этом они нас обогнали. Пейте, гражданин.

— Я выпью, — говорит, — почтенный компатриот.

— Здоровье, Джо, — говорю. — Пошли-поехали.

Ааа! Ооо! Ни слова! Я досиня заплесневел в ожидании этой пол-литры. Господом Богом клянусь, слышно было, как она ухнула о дно желудка.

И сѣ**, когда они упивались веселящей сердца влагой, богоравный вестник быстро взошел к ним, сияя, как зрак небесный, пригожий юноша, а вслед за ним прошествовал старец благородной поступи и обличил, несущий священные свитки

* "По горькому опыту"... — не только у Джо есть горький опыт такого рода — как мы узнаем в дальнейшем. Рассказчик тоже страдает от гонорей.

** "И се..." — вошел Берган, мимо прошли Деннис Брин с супругой.

закона, и с ним его госпожа супруга, нет равных ее роду, нет соперниц ее красе.

Малыш Альф Берган влетел в дверь и загнулся за стойкой Барни, задыхаясь от смеха, а кто сидел там в углу, я его раньше не заметил, в полной отключке, храпит с перепою, только Боб Доран. Я не понял, в чем дело, а Альф все показывает на дверь. И, бля буду, что это было, только тот блядский шут гороховый Деннис Брин в шлепанцах и с двумя блядскими книжками под мышкой, а за ним по горячим следам его жена, несчастная бедолага, семенит, как пудель. Я думал, что Альф лопнет.

— Посмотрите на него, — говорит. — Вертухается вокруг всего Дублина с открыткой, ему кто-то послал, а на ней две буквы — н.а. — на на ней, и он по...

И он снова зашелся.

— Что "по"? — говорю.

— Подает за пасквиль на десять тысяч фунтов.

— Ах ты, дьявол! — говорю.

Блядская помесь заворчала так, что хоть в кого вселила бы страх Божий, что мол будет, но гражданин дал ей пинка в ребро.

— *Би и до хост*,* — говорит он.

— Кто? — говорит Джо.

— Брин, — говорит Альф. Он был у Джона Генри Ментона, а затем пошел к Коллису и Уорду, а потом его встретил Том Рочфорд и для потехи сгонял к помшерифа. О Боже, сил больше нет смеяться. Н.а. — на... Длинный глянул на него, как вынес приговор, и теперь блядский придурок побежал на Зеленую улицу, искать управы у властей.

— Когда Длинный Джон собирается вздернуть того молодца в Маунтджое? — говорит Джо.

— Берган, — говорит Боб Доран, очухиваясь. — Это — Альф Берган?

— Да, — говорит Альф. — Вздернуть? Погодите, сейчас я вам покажу что-то. Эй, Терри, принеси нам наперсток!

* "Би и до хост" — заткнись (ирланд.)

— Этот чертов мудака! Десять тысяч фунтов. Жаль, что вы не видели глаза Длинного Джона. На...

И он снова закатился.

— Над кем это ты смеешься? — говорит Боб Доран. — Это — Берган?

— Поживее, Терри, милочка, — говорит Альф.

Теренс О'Райан внял зову и тотчас поднес ему хрустальный кубок, наполненный до краев пенистым эбеновым элем, коий благородные близнецы Браг-Ивэй и Браг-Ардилаун присно варят в своих олимпийских чанах, хитроумные, как не ведающие смерти сыны Леды. Собирают они сочные ягоды хмеля и просеивают их и отбирают, и давят, и варят брагу, и смешивают впредь с кислицей, и подают сусло на священный огонь, и не покладают ни днем, ни ночью рук от труда своего, сии хитроумные братья, владыки чанов.

И тогда ты, рыцарственный Теренс, поднес прирожденно-благородным жестом хрустальный кубок и предложил сей нектароподобный напиток жаждущему, о рыцарственная душа, Теренс, красою равный бессмертным богам.

Но он, юный вождь клана О'Берганов, не мог позволить другим превзойти и затмить его щедростью и великодушием, и засим преподнес он Теренсу грациозным жестом куну драгоценной бронзы. А на ней басманен рукой умелого златокузнеца, зрим был образ королевы венценосной стати, дщери дома Брунсвиков, Виктория имя Ея, Ее возвышеннейшее Величество милостью Божией Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и британских заморских владений королева, защитница веры. Императрица Индии, держащая бразды правления, победительница многих народов и языков, многовозлюбленная, ибо все знали и любили ее от восхода солнца до его последующего заката: бледные, смуглые, румяные и эфиопы.

— Что этот блядский фармазон* там делает? — говорит гражданин. — Шастает взад-вперед за дверью?

— Что? — говорит Джо.

* "фармазон" — Блюм действительно франкмасон.

— Вот, — говорит Альф, — выдавливая звяк. — К слову о вздернуть. Сейчас я покажу вам что-то необыкновенное. Письма палачей*. Смотрите.

И он вынимает связку замахренных писем с конвертами из кармана.

— Штукаришь? — говорю.

— Честное индейское, — говорит Альф, — Читайте.

Ну, Джо взял письма.

— Над кем это ты смеешься? — говорит Боб Доран.

Ну, я понял, что скоро пойдет пыль. Боб чудачит, когда портер подопрет, ну я говорю, чтоб замаять для ясности:

— Как Вилли Мюррей поживает, Альф?

— Не знаю, — говорит Альф, — я повстречал его только что на Кэйпел стрит с Падди Дигнамом, но я так спешил...

— Ты чего? — говорит Джо, роняя письма. — С кем?

— С Дигнамом, — говорит Альф.

— С Падди? — говорит Джо.

— Да, — говорит Альф. — А что?

— Ты что, не знаешь, что он умер? — говорит Джо.

— Падди Дигнам умер? — говорит Альф.

— Ага, — говорит Джо.

— Да я его и пяти минут не прошло, как видал, — говорит Альф, — ясно, как собственный хобот.

— Кто еще умер? — говорит Боб Доран.

— Значит, ты видел его призрак, — говорит Джо. — Господи, спаси и помилуй.

— Что? — говорит Альф, — Благий Иисусе, только пять... Что?.. и Вилли Мюррей сним, они оба около этого какегозвать... Что Дигнам умер?

Чо насчет Дигнама? — Говорит Боб Доран. — Кто это говорит о....

— Умер! — говорит Альф. — Не мертвее вашего.

— Может, оно и так, — говорит Джо, — но они все же рискнули похоронить его с утра.

* "Письма палачей"... — веревки, петли и прочие сувениры такого рода украшали стены пивной Барри Кирнана, которую в основном навешивали лица судейской профессии.

— Падди? — говорит Альф.

— Ага, — говорит Джо. — Расплатился натурой с натурой. да помилует Господь его душу.

— Благий Иисусе! — говорит Альф.

Бля, он был, что называется, обескуражен и ошеломлен.

В темноте ощущались трепетания рук духа, но когда тантральное моление было направлено в желаемую четверть, постепенно стало заметно слабое, но постоянно возрастающее рубиновое свечение, и затем возникло привидение эфирного двойника, в особенности похожее на живого благодаря испусканию иевических лучей из темени и лица. Контакт осуществлялся через посредство слизистых оболочек, а также с помощью огненно-оранжевых и алых лучей, эманация которых наблюдалась из района солнечного сплетения и из центра святости. Дух отозвался на свое земное имя и на вопрос о месте своего обретения в горнем мире ответил, что он стал на путь пралайи или возвращения, но все еще страдает от рук определенных кровожадных духов низшего астрального уровня. Будучи спрошен о своих первых ощущениях за великим рубежом эфирного мира, дух отвечал, что поначалу видел все, как сквозь стекло, неясно, но что для перешедших открываются вершинные возможности атмического развития. Поставленный перед вопросом, напоминает ли потусторонняя жизнь наше плотское существование, он заявил, что их эфирные жилища оборудованы всеми современными удобствами, такими как талафана, масараправад, газ, ватаклазет, и что адепты высшего ранга омываются волнами неги и сладострастия чистейшего свойства. Потребовал стакан кефира, оный был доставлен и произвел очевидное облегчение. Спрошенный, нет ли у него вестей для живых, он призвал всех, находящихся по сю сторону, Мойя*, принять истинный путь, поскольку в деванических кругах муссируются слухи, что Марс и Юпитер затеяли недоброе в восточном углу, находящемся под властью Тельца. При выяснении особых пожеланий усопшего, был получен ответ: *Мы приветствуем вас, друзья земли, которые все еще во плоти. Смотрите, чтоб Г.К. не обод-*

* Мойя — как будто (ирланд.)

рал как липку. Как удалось установить, речь шла о м-ре Корнелиусе Келлехере, директоре популярного похоронного бюро Г.Д.О'Нейла, личном друге покойного, распоряжавшемся погребальными процедурами. Перед отбытием дух потребовал передать его дорогому сынку Патси, что второй сапог, который он искал лежит в настоящий момент под комодом в задней комнате, и что следует послать эту пару сапог к Каллену, только набойки сделать, потому что каблуки покамест годятся. Он признал, что это немало нарушало его душевный покой в горнем мире и настойчиво потребовал довести до сведения заинтересованных лиц его волю. Сторонами были сделаны заверения в том, что на данный вопрос будет обращено должное внимание и конфиденциальные источники сообщили, что данные заверения были встречены с удовлетворением.

Он покинул уделы смертных: О'Дигнам, солнце нашей зари. Борза была ступня его по папороти, о Патрик, чело лучезарное. Стенай, Банба, своими ветрами, стенай, о океан, своими ураганами.

— Вот он снова, — говорит гражданин, — уставившись на дверь.

— Кто? — говорю.

— Блюм, — говорит. — Патрулирует взад-вперед уже минут десять.

И, бля буду, его физиомордия зыркнула и снова отсохла.

Малыш Альф совсем закособочился, в Бога и в мать, совсем.

— Благий Иисусе, — говорит он, — я готов был поклясться, что это он.

Тут говорит Боб Доран, шапка съехала на затылок, последний подонок во всем Дублине, когда под градусом:

— Кто сказал, что Иисус — благий?

— Прошу вашего пердения, — говорит Альф.

— Благий Иисус, — говорит Боб Доран, — забрал бы бедняжку Вилли Дигнама?

— Ну, ладно, — говорит Альф, стараясь замять дело. — Его горести миновали.

Но Боб Доран продолжает орать вне себя:

— Он блядский головорез, говорю я вам, что забрал бедняжку Вилли Дигнама.

Терри подошел и подмигнул ему, чтоб стих, мол такие разговоры им ни к чему в приличном питейном заведении. Тут Боб Доран распустил слюни о Падди Дигнаме, чтоб мне не сойти с места.

— Прекрасный человек, — говорит он, заливаясь слезами, — чистой и благородной души.

У тебя всегда слеза недалеко от глаза. Несет вздор сивой кобылы. Пошел бы лучше домой к этой сучке придуристой, на которой он женился, Муни, дочке жопристава на побегушках. А мать держала притон на Хардвик стрит, ошивалась по лестничным клеткам, рассказывал мне Бантам Лайонс, он там остановился в два часа ночи — ни клочка на теле, выставляет себя напоказ, свободный доступ для всех желающих, честная игра на равных началах.

— Честнейший, благороднейший, — говорит. — И сгинул, бедняжка Вилли, бедняжка Падди Дигнам.

И опечаленный, с тяжким сердцем оплакал он сей угасший луч небесного сияния.

Чертов Гарриоуэн снова заворчал на Блюма, который ошивался у дверей.

— Заходите, заходите, он вас не съест, — говорит гражданин.

Ну, Блюм вихляет внутрь, шукарским глазом своим косит на пса и спрашивает Терри, не было ли Мартина Каннингэма.

— О Иисусе Мак-Карти, — говорит Джо, читая одно из писем. — Только послушайте, а?

И он зачитывает одно.

7, Хантер стрит, Ливерпуль

Главному шерифу Дублина, г. Дублин

Почтенный сэр я спешу предложить свои услуги в вышеуказанном грустном деле я повесил Джо Ганна в Бутельской тюрьме 12 февраля 1900 и я повесил...

— Покажь нам, Джо, — говорю.

...рядового Артура Чейза за зверское убийство Джесси Тилзит в Пентонской тюрьме и я был подручным когда...

— Иисусе, — говорю.

...Биллингтон казнил ужасного убийцу Жабу Смита...

Гражданин попробовал ухватить письмо.

— Потерпите, — говорит Джо, — я *особо приемист* накидывать петлю если просунет уже не вылезет в надежде на ваше благоприятствование остаюсь, почтенный сэр, мои условия пять гинеев.

В. Рамболд, мастер-брадобрей*

— И по масти хуже зверей, — говорит гражданин.

— И грязные каракули у твари, — говорит Джо. — На возьми, — говорит, — ну к черту с глаз долой. Альф. Привет, Блюм, — говорит, — что будете пить?

Ну, стали они спорить. Блюм говорит не стану и не могу и извините, мол, не сочтите за обиду, и все такое прочее, а затем говорит, ладно, возьмет, мол, только сигару. Бля, это хитроумный член, спору нет.

— Дайте-ка нам вонючку поотборнее, Терри, — говорит Джо.

Ну, Альф рассказал нам, что один молодчик послал свою карточку в знак соболезнования в траурной каемке.

— Все они брадобреи, — говорит он, — из черного края, готовы повесить родного отца за пять целковых наличными плюс дорожные расходы,

И он рассказывает нам, внизу, мол, поджидают двое подручных, виснут у него на ногах, когда упадет доска, чтобы придушить как следует, а затем они срезают веревку и продают куски по несколько монет с кумпола.

В темной земле обретаются они, мстительные рыцари бритвы. Губительную пеньку сжимают и прочь ведут в Эрб латника иль смерда, что решился на кровавое дело, ибо Я не потерплю сего, воистину, се рек Господь.

Ну, стали они толковать о смертной казни и, конечно, Блюм выступает со своими "почему" и "поэтому" и развел

*

В.Рамболд — реальная личность. Был английским послом в Цюрихе и попортил немало крови Джойсу по мелочам, Джойс по-своему сквитался с ним, назвав его именем палача. (В главе "Цирцея" он появляется как "Вилли-вешатель, к вашим услугам".) Другой английский чиновник Джо Ганн упоминается здесь же как висельник.

кодексологию, а чертов пес все время принюхивается к нему, говорят, что у жидков особый запах и собаки его чувствуют, не знаю и сдерживающее влияние и для острастки и прочее и прочее.

— На одну штуку она не оказывает сдерживающего влияния, — говорит Альф.

— Это на какую? — говорит Джо.

— На прибор висельника, — говорит Альф,

— Да ну? — говорит Джо.

— Святая истина, — говорит Альф. — Слыхал я от главного вертухая, а он служил в Килмайнхаме, когда повесили Джо Брэди Несокрушимого. Он говорил мне, когда они его срезали, прибор торчал им в морды, как кочерга.

— Охота пуще смерти, — говорит Джо, — как говорится.

— Это можно объяснить научно, — говорит Блюм, — Это вполне естественный феномен, как вы не видите, вследствие того, что...

И пошел своими языколомами изъясняться: феномен и естествознание, и тот феномен, и этот феномен.

Заслуженный ученый герр профессор Луитпольд Блюмендуфт предложил убедительное доказательство тому, что резкий перелом шейного позвонка и последующее расчленение спинного хребта неизбежно приводит, с точки зрения апробированных временем медицинских теорий, к внезапному ганглиозному возбуждению нервных центров субъекта, что заставляет Пористые ходы *corpora cavernosa* быстро сузиться таким образом, что приток крови в ту часть мужской анатомии, которую справедливо именуют пенисом или мужским органом, вызывает любопытный феномен, выражающийся в появлении патологической филопрогенитивной жетородной эрекции *in articulo mortis per diminutionem capitis*.

Ну, конечно, гражданин только и ждал повода, и полил, как из шланга, насчет несокрушимых и старой гвардии и поколения шестьдесят седьмого, и кто боится вспоминать девяносто восьмой, и Джо ему подпевает, о всех, кто был повешен, четвертован и выслан во имя дела военно-полевыми судами линча, и новая Ирландия, и новое то и се. Чем заливать о новой Ирландии, пошел и завел бы себе нового пса, точно

говоря. Паршивая прожорливая бестия, принюхивается и суется во все углы и скребет свои проплешины, и так добирается до Боба Дорана, а тот угощал Альфа четвертушкой, подлизывается, авось что перепадет. И, конечно, Боб Доран начинает дурака валять:

— Дай лапу! дай лапу, песик! Хороший песик. Дай лапу, песик. Дай нам лапку!

Арра! Налапал он конец этой лапе, и Альф пытается удерживать его, чтобы не громыхнулся со своего блядского табурета на блядскую псину, и распускает слюни: гуманная дрессировка, породистый пес, умная собака — просто тоску наводит. Затем он выковырял остатки бисквитов из жестянки "Иакова", за которой он сгонял Терри, бля буду, он сглотнул их, как пару сапог, и язык свисает на метр, просит еще. Без малого умял и самое жестянку, голодный ублюдок.

А гражданин и Блюм все спорят о главном, о братьях Шире и Вулф Тоунс за Арбор Хиллом, и Роберт Эммет, и умереть за родину, и что сделал Томми Мур с Саррой Каррен, а она уже далече. И Блюм само собой со своей пудовой сигарой кобенится, лощеная морда. Феномен! Эта бочка сала, на которой он женился, отменно клевый феномен с задом, как карусель. Когда они торчали в *Городском гербе* рассказывал мне Писсатель Бурк, была там старуха с задвинутым обалдуем-племянником, и Блюм пытался вешать ей лапшу на уши, как девочке, в глаза заглядывал и хвостом вилял и в безик играл, чтоб оторвать кус вампума, по старухиному завещанию и не ел мяса по пятницам, потому что была она брюхобойкой и лампадницей, и выводил ейного мудака погулять, и однажды провел его по всем кругам Дублина и, клянусь Святым пухом, не заиграл отбою, пока не привел его домой, наглотавшегося, как сову в спирту, и говорит сделал это, чтоб научить его вреду пьянства, и, так твою селедку, если три женщины эти без малого не зажарили его живьем, странный это рассказ, старуха, жена Блюма и м-с О'Дауд, хозяйка отеля. Иисусе, посмеялся я у Писсателя Бурка, когда он представлял их в пене и Блюма, знай талдычит свое, *да разве вы не видите и но с другой стороны*. И конечно, к слову, этот обалдуй, говорят, с тех пор зачастил к Пауэру, к пивовару, за

углом на Коун стрит, по пять раз в неделю его домой без ног оттаскивали на извозчике, после того как напробуется вволю от всех бочек блядского заведения. Феномен!

— За павших, — говорит гражданин, подымает свою поллитровую и пристально смотрит на Блюма.

— За павших, — говорит Джо.

— Вы не уловили моей мысли, — говорит Блюм. — Я имел в виду...

— *Шин Фейн!* — говорит гражданин. *Шин Фейн аюн!** Плечом к плечу с любимыми друзьями, лицом к лицу с ненавистными врагами!

Последнее прости было трогательным донельзя. На близких и дальних колокольнях непрерывно звонили погребальные колокола, и над угрюмыми погостами перекатывалось зловещее предупреждение сотен приглушенных барабанов, перемежавшихся гулками залпами артиллерийских орудий. Оглушительные удары грома и ослепительные вспышки молнии, которые озаряли эту мрачную картину, свидетельствовали о том, что силы небес добавили свое сверхестественное величие к и без того ужасающему зрелищу. Тропический ливень обрушился из разверзнутых хлябей разъяренного неба на непокрытые головы собравшегося многолюдия, насчитывавшего, по самой нижней оценке, не менее пятисот тысяч лиц обоего пола. Подразделение Дублинской Городской Полиции под личным командованием самого Комиссара Полиции охраняло порядок в несчетной толпе, которой помогал скоротать затянувшееся ожидание Йоркский Оркестр духовых и народных инструментов, восхитительно исполняя на своих обвитых траурным крепом инструментах несравненную мелодию, полюбившуюся нам с колыбели благодаря жалостливой и кроткой музе Сперанцы. Для удобства наших деревенских кузенов, коих собрались немалые контингенты, были организованы специальные железнодорожные экскурсии и предоставлены мягкие комфортабельные шарабаны. Большое удовольствие доставили собравшимся известные любимцы дублин-

* Шин Фейн аюн — название и лозунг националистической партии "Только мы сами".

ской публики, уличные певцы Л-н-г-н и М-л-г-н, которые спели *Ночь перед тем, как вздернули Гарри* в своей обычной веселящей душу манере. Наши два неповторимых весельчака развернули бурную торговлю своими афишками среди любителей комического жанра, но ни один человек, у которого в сердце есть место для чистого — без пошлостей — подлинно ирландского веселья, не упрекнул бы их за эти в поте лица заработанные гроши. Детишки из Гошпиталя для найденшей мужеского и женского полов, столпившиеся в оконных проемах, выходящих на площадь, пришли в восхищение от этого непредвиденного пополнения к числу назначенных на этот день увеселений, и здесь стоит вставить хвалебное слово Бедным Сестрам за их великолепную идею — дать бедным сироткам шанс посмотреть на подлинно поучительное зрелище. Вице-королевский поезд, где находились многие популярные дамы высшего света, был препровожден Их Сиятельствами на лучшие отборные места на главной трибуне, в то время как колоритная и экзотическая иностранная делегация, известная как "Друзья Изумрудного Острова" разместились на противоположных подмостках. Делегация, явившаяся в полном составе, включала коммендаторе Бачибачи Бенинобеноне* (полупарализованный *дуайен* группы, которому помогли устроиться на его месте с помощью парового подъемного крана), м-сье Пьер Поль Петитпатант; Великий Грецорх Владинмир Велосипедов, Эрцгрецорх Леопольд Рудольф фон Шванценбад-Ходенталер, графиня Марта Вирага Кисашони Путрапешти, Хирам И.Бомбуст, граф Атанатос Карамелопулос, Али Баба Бакшиш Рахат Лукум-эффенди, сеньор гнидальго Кабальеро дон Пекадилю-и-Палабрас-и-Патериостер де ла Малора де ла Малярия, Хокопоко Харакири, Хи Ху Чай, Олаф Кобберкеддельсен, минхер Туз ван Пик, пан Поллях Паддирезкий, гусьподин Прхклстр Кращинабрищиситич, герр хурхаусдиректорпрезидент Ганс Чуешьли Штоесли, Национальгимназиуммузеумсанаториумисуспенсориумординарныйприватдоцентобщейисториииспециальныйпрофессордоктор

* Бачибачи Бенинобеноне — это и другие — шуточные и иронические имена: Чмокчмок Нифигадофига, Лентяй из Мудовой долины, Войномир и т.д.

Кригфрид Убералгемайн. Все делегаты без исключения отозвались крайне резко и гетерогенно относительно того безымянного варварства, свидетелями коего они были приглашены стать. Оживленные дебаты (в которых все приняли участие) завязались среди членов Ирландского Общества, является ли 8 и 9 марта подлинным днем рождения святого покровителя Ирландии. В ходе спора стороны обменялись ударами и обратились к пушечным ядрам, домбрам, бумерангам, арбалетам, аркебузам, ночным вазам, мясорубкам, зонтикам, катапультам, метелкам, мешкам с песком и чугунным слиткам. Малютка-полицейский констебль Мак-Фадден, вызванный специальным нарочным из Бутерстоуна, быстро навел порядок и с молниеносной находчивостью предложил в качестве компромисса, одинаково почетного для обеих сторон, избрать семнадцатое число. Предложение смекалистого полуторасаженого полицейского пришлось всем по вкусу и было единогласно принято. Констебль Мак-Фадден принял поздравления членов Ирландского Общества, многие из которых истекали кровью. Когда удалось извлечь командаторе Бениноненоне из-под его президентского кресла, его юрисконсульт адвоката Пагамими объяснил собравшимся, что различные предметы, спрятанные в его тридцати двух карманах, были изъяты им во время суматохи из карманов его младших коллег в надежде облагородить их. Эти объекты (включая несколько сот мужских и дамских золотых и серебряных часов) были поспешно возвращены их законным владельцам, и на площади воцарилась всеобщая гармония.

Тихо, непритязательно, Рамболд ступил на эшафот в своем безукоризненном смокинге и с любимым цветком *Gladiolus Cruentus*. Он объявил о своем присутствии тем мягким Рамбольдовским покашливанием, которое столь многие безуспешно пытались имитировать — кратким, кропотливым, точным и вместе с тем настолько своим и личным, присущим только ему. Появление всемирно известного мастера заплочных дел было встречено громом приветственных кликов собравшимися ценителями его искусства, вице-королевские леди махали ему в восхищении платочками, в то время как более восторженные по характеру иностранные делегаты спи-

лись в многоголосом реве, выкрикивая *хох, банзай, аллеи, живио, чинчин, пола крония, хипхип, вив, Алла*, но среди их голосов взвивалось, легко различимое, двойное *Фа*, напоминавшее нам те душещипательные ноты, которыми евнух Калалани очаровывал наших прабабушек, — это было звенящее *эввива* депутата страны песен.

Пробило семнадцать. Мегафон подал немедля сигнал к молитве, и моментально все шляпы слетели с голов, а патриархальное сомбреро командаторе, передававшееся из рода в род в его семье с времен революции Риенци, было удалено его лейб-лекарем д-ром Пиппи. Ученый прелат, принесший последнее утешение нашей святой веры герою-мученику, близящемуся к часу своей геройскомученической кончины, склонил колена в подлинно христианском порыве в дождевой луже, покрыв сутаной свою седовласую голову, и вознес к трону Всевышнего свою истовую мольбу. Рядом у плахи стояла мрачная фигура палача, обличив которого скрывалось под пятиведерной бадьей с двумя прорезанными окружностями правильной формы, сквозь которые яростно поблескивали его глаза. Ожидая судьбоносного сигнала, он проверил лезвие своего ужасного оружия, проводя им по своей мускулистой руке, или быстро обезглавливая отару овец, поставленных поклонниками его жестокого, но необходимого ремесла. На элегантно инкрустированном столике рядом были аккуратно разложены резак для четвертования, различные причудливой формы и тонкой работы приспособления для потрошения (поставляемые по особому заказу всемирно известной фирмой по изготовлению столового серебра "Джон Раунд и Сын", Шеффилд), керамический соусник для помещения в оный извлеченных двенадцатиперстной, ободочной и слепой кишок, а также аппендикса и т.д., и два вместительных молочника, предназначенных для размещения драгоценнейшей крови драгоценнейшей жертвы. Попечитель объединенного Дома для котов и собак находился рядом, чтобы препроводить эти сосуды после их наполнения в это благотворительное заведение. Прехорошенькая трапеза, состоящая из яичницы с подрумяненными ломтиками ветчины, бифштекса с луком, аккуратненько прожаренного, сдобных булочек

прямо из печи и бодрящего ароматного чая, была заботливо предоставлена властями для потребления центральной фигуре трагедии, причем виновник торжества был в отменном расположении духа и, будучи приготовлен к смерти, проявлял живой интерес к происходящему сначала до конца, но он в порыве самоотречения, редком в наши дни, благородно воспользовался предоставленной возможностью сотворить добро и в качестве своего последнего желания (немедленно исполненного) попросил, чтобы это угощение было разделено равнообъемно между нуждающимися и хворыми членами ассоциации владельцев меблированных комнат в знак своего внимания и уважения. *Нек и нон плюс ультра*, апогей чувств был достигнут, когда стыдливая невеста пробила себе путь сквозь плотные ряды зрителей и бросилась на мускулистую грудь того, кто готовился предстать во имя ее пред вечностью. Герой заключил ее хрупкие формы в любовном объятии, нежно бормоча: *Шейла, моя милая*. Подбодренная этим употреблением ее крестного имени, она страстно расцеловала всевозможные подходящие части его особы, до которых скромность тюремного облачения позволяла ей пылу добраться. Она поклялась ему, когда соленые потоки их слез слились воедино, что она вовеки будет дорожить его памятью, что она никогда не забудет своего любимого мальчугана, пошедшего на смерть с песней на устах, как на игру в городки в Клонтурском парке культуры и отдыха. Она освежила в его памяти счастливые безоблачные дни их блаженного детства, проведенного на берегах Анны Лиффи, когда они оба предавались невинным забавам юности, и, позабыв ужасное настоящее, они сердечно рассмеялись, и все зрители, включая преподобного пастора, присоединились к общему веселью. Эта чудовищная публика чуть животики от хохота не надорвала. Но вот их охватило горе, и в последний раз они переплели руки. Новый поток влаги хлынул из их слезных протоков, и огромная толпа, задетая за живое, забилась в душераздирающих стенаниях. И не последним из задетых за живое оказался и сам преклонный пребендарий.

Здоровые мужики, хранители порядка, великодушные великаны королевской ирландской полиции, не скрываясь, по-

лезли за носовыми платками, и можно смело сказать, что во всем этом небывалом по своим размерам скоплении нельзя было найти ни одного сухого глаза. Подлинно романтическое происшествие не заставило себя ждать, когда молодой красавец, выпускник Оксфорда, известный своим рыцарством по отношению к прекрасному полу, вышел из рядов зрителей и, предъявив свою визитную карточку, банковскую книжку и генеалогическое древо, просил руки несчастной девицы, требуя ее самое назначить день венчания, и получил ее согласие, не сходя с места. Все присутствовавшие дамы и девицы получили в дар элегантный сувенир в память о событии — брошку в виде черепа со скрещенными костями, причем этот великодушный и своевременный шаг вызвал новую вспышку страстей и чувств, и, когда галантный юный оксфордец (к слову, носитель одного из самых освященных временем имен в истории Альбиона) надел на пальчик своей застенчивой избранницы дорогое обручальное кольцо с изумрудами в форме четырехлистного клевера, восхищение и восторг не знали границ. Да, даже суровый профос, подполковник Томкин-Максвелл ффренчмуллан Томлинсон, руководивший этой грустной церемонией, он, привязавший немало сипаев к жерлу пушки, не моргнув глазом, на этот раз не смог сдерживать своих естественных эмоций. Стальной перчаткой он смахнул непрошенную слезу, и, как услышали те почтенные горожане, которым выпала честь находиться в его антураже, пробормотал в седые усы прерывающимся голосом:

— Разрази меня Господь, ежели эфта вот треклятая девах не самая что ни на есть треклятая красотка. Разрази меня Господь, это прямо прошибает треклятую слезу, в мать и душу, потому что напоминает мне о моей верной маштубе, которая ждет меня там, по дороге на Лаймхауз.

Ну тут гражданин начинает толковать об ирландском языке и о собрании Лиги, и прочее, и о *шонинах** обангличаненных, которые не знают своего собственного языка, и Джо встречается, чтобы зашибить у кого целковый, и

* Шонин — перебежчик (ирланд.)

Блюм фраерит со своим двухкопеечным окурком, который он выклянчил у Джо, и несет о Гэльской лиге и Лиге трезвенности и пьянстве, этом биче Ирландии. Трезвенность тут в самый раз. Бля, можно ему влить в глотку все пойло в мире, и раньше Господь призовет его, чем вы хоть пену на его угощении увидите. Пошел я однажды с приятелем на их музыкальный вечер, пляски и спевки насчет могла залезть на скирду ко мне Маурин Лэй при полной луне, и был там массовик-затейник с голубым бантом на рукаве, так и прет из него по-ирландски, и *коллины-девахи** разносят безалкогольные напитки и продают медали и апельсины, и лимонад, и засохшие черствые сайки, бля, *флагульное*** развлечение, слов нет. Ирландия трезвая — Ирландия свободная. А затем один старикан начал дудеть в свою волынку, и все эти долбозвоны волокут ноги в лад, от которого старая буренка окочилась. И долгополые секут, чтоб не допускали чего с женским полом, удар ниже пояса.

Нукакбытонибыло, как я говорил вам, псина увидала, что жестянка пуста и принялась отираться вокруг Джо и меня. Я бы задал ему гуманную дрессировку, не упустил бы, если это был бы мой пес. Дать ему отменного пинка для ободрения время от времени туда, где у него глаз нет.

— Боишься, что укусит? — говорит гражданин и скалится.

— Нет, — говорю, — что примет мою ногу за фонарный столб.

Ну, он окликнул псину.

— Что на тебя нашло, Гарри? — говорит он. И начинает мять его и тискать и говорить с ним по-ирландски, и барбос порывается в ответ, вроде дуэт в опере. Такого рычания, как промеж этими двумя, вы не слышали. Кому лучше на ум не приходит, взял бы и написал письмо в газету *pro bono publico*; насчет правил о намордниках для таких псов. Рычит и ворчит, и глаз налит кровью с пересыху, и гидрофобия так и течет из пасти.

* Коллин — девушка (ирланд.)

** Флагулак — роскошный, княжеский (ирланд.)

Те, кого интересует распространение человеческой культуры среди низших животных (а имя им — легион), должны приложить все усилия, чтобы не пропустить воистину восхитительную демонстрацию кинантропии, представляемую знаменитым ирландским сеттером-волкодавом, ранее известным под псевдонимом Гарриоуэна, а недавно переименованного широкими кругами своих друзей и приятелей в Оуэна Гарри. Демонстрация, ставшая возможной благодаря годам гуманной дрессировки и тщательно продуманной системы питания, включает, кроме прочих достижений, и эстрадное чтение стихов. Наш крупнейший современный специалист по фонетике (нас с ним водой не разольешь!) не пощадил усилий, чтобы прояснить и сравнить должным образом декламируемое стихотворение с прочими шедеврами, и нашел, что оно отличается *поражительным* (курсив наш) сходством с ранними древних кельтских бардов. Здесь мы имеем в виду не столько те очаровательные любовные песнопения, с которыми писатель, скрывающий свою личность под элегантным псевдонимом Душистая Веточка, ознакомил весь читающий мир, но скорее (как читатель Д.О.С. отмечает в своем интересном сообщении, опубликованном в вечернем издании), те более суровые и личностные стихи, которые можно повстречать в сатирических жалующих строках знаменитого Рафтери или Доналда МакКонсидайна, не говоря уж о более современном лирике, находящемся сейчас в центре внимания публики. Мы прилагаем образец, переведенный тем блестящим ученым, чье имя в настоящий момент мы не вправе опубликовать, хотя мы верим, что для наших читателей сказанное выше послужит более чем намеком. Метрика собачьего оригинала, напоминающая изысканные правила аллитерации и изосиллабического стихосложения валлийского энглина, несравненно более сложна, но мы убеждены, что наши читатели согласятся с нами, что дух стиха был хорошо уловлен. Пожалуй, стоит добавить, что эффект стиха возрастет, если произносить стихи Оуэна медленно и нечетко, в манере, напоминающей приглушенное рычание.

Ругать-не-переругать

Ни в день, ни в неделю,

Барри Кирнан твою мать,
 Чтоб тебе пересохнуть
 Семь сухих сред
 Тебе, как мне
 Огнем режут кишки
 Без капли воды.

Ну он сказал Терри принести воды псу и, бля, за милую было слышно, как он лакает. И Джо предлагает ему еще по одной.

— Выпью, — говорит он, — *а кара*, — чтоб показать, что не обижаюсь.

Бля, он не такой уж простак, хоть и на лапоть смахивает. Крутит жопой от кабака к кабаку, полагается на вашу честь, со псом старины Гилтрапа, и накачивается за счет налогоплательщиков и предпринимателей. Развлечение для человека и зверя. И Джо говорит:

— Сможешь нанести ущерб еще пол-литре?

— Может ли плава уткать? — говорю,

— Еще того же, Терри, — говорит Джо. — Не позволите предложить и вам чего-нибудь покрепче? — говорит.

— Нет, спасибо, — говорит Блюм, — я, собственно, только хотел здесь встретиться с Мартином Каннингэмом*, понимаюте ли, насчет страховки бедняги Дигнама. Мартин попросил меня сходить с ним. Видите ли, он, то есть Дигнам, не вручил компании извещения о переуступке, и теперь, формально говоря, залогодержатель не может взыскать по суду и покрыть долги с его страхового полиса.

— Святые угодники, — говорит Джо сквозь смех. — Подкузьмили чертова Шейлока, это хорошо. Значит, жене повезло, а?

* "Хотел встретиться с Мартином"... — здесь мы узнаем, что делает Блюм на территории циклопов. Мартин Каннингэм, Пауэр и Крофтон собираются обмануть кредитора покойного Падди Дигнама, пользуясь технической уловкой, наподобие того, как Герати пытается обмануть Герцога, а Улисс — своих противников. Для исполнения своей затеи они обращаются к профессиональному обманщику (обманщику по крови, как они считают) хитроумному еврею-Одиссею-Блюму. И хотя Блюм соглашается помочь, это ему не по душе (как Одиссею — пьянка на острове циклопов), и весь день Блюм отгоняет мысль об этой встрече.

— Что ж это мысль, — говорит Блюм, — для поклонников жены.

— Чьих поклонников? — говорит Джо.

— Сторонников жены, я хотел сказать, — говорит Блюм.

И тут стал все путать и мешать в кучу, насчет прав кредиторов в соответствии с Указом, как лорд-канцлер в суде излагает, и в пользу супруги, и что речь идет о доверительной собственности, но, с другой стороны, Дигнам задолжал Бриджмену и, если сейчас жена или вдова оспорит иск кредитора, и так совсем засрал мне мозги своим кредитором в соответствии с указом. Ему самому повезло, что не залетел в соответствии с указом в свое время за жульничество и бродяжничество, только была у него рука в суде. Продажа выигрышных билетов на базаре, или, как это называется, королевская венгерская привилегированная лотерея. Чтоб я сдох! Ах, я всему предпочту сына Израиля! Королевская и привилегированная венгерская гонорея!

Ну, тут подходит Боб Доран, качаясь, просит Блюма передать миссис Дигнам, как он сочувствует ее беде и как он расстраивается, что его похоронили, и сказать ей, что он сказал, и что все, кто его знал, сказали, что чище и благороднее, чем бедняжка Вилли, что счас умер, нигде не найти, так вот и передать ей. Растрогался от собственного мудачества. И жмет руку Блюму и разводит трагедию, передайте ей, дескать, что. Пожмем руки, брат. Ты прохвост и я прохвост.

— Дозвольте мне, — произнес он, — злоупотребить нашим знакомством, кое хоть и мнится мимолетным, коль приложить к нему грубую меру времени, однакожде зиждется, как я надеюсь и полагаю, на прочном чувстве взаимной приязни, дабы обратиться с просьбой об одолжении и милости. Но коль преступил я границы допустимого, пусть искренность моих чувств послужит заступницей моей дерзости.

— Ничуть, — воскликнул тот, — я в полной мере оценил чаяния, кои подвинули вас на сей шаг, и я исполню поручение, вверенное вами, утешаясь той мыслью, что, хоть и выпала мне печальная миссия, это доказательство вашего доверия смягчит в некоей степени горечь чаши сей.

— О допустите же мне коснуться вашей руки, — сказал он.

— Ваше благосердие послужит, я уверен, лучшим наставником, нежели мои скудные слова, в искусстве выбора фраз, наиболее подходящих для выражения скорби, острота и сила коей, если бы я позволил своим чувствам найти выход, и вовсе лишили бы меня дара речи.

И отчалил, и пошел на выход, стараясь держаться прямо. Набрался в пять вечера. Ночью чуть было не залетел, да Падди Леонард знал постового 14А, Залил себе глаза в *шибине** на Брайд стрит после времени закрытия, вступил в половые сношения с двумя дешевками с рыбного ряда, а кот на стреме стоит, лакает пиво из чайника и прифранцуживается перед дешевками, Жозеф Мануо, и против католической веры несет, а сам служил мессу в "Адаме и Еве" в молодости с закрытыми глазами, кто написал Новый завет и Ветхий завет, и смехуечки, и поцелуйчики. А дешевки дохнут со смеху, обчистили ему карманы, мудаку чертовому, а он знай плещет портером по постели, а дешевки ссутся со смеху, друг на дружку глядя. *Как ваш завет? Нет ли у вас какого-нибудь ветхого завета?* Только Падди подвернулся часом, точно скажу вам. А затем только поглядите на него в воскресенье сего и.о. жены, как она виляет хвостом по нефу в соборе, в лаковых сапожках, не больше и не меньше, и фиалки на ей — то, что доктор прописал, строит из себя лединьку, сестра Джека Муни. И мать, старая блядища, сдает закуты парочкам из подворотни. Бля, Джек научил его любовью дорожить. Сказал, что, если не загладит вину венцом, Господи Иисусе, он из него всю дурь выбьет.

Ну Терри принес три пол-литры.

— Вот, — говорит Джо, взявший на себя честь. — Вот, гражданин.

— *Слан лат*** — говорит он.

— Удачи, Джо, — говорю. — Здравия, гражданин.

Бля, он уже откачал полкружки. Одной удачей не отделаешься, чтоб держать такого на плаву.

* Шибин — забежаловка (ирланд.)

** Слан лат — прощевайте (ирланд.)

— Что это за долговязый целит на место мэра? — говорит Джо.

— Ваш приятель, — говорит Альф.

— Наннан? — говорит Джо. — Молчлен?

— Без имен, — говорит Альф.

— Я так и думал, — говорит Джо. — Видал я его сейчас на собрании с Уильямом Филдом ЧП, со скотоводами.

— Волосатый Иоппий*, — говорит гражданин, этот извергнувшийся вулкан, любимчик всех стран и кумир своей собственной.

Ну, Джо начинает рассказывать гражданину насчет ящура и скотоводов и принять решительные меры, и гражданин посылает их всех к такой-то матери, и Блюм выскакивает со своей герлыгой для шелудивых овец и микстурой для бронхиальных телят и с верным лечением от "деревянного языка" у коров. Потому что он прислуживал однажды на скотском дворе. Ходил вокруг с конторской книгой и карандашом, дотянись рукой до неба — почувствуешь мои муди, пока Джо Кафф не показал ему, как гонят одного остолопа в три шеи за то, что распустил язык перед скотоводом. Всезнайка. Учи свою бабку козлов доить. Писатель Бурк рассказал мне, в отеле его жена в три ручья заливалась с миссис О'Дауд, глаза выплакивала по своему жиромясу в два вершка толщиной, не могла пердовую пружину ослабить, чтоб шукарский глаз не крутился вокруг, показывая, как это делать. Что у вас сегодня в программе? Ага. Гуманные методы. Потому что бедные животные страдают, и специалисты утверждают, и хорошо известное средство, совершенно безболезненное, осторожно нанести на больное место. Бля, у него легкая рука под курой.

Цып-цып-цып. Куд-куд-куда. Черная Лиза — наша несушка. Она несет нам яйца. Она так рада снести яйцо. Куд-куда. Цып-цып. Тогда приходит добрый дядя Лео. Он кладет руку под черную Лизу и достает свежее яйцо. Цып-Цып-Цып. Куд-Куд-Куда.

— Все равно, — говорит Джо. — Филд и Наннетти отправля-

* Иоппий — поэт, герой первой книги "Энеиды".

ются сегодня вечером в Лондон, обратиться с запросом в Палате Общин.

— Точно ли, — говорит Блюм, — и советник едет? Я как раз хотел с ним повидаться.

— Он отплывает пакетботом, — говорит Джо.

— Ах, какая беда, — говорит Блюм. Мне так было нужно. Может, только м-р Филд едет. Не мог позвонить. Нет. Это точно?

— Наннан тоже едет, — говорит Джо. — Лига посылает его сделать завтра запрос насчет комиссара полиции, запрещающего ирландские игры в парке. Что скажете, гражданин? *Слуа на-Эйрен**.

М-р Коров Конакр (Мультифарнхам, Нац.): В связи с вопросом моего почтенного коллеги, депутата от Шиллела, я бы хотел спросить Его превосходительство, действительно ли правительством были выпущены инструкции по убою скота, несмотря на отсутствие данных медицинской экспертизы, свидетельствующих об его патологическом состоянии?

М-р Чет Вероногс (Тамошант, Конс.): Почтенные депутаты уже располагают всеми доказательствами, полученными и принятыми комиссией всего парламента. Я не думаю, что я в силах добавить к вышеизложенному. На запрос почтенного коллеги дается положительный ответ.

М-р Орелли (Монтенотте, Нац.): Были ли выпущены подобные инструкции относительно убоя человеческого скота, посмевшего играть в ирландские игры в парке "Феникс"?

М-р Чет Вероногс: Ответ — отрицательный.

М-р Коров Конакр: Не воодушевила ли знаменитая телеграмма Его Превосходительства ход мыслей господ из Казначейства? (О!О!)

М-р Чет Вероногс: Я принял этот вопрос к сведению.

М-р Пошлошутс (Банкомб, Нез.): Стреляйте без колебаний.

(Иронические выкрики оппозиции.)

Председатель: К порядку! К порядку!

(Депутаты встают. Выкрики с мест.)

* Слуа на Эйрен — сила Ирландии (ирланд.)

— Этот человек, — говорит Джо, — возродил гэльский спорт. Вот он сидит. Победитель Джеймса Стивенса. Всеирландский чемпион по метанию шестнадцатифунтового ядра. Какой был ваш рекорд, гражданин?

— *На баклеш** — говорит гражданин, напуская скромность. — Было время, когда не уступал другим.

— Отдадим должное, гражданин, — говорит Джо. — Всех затыкал за пояс.

— Неужели и впрямь? — говорит Альф.

— Да, — говорит Блюм. — Это всем известно. Вы не слышали?

И тут они завели беседу об ирландском спорте и *шонинских* играх вроде лаунт-тенниса и хоккея и городков, и соли земли, и кондовости, и исконности, и возрождения народа, и прочее. И, конечно, Блюму нужно было вмешаться и сказать, что для человека с сердцем пловца резкие движения и грубый спорт опасен. Клянусь суппозиторием, только подберите соломинку с пола и покажите Блюму. *Глянь, Блюм. Видишь соломинку? Это соломинка.* Клянусь теткой, он с час проговорит об этом и не сойдет.

Крайне интересная дискуссия проистекала под старинными сводами Ериана О'Киарнайна на Шрад-на-Бретан-Беог под эгидой Слуа-на-Эйрен, о возрождении исконно гэльского спорта и о важности физической культуры, как ее понимали в античной Греции, в античном Риме и в античной Ирландии, для развития расы. Достопочтенный президент этого благородного ордена руководил собранием, на котором присутствовали широкие массы. После поучительного наставления, сделанного председателем, — великолепный образчик ораторского искусства, облеченный в мощные и красноречивые фразы, — завязалась крайне интересная и поучительная дискуссия, как обычно высочайшего уровня, касательно желательности возрождаемости древних исконных игр и видов спорта наших древних исконно кельтских праотцев. Хорошо известный и снискавший себе всеобщее почтение труженик на ниве нашего древнего исконного языка, м-р Джозеф Мак-

* На баклеш — и не говорите об этом (ирланд.)

Карти Хайнс, обратился к собравшимся с красноречивым призывом оживить старинные исконные гэльские игры и досуги, которым денно и ночно предавался Финн Мак-Кул, в расчете на возрождение лучших традиций мужественной силы и мощи, переданных из рода в род с времен старины глубокой. Л.Блюм, встреченный одновременно аплодисментами и шиканьем, сыграл роль оппонента, когда мощноголосый председатель подытожил результаты дискуссии, исполнив, отвечая на многочисленные пожелания и сердечные призывы собравшихся со всех уголков зала, на удивление достойную внимания декламацию вечно-зеленых стихов (к счастью, слишком известных, чтобы нуждаться в воспроизведении и в напоминании здесь) бессмертного Томаса Осборна Дэйвиса, *Мы вновь стали народом*, причем в их исполнении закаленный в боях патриот и чемпион, можно сказать, не боясь противоречий, прямо-таки превзошел самого себя. Этот ирландский Карузо-Гарибальди был в превосходной форме, и его зычный голос продемонстрировал все свои достоинства особенно выигранно в освященном времени гимна, гремевшем, как только наш гражданин умел прогреметь. Его восхитительное достижение на поприще вокального искусства, которое своим высоким классом и непревзойденным качеством способствовало упрочению его и без того прочной всемирной и международной репутации, было громогласно встречено бурными овациями многочисленных собравшихся, среди которых бросались в глаза многие выдающиеся особы духовного сана наряду с представителями прессы, юриспруденции и прочих ученых профессий; На этом обсуждение было завершено.

Среди присутствующего духовенства были преподобнейший Уильям Делэйни, Общество Иисуса, доктор права, наипреподобный Джеральд Моллой, доктор богословия, преп.Р.Д. Кавана, ССС, преп.Т.Уотерс СС, преп.Джон М.Иверс, П.П., преп.П.Д.Клири, ОСФ, преп.Л.Д.Хики, О.П., наипреп.бр.Николас, ОСФС, наипреп.О.Горман, ОДС, преп.Малер, С.И., наипреп.Джемс Морфи С.И., преп.Джон Лавери В.Ф., наипреп.Вильям Догерти ДБ, преп.Питер Фаган, ОМ, преп.Т.Бранган, ОСА, преп.Д.Флавин. СС, преп. М.А.Хаккет, СС, преп.У.Харли, СС,

преподобнейший и досточтимый монсиньор Мак-Манус, В.Г., преп.Б.Р.Слаттери, ОМИ, преподобнейший М.Д.Скалли, П.П., преп.Ф.Т.Пурселл, ОП, наипреподобнейший Тимоти каноник Горман, П.П.преп.Д.Фланаган СС. Среди мирян присутствовали П.Фэй, Т.Квирк и т.д.

— К слову о грубом спорте, — говорит Альф, — вы были на матче Кью-Беннет?

— Нет, — говорит Джо.

— Я слышал, Некто сорвал там куш — добрую сотню фунтов, — говорит Альф.

— Кто? Пламень? — говорит Джо.

И Блюм говорит:

— Теннис, например, развивает проворность и меткость.

— Ага, Пламень, — говорит Альф. — Он травил, что Майлер лакает и навел гандикап, а тот пахал все время.

— Мы помним его, — говорит гражданин, — Сын изменника. Мы помним, кто набил его карманы английским золотом.

— Правда ваша, — говорит Джо.

И Блюм снова встречается насчет лаун-тенниса и кровообращения и спрашивает Альфа:

— Не так ли, Берган?

— Майлер подмел им пол, — говорит Альф. — Задал ему трепку и трепкину тетку. Этот шпрот ему до пупа не доставал, а здоровяк так и наяривал. Боже, как он дал ему поддых винтом. Правила маркиза Куинсберри и все прочее, но тот аж материнское молоко сблевал.

В исторической и славной битве Майлер и Перси, эти мастера кожаных перчаток, сразились за приз — пятьдесят золотых. Несмотря на весовое преимущество противника, любимец Дублинских болельщиков доказал свое техническое превосходство в благородном искусстве бокса. Последний раунд этого фейерверка перчаток обернулся костеломкой для обоих чемпионов. Грозный старшина добавил цвета в крутой коктейль предыдущего раунда, в ходе которого Кью работал как приемник — принимал удары слева и справа, в то время как артиллерист довольно точно попадал в нос любимца Дублина, и Майлер вышел из схватки, качаясь, как под мухой. Солдат взялся за дело, начав лихим крюком слева, на

который ирландский гладиатор ответил прямым и коротким прямо в челюсть Беннета. Красномундирник нырнул, уклоняясь, но дублинец подбросил его в воздух левым крюком снизу. Двое борцов схватились в клинче. Майлер нашел применение своим талантам и подмял противника, и эта стычка завершилась тем, что здоровяк оказался на канатах, а Майлер учил его уму-разуму. Англичанин, с почти закрытым правым глазом, ушел в свой угол, где его щедро полили водой, и, когда прозвучал гонг, он рванул на ринг полон сил и решимости, готовый вышибить проворного сына Эрина прочь из кольца канатов, не отходя от кассы. Это была схватка гигантов, и победа досталась достойнейшему. Борцы сражались как львы, и боевая лихорадка охватила зал. Рефери дважды предупреждал Прямика Перси за удержание в клинче, но малыш разошелся вовсю, и за его ногами стало трудно уследить. После короткого и быстрого обмена любезностями, в ходе которого Краса армии выцедил немало крови из губ своего оппонента, кроткий агнец вдруг востропнулся, нанес ужасающей силы удар левой в живот Боксера Беннета и пригвоздил того к полу. Это был чистый и точный нокаут. В атмосфере тревожного ожидания были отсчитаны последние секунды для казарменного вышибалы, и секундант Беннета Оле Пфоттс Веттстайн бросил полотенце на ринг. Паренек из Сантри был провозглашен победителем перед толпой ликующих болельщиков, которые сорвали канаты, кинулись на ринг и чуть не задушили победителя в порыве восторга.

— Этот своего не упустит, — говорит Альф, — Я слышал, что он сейчас организует гастроли на севере.

— Да, — говорит Джо. — Не так ли?

— Кто? — говорит Блюм. — Ах да. Действительно. Эдакое летнее турне, понимаете. Отдых, собственно говоря.

— Миссис Б. блистает в этом созвездии, не так ли? — говорит Джо.

— Моя жена? — говорит Блюм. — Да, она поет. Я уверен в успехе. Он — превосходный импрессиарио. Превосходный,

Ахаха, бля буду, говорю себе. Теперь всё ясно — и почему у козла четыре ноги, и для чего молоко в кокосовом орехе. Пламень — денди дует в дуду. Концертное турне. Блядский

Бойлан сын прохвоста с Островного моста, что дважды загнал тех же клещей правительству, воевать буров. Старый Чочо. Я насчет пожертвований бедным и водного сбора, мистер Бойлан. Чо? Водного сбора, м-р Бойлан. Чо-чо? Этот жеребцович уже проимпрессирует* ее, поверьте мне на слово. Между мной и вами, *кад ериш*. **

Краса скалистого утеса *Кальпы****, чернее вороньего крыла ее волосы, дочь Твиди. Там расцвела ее несравненная прелесть, в благовонии лавра и миндаля. Садам Аламеда знакома ее поступь, оливковая роща узнавала ее и склонялась пред ней. Чиста супруга Леопольда, роскошногрудая Марион. И се, взмошел некто из клана О'Моллоев, пригожий и белолицый молодец, но с багрянцем надкрылья, советник Его Величества, превзошедший законы, и с ним принц и наследник знатного рода Ламбертов.

— Алё, Нэд.

— Алё, Альф.

— Алё, Джек.

— Алё, Джо.

— Храни вас Господь, — говорит гражданин.

— Вашими молитвами, — говорит Д.Д. — Что тебе, Нэд?

— Серединку наполовинку, — говорит Нэд.

Ну, Д.Д. заказал выпивку.

— Были на суде? — говорит Джо.

— Да, — говорит Д.Д. — Он вытянет, Нэд, говорит.

— Надеюсь, — говорит Нэд.

На что они бочку катят, эти двое? Д.Д. хочет смухлевать со списком присяжных, а другой ему подставляет закорки. А имя записано у Стаббса****. Режется в карты, панибратствует со

* "Проимпрессирует",.. — уже проимпрессирировал. За несколько минут до этого в доме Блюма, который догадывается об измене жены с импрессиарио Бойланом. Этим и объясняется его фрейдистская обмолвка — "поклонники жены" вместо "сторонники жены". Эта трагедия Блюма происходит где-то на заднем плане, но можно не сомневаться, что она волнует его куда больше, чем глупости гражданина,

**Кад ериш — чо еще? (ирланд.)

*** "Краса скалистого утеса"... — жена Блюма Молли родилась на Гибралтаре, она дочь ирландского офицера и испанской еврейки.

**** Стаббс — составитель списка банкротов.

стильными франтами с фраерским моноклем в глазу, дует шипучку, а сам весь завален исполнительными листами и судебными повестками. Заложил свои золотые часы у Камминса на Франсис стрит, где его никто не знает, в конторе, а я был там с Писсателем, он сапоги выкупал у заемщика. Ваша фамилия, сэр? Конне, говорит. Ага, и с концом, говорю. Бля, он еще придет домой через Слезную горку, рано или поздно, так я это понимаю.

— Видали этого блядского придурка Брина там, — говорит Альф. — На. на.

— Да, — говорит Д.Д. — Хочет нанять себе детектива.

— Ага, — говорит Нэд. — Он хотел было прямо пойти к судье, только Корни Келлехер уговорил его, убедил сперва провести экспертизу почерка.

— Десять тысяч фунтов, — говорит Альф и смеется. — Господи, все бы отдал, только услышать бы, что он будет нести перед судьей и присяжными.

— Твоих рук дело, Альф? — говорит Джо. — Правду, всю правду и только правду, и да поможет тебе Джимми Джонсон,

— Я? — говорит Альф. — Не бросайте тень на моего забора двоюродный плетень.

— Любое ваше заявление, — говорит Джо, — будет записано и использовано против вас.

— Конечно, он может предъявить иск, — говорит Д.Д. — Подразумевается, что он не *compos mentis*.

— *Compos*, твою мать! — говорит Альф и смеется. — Не знаешь, что он придурочный? Глянь на его голову. Он же шляпу без сапожного рожка надеть не может.

— Да, — говорит Д.Д., — но истинность пасквиля не является доводом против осуждения за его распространение, с точки зрения закона.

— Ха, ха, Альф, — говорит Джо.

— И все же, — говорит Блюм, — хотя бы из-за бедняжки этой, я имею в виду его жену...

— Есть чего жалеть, — говорит гражданин. — Ее или другую женщину, если идет за серединку наполовинку.

— Как серединку наполовинку? — говорит Блюм. — Вы хотите сказать...

— Я хочу сказать серединку наполовинку. Ни рыба ни мясо.

— Ни добрая утка, — говорит Джо.

— Вот это я и имею в виду, — говорит гражданин. — Чучмарь, если знаете что это.

Бля буду, вижу я — дело к беде. А Блюм объяснил, что он имел в виду, мол, это жестоко по отношению к жене*, которой приходится ходить повсюду за старым заикой. Жестокое отношение к животным, вот что это, пустить бедного обездоленного мудака Брина на травку, чтоб запинался о собственную бороду торчком, что вместо водосточной трубы у него. А у нее все втулки из носа выбиты с тех пор, как вышла за него, потому что его дядя был попкой при Папе. Его портрет на стене с держименя ухарскими усищами. Синьор Брини из Саммерхилла, пистальянец, папский зуав при Святом Отце, покинул причал и отбыл на Мосс стрит. А кто он был, скажите, будьте любезны? А никто, палка, палка, огуречик по семь шиллингов в неделю, и еще цеплял всякие бляхи себе на грудь, бросал вызов всему свету.

— И более того, — говорит Д.Д., — почтовая открытка — это признак распространения. В создавшем прецедент деле "Садгроув против Хоула" суд счел это достаточным свидетельством злого умысла. По моему мнению, иск может быть предъявлен.

— С вас три с полтиной. Кому понадобилось твое мнение? Дай нам спокойно додавить свои пол-литры. Бля, даже этого не дают, совсем обнаглели.

— Ну, доброго здоровья, Джек, — говорит Нэд.

— Доброго здоровья, Нэд, — говорит Д.Д.

— Вот он снова, — говорит Джо.

— Где? — говорит Альф.

И, бля, вот он снова прошествовал мимо дверей со своими книжищами в охапку и с женой рядом, и Корни Келлехер смотрит глазом-пуговицей, когда они проходят, и толкует ему что-то, как отец родной, пытается небось всучить подержанный гроб.

* "Жестоко по отношению к жене"... — Блюм ухаживал когда-то за миссис Брин и теплые чувства меж ними еще не совсем остыли.

— Как закончилось это дело с канадской аферой? — спрашивает Джо.

— Заключен под стражу, — говорит Д.Д.

Один из утконосного братства это затеял, под именем Джеймс Уотт, он же Шапиро, он же Спарк и Спиро, подал объявление в газету, мол, за двадцать монет довезет до Канады. Как? Тяжести на макушке не ощущаете? Конечно, это была лапша. Что? Обвел их всех вокруг пальца, работяг и *бадахов* — деревенщину из графства Мит, ага, и собственную кровь и плоть не пожалел. Д.Д. рассказывал нам про этого древне-еврейского Зарецкого или еще какого-рецкого, плачет на свидетельской скамье, не снимая шляпы и клянется святым Моисеем, что тот нагрел его на два фунта.

— Кто заседал? — спросил Джо.

— Главный судья, — говорит Нэд.

— Бедняга сэр Фредерик,* — говорит Альф, — ничего не стоит заштукарить ему оба глаза.

— Душа широкая, как ворота, — говорит Нэд, — расскажи ему историю пожалостливее, за квартиру, мол, не плачено, жена больна, детишки мал мала меньше, и клянусь, он весь слезами изойдет прямо в судейском кресле.

— Ага, — говорит Альф. — Рубен Д. может считать себя счастливым, что сам не оказался на скамье подсудимых намеренно, когда он подал на бедняжку Гамли, который шерошит булыги для городской управы у Баттова моста.

И он изображает старого главного судью, когда того сле-за прошибает.

— Совершенно скандальная история! Бедный труженик! Сколько детей? Десять, говорите?

— Да, ваша честь. И у жены моей тиф!

— И у жены тифозная горячка! Скандал! Немедленно удалитесь из зала суда, сэр. Нет, сэр, я не дам приказа о взыскании. Как вы смеете, сэр, явиться предо мной и просить меня отдать приказ о взыскании! Бедный честный усердный труженик! В иске отказать.

*

Сэр Фредерик Фелконер — ярый ненавистник евреев, автор антисемитских статей, в которых говорилось, что евреи грабят ирландцев, и о надобности в правовой защите для ирландских должников.

И вот на шестнадцатый день месяца волоокой богини и через три недели после празднества Святом Неделимой Троицы, когда дочь небес, девственница-луна была в первой четверти, свершилось так, что досточтимые и премудрые судьи явились в палаты закона. Здесь мастер Кортеней, сидя на особом заседании, вершил суд, и мастер судья Эндрюс, заседал без присяжных по делам о наследствах, взвешивал и разрешал притязания первого кредитора по ипотечному залогу в связи с предъявленным на утверждение завещанием о распоряжении и наследовании in Re всею собственностью, движимой и недвижимой, оставленной почившим Джейкобом Халлидэем, покойным, против Ливингстона, несовершеннолетнего и недееспособного и прочих лиц. И вот на сей блистательный суд на Зеленой улице явился сэр Фредрик. из рода Сокольничих Фалконеров. И там он сидел около пяти часов и исполнял право брегонов для всех и вся в графстве и граде Дублине. И с ним восседал Верховный синедрион двенадцати колен Ияра, по человеку от каждого колена, от колена Патри-ка и от колена Хью, и от колена Оуэна, и от колена Конна, и от колена Оскара, и от колена Фергюса, и от колена Финна, и от колена Дермота, и от колена Кормака, и от колена Кевина, и от колена Каолта, и от колена Оссиана, — всего двенадцать достойных человек и честных. И он заклиал их Тем, кто умер на кресте, чтобы они добром и честью тщились верный суд судить и разрешить спор между их суверенным владыкой королем и узником на скамье и дали верный вердикт в соответствии со свидетельствами и доказательствами, предъявленными на суде, и да поможет им Господь и поцеловать книги. И они восстали со своих мест, эти двенадцать сынов Ияра и поклялись именем Того, кому вечное бытие, что исполнят Его правомудрие. И не медля, слуги закона привели из замка одного узника, задержанного ищейками юстиции вследствие полученной информации. И они заковали его по рукам и ногам в кандалы и не хотели взять ни пенни, ни выкупа за главу его, но предпочли предать его суду, ибо был он злоумышленником.

— Хороши дела, — говорит гражданин, — сползаются отовсюду в Ирландию, как тараканы.

Ну, Блум делает вид, что не слышит, и начинает говорить с Джо, говорит ему, что не стоит беспокоиться из-за того дела до первого, но, если он соберется, — пусть скажет об этом м-ру Крофорду. И Джо поклялся всем святым на свете, что его и черт не удержит, все, мол, сделает.

— Потому что понимаете, — говорит Блум, — реклама должна появляться регулярно, в этом весь секрет.

— Положитесь на меня, — говорит Джо.

— Объегоривают крестьян, — говорит гражданин, — и ирландскую бедноту. Мы не потерпим чужаков под нашим кровом.

— Я не сомневаюсь, что все будет в порядке, Хайнс, — говорит Блум.

Это только что Кейс, понимаете.

— Считайте это сделанным, — говорит Джо.

— Весьма благодарен, — говорит Блум.

— Чужаки, — говорит гражданин. — Наша собственная вина. Мы их допустили. Мы ввели их. Неверная жена и ее любовник привели сюда саксонских грабителей.

— Условно-окончательное решение судьи, — говорит Д.Д.

И Блум делает вид, что глубоко увлечен ничевошками, паутиной за бочкой, и гражданин рыскает за ним, и псина у его ног посматривает, чтобы знать, кого цапать и когда.

— Обесчещенная жена, — говорит гражданин, — вот причина всех наших несчастий.

— А вот и она, — говорит Альф, — похихикивая над Полицейской Газетой вместе с Терри за стойкой, в полной боевой раскраске.

— Дай и нам зыркнуть, — говорю.

И что это было, только похабная американская картинка, из тех, что Терри одалживает у Корни Каллахера. Как увеличить ваш половой член. Проказы светской красоты. Норман В.Таппер, состоятельный чикагский подрядчик, обнаружил свою хорошенькую, но бесчестную жену в объятиях офицера Тэйлора. Красотка в дезабилье проказничает, и ее амант проверяет, не боится ли она щекотки, и Норман В.Таппер врывается со своей хлопушкой как раз слишком поздно, когда она набрасывает кольца с офицером Тэйлором.

— О джем, Дженни, — говорит Джо, — какая у тебя короткая сорочка!

— А вот и волосики, Джо, — говорю, — Что, зашевелился хвост в неожиданном месте от этой?

Ну, тут входит Джон Уайз Нолан и Ленехан с ним, морда вытянулась, как затянувшийся завтрак.

— Что ж, — говорит гражданин, — сообщите последние новости с театра военных действий. Что эти жестянщики из муниципалитета решили насчет ирландского языка?

О'Нолан, закован в сияющую броню, преклонил колено перед преславным, могутным и великим вождем всея Эрина и поведал ему о делах минувших, о том, как умудренные старцы наипреданнейшего града, уступающего лишь стольному, собрались в высокой гриднице и там, вознесши моление богам, живущим во вселенском эфире, держали чинный совет, не вольно ли им, коль такова воля небес, возвратить почет смертных крылатой речи разделенного морем Гэла.

— Его шествие началось, — говорит гражданин. — К черту проклятых саксонских кровососов и их *ratois*.

Ну, тут Д.Д. влазит в разговор, лепит арапа, один рассказ чище другого, и политика Нельсона: кривым глазом к подзорной трубе, и осудить без суда целый народ, и Блум старается поддержать его умеренность и примеренность и их колонии и их цивилизация.

— Их сифилизация, вы имеете в виду, — говорит гражданин. — К черту их всех! Проклятие никудышного Бога в бок и в гриву блядским толстогузным шлюхиным детям! Нет у них ни музыки, ни искусства, ни литературы, достойных этого названия. И цивилизацию свою они украли у нас. Косноязыкие приبلудыши выблядских призраков.

— Семья европейских народов, — говорит Д.Д.

— Они не европейцы, — говорит гражданин, — Я был в Европе с Кевином Еганом из Парижа. Во всей Европе нигде не найдете и следа их или их языка, разве что в *cabinet d'aisanse*.

И говорит Джон Уайз:

— Многим цветам цвести в удалении.

И говорит Линихан, а он знает чуток линго:

— *Conspuez les Anglais! Perfide Albion!*

Рек он и высоко взмыла в его грубых огромных могучих богатырских лапах чаша темного крепкого пенного эля, и, бросив свой племенной клич *Лау дераг Абу**, он выпил за погибель своих недругов, расы мощных всепокоряющих воителей, правящих волнами, сидящих на алебастровых тронах**, молчаливых, как вечно живые боги.

— Что стряслось с тобой, — говорю Ленехану. — Как будто и нашел полтинник, потерял целковый.

— Золотой кубок, — говорит он.

— Кто победил, м-р Ленехан? — говорит Терри.

— *Выбрось*, — говорит он, — двадцать к одному. Абсолютный аутсайдер.

А прочих судьба погубила.

— А Бассова кобыла? — говорит Терри.

— Все еще бежит, — говорит он. — И мы все в коляске. Бойлан просадил два фунта по моему совету на Бунчуке, за себя и за подругу.

— Я и сам поставил полкроны, — говорит Терри, — на Зинфанделя, по совету м-ра Флинна. Лорда Ховарда де Уолдена.

— Двадцать к одному, — говорит Ленехан. — Такова жизнь ипподрома. Выбрось, — говорит он, — взял Золотой кубок, как сухарик. Иди после этого, толкуй о ежовых копытах. Непостоянство, имя тебе Бунчук.

Ну, берет он жестянку с сухарями, которую оставил Боб Доран, смотрит — что бы навернуть, а старый барбос за ним, ищет счастья плешью кверху. Ваша мама пришла, молочка принесла.

— Ничего нет, дитя мое, — говорит он.

— Не вешай клюв, — говорит Джо. — На бегах только псам удача.

И Д.Д. и гражданин спорят о законе и истории, и Блюм время от времени вставляет словечко.

— Некоторые, — говорит Блюм, — видят соломину в чужом глазу, а в своем не замечают и бревна.

* Лау дераг Абу — вперед, Красная Рука (ирланд.). "Красная рука" была символом Ольстера и пива "Олсон", которое и пил наш герой.

** "Алебастровые троны"... — унитазы.

— *Ромиш*,* — говорит гражданин. — Нет слепца хуже нежелающего видеть, если вы понимаете, что это значит. Где наши сгинувшие двадцать миллионов ирландцев, которые должны быть здесь вместо четырех, где наши затерянные колена? И наши ткани, и керамика, лучшие в мире? И наша шерсть, что шла в Рим во дни Ювенала, и наши лен и парча со станов Антрима, и кружева Лимерика, наши дубильни и хрусталеделы из Баллибоу, и сатин наших гугенотов, который привился у нас с времен Жаккара де Лиона, и наш тканый шелк, и наш фоксфордский твид, и резьба по кости из монастыря кармелиток в Нью-Россе, нет ей равных во всем мире! Где греческие купцы, плывущие за Геркулесовы столпы, за Гибралтар, захваченный теперь исчадьем человечества, с золотом и пурпуром Тира на продажу в Вексфорде, на торгу Кармен? Откройте Тацита и Птолемея, да хотя бы Геральдуса Камбрениса. Вино, мрамор Коннемары, серебро Типперери, наши всеславные кони, плоды наших морей, за право рыбной ловли в наших водах Филипп Испанский предлагал нам свою пошлину. Чем расплатятся с нами англосаксонские желтоджоны за нашу загубленную торговлю и за загубленные сердца наши? Они не углубят русла Шаннона и Барроу, когда вокруг миллионы акров болот и трясин, чтоб все мы перемерли от чахотки.

— Скоро мы будем безлесыми, как Португалия, — говорит Джон Уайз, — или остров Гельголанд с его единственным деревом, если ничего не будет сделано для облесения страны. Лиственницы, ели, все хвойные быстро исчезают. Я прочел отчет комиссии лорда Каслтауна...

— Спаси их, — говорит гражданин, — ясень-великан Галуэя и вяз-владыка Килдара с его сорокафутовым стволом и кроной с десятину. Спаси деревья Ирландии для грядущих поколений ирландцев на зеленых холмах. Эйре, о!

— На вас устремлены взоры всей Европы, — говорит Ленехан. — Самые блестящие и модные круги со всего света собрались en masse после полудня на торжество венчания шевалье Жана Уайза де Нолана, великого главного егеря Ирландских Национальных Лесоводов, с его избранницей мисс Елли Хвой

* Ромиш — бред (ирланд.).

из Сосновой долины. Леди Сильвестра Вяз, м-с Барбара Берез, м-с Полли Ясень, м-с Холли Каштан, м-с Лавролист, м-с Дороти Сорго, м-с Клайд Аир, м-с Роуэн Трав, м-с Эллен Лоз, м-с Виргиния Вьюнок, мисс Глэдис Бук, мисс Олива Сад, мисс Бланш Клен, м-с Мод Граб, мисс Мира Мирт, мисс Присцилла Липа, мисс Каприфоль Жимолость, мисс Грэйс Тополь, мисс О.Мимоза-сан, мисс Рэйчел Кедр, сестры Лилиан и Фиалка Сирень, м-с Китти Гиацинт, м-с Арабелла Самшит, м-с Глория Пальм, м-с Лиана Лес, м-с Роса Утра, м-с Норма Святодуб из поместья Дубовая Роща украсили церемонию своим присутствием. Невеста, которую вручил счастливому жениху ее отец, глава рода Мак-Хвоев, очаровательно выглядела в изысканном наряде, из зеленого месмеризованного шелка, облегающем пепельно-серый чехол, схваченном широкой изумрудной кокеткой и с тройной оторочкой из бахромы темного отлива. Элегантные бретели и вставки желудевой бронзы на бедрах оживляли эту модель. Подружки, мисс Сосна Хвой и мисс Пихта Хвой, сестры невесты, убрались в хорошенькие платица того же тона, причем элегантный сутаж с плетеным узором — плюмаж де роз — был заделан в рябенькое плиссе и причудливо повторялся на султанах нефрито-зеленых тонов, сооруженных из бледно-коралловых перьев цапли. Сеньор Энрике Флор восседал со своим известным всему свету мастерством за органом, и в дополнение к требуемым для свершения матримониального обряда номерами исполнил песню *В лесу родилась елочка* в новой и необычной аранжировке в заключение торжественной службы. Выходя из церкви св.Фиакра-в-садах после святейшего благословения, счастливая чета попала под дружеский огонь. Молодоженов засыпали каштанами, буковыми орешками, лавровым листом, ивовыми сережками, девичьим виноградом, ягодами хмеля, земляникой веточками омелы и цветами рябины, М-р и м-с Уайз Хвой де Колан проведут медовый месяц в уединении в Черном лесу.

— И мы устремляем взоры на Европу, — говорит гражданин. — Мы вели торг с Испанией и с Французом, и с фламандцами, когда эти ублюдки еще не выщенились, испанская лоза — в Галуэй, бригаantina с вином на волне виноцветных морей.

— И будем вновь, — говорит Джо.

— Да, и с помощью пресвятой Богородицы мы будем вновь, — говорит гражданин, хлопая себя по ляжке. — Наши опустевшие гавани вновь наполнятся, Куинстаун, Кинсэйл, Галуэй, Блэксод Бэй, Вентри в королевстве Керри, Килбегс, третья гавань в мире, с флотилией парусов — Линчи Галуэя, О'Рэйли из Кавана, О'Кеннеди из Дублина — когда эрл Десмонд заключал договор с самим императором Карлом Пятым. И мы вновь увидим, — говорит он, — как первый ирландский военный корабль разрезает волны с нашим собственным флагом на мачте, а не с несчастными арфами Тюдоров, нет, с древнейшим морским флагом, флагом провинции Десмонд и Томонд, три короны на голубом поле — трех сынов Милезия.

И он добавил свою пол-литру, Мойя. Все моча и пер, как у кота в дубильне. У коров в Коннауте длинные рога, а лошади кушают овес. Поезжай, задавай свои словеса перед многолюдным собранием в Шанаголдене, там небось не смеет носу показать, Молли Магайресы* подкарауливают его когтями порвать и насквозь на солнышко глянуть за то, что заграбастал хутор согнанного арендатора.

— Слушайте, слушайте, — говорит Джон Уайз. — Что будем пить?

— Имперскую солдатню, — говорит Ленехан, — чтобы отметить.

— Половинку, Терри, — говорит Джон Уайз, — и одну рукикверху. Терри! Уснул?

— Есть, сэр, — говорит Терри. — Маленькое виски и бутылку Алсопа. Слушаюсь, сэр.

Торчит с этой блядской газетенкой вместе с Альфом, ищет клубничку, вместо того чтобы обслуживать посетителей. Фото состязания по боданию стараются друг дружке башку расколошматить, вот один тип таранит другого, бежит головой вперед, как бык на ворота. А вот другая: *Черная бестия на костре в Омахе, штат Джорджия*. Толпа южных олухов в вислополых шляпах палят в самбо, вздернутого на дереве, язык наружу, и под ним костер. Бля, им надо бы потом

* Молли Магайресы — отряды ирландских патриотов.

утопить его в море, посадить на электрический стул и распять напоследок, чтоб сомнений не осталось.

— Ну а как же наш славный военно-морской флот, — говорит Нэд, — который отражает неприятеля?

— Я вам скажу, что это, — говорит гражданин. — Это ад крошечный на земле. Прочтите разоблачения в газете о порке на учебных кораблях в Портсмуте. Подписано *Возмущенный*.

И он начинает рассказывать нам про телесные наказания, как стоит вся команда, прославленные моряки и офицеры, и вице-адмиралы в треуголках, и пастор со своей протестантской Библией в руках свидетелем наказания, и приводят юного паренька, зовет маму, и растягивают его на лафете.

— Дюжину к окороку,* — говорит гражданин, — так называл это старый головорез сэр Джон Берсфорд, но современный богобоязненный англичанин говорит: порка по тыловой части.

И говорит Джон Уайз:

— И по чести, постылый обычай.

Затем он начинает описывать, как приходит профос с длинным шомполом и размахивается и лупцует спину ко всем матерям у бедняги, пока тот не заорет, мол, убивают.

— Вот вам ваш славный британский военно-морской флот, — говорит гражданин, — который верховодит на свете. Они никогда не будут рабами, нет, с единственной на всем Божьем свете наследственной законодательной палатой и вся земля в руках десятка прожорливых боровов и хлопковых баронов. Вот она, великая империя, которой они хвалятся, как торжественный труд и бичевание крепостных.

— Над которой никогда не восходит солнце, — говорит Джо.

— И вся трагедия в том, — говорит гражданин, — что они в это верят. Несчастные йеху верят в это. Они веруют в бич, всемогущий кнут-лупцеватель, вершитель ада на земли, и в Джеки Смоленую душу, пушкина сына, который был зачат от нечистого слуха, порожден боевой миноносицей, страдал и

* "Дюжину к окороку"... — старинный ирландский обычай: победитель в споре получает дюжину кларета и окорок. Никакой связи с телесными наказаниями на флоте нет.

претерпел дюжину к окороку, был высечен, взмылен и изрубцован, вопил, как в аду, на третий день восстал с койки, был взят живым на мостик, сидит там на своем киле, ожидая приказов, пока не наступит его время тянуть лямку и отработывать паек.

— Но, — говорит Блюм, — разве дисциплина не та же повсюду? Я имею в виду, не будет ли и здесь то же самое, если вы встретите силу силой?

Ну не говорил ли я вам? Чтоб мне больше не пить пива, он и при последнем издыхании постарается доказать вам, что смерть это жизнь.

— Мы ответим силой на силу, — говорит гражданин. — За морем лежит наша великая Ирландия. Они были изгнаны из дому, лишены крова и очага в черном 47-м. Их придорожные мазанки и лачуги были снесены тараном, и "Таймс" потирал руки и предсказывал малодушным и саксонцам, что вскоре ирландцев в Ирландии будет меньше, чем краснокожих в Америке. Даже Великий Турок послал нам свои пиастры. Но саксонец пытался выморить наш народ голодом, хоть земля щедро рожала в тот год и британские гиены скупили урожай и продали в Рио де Жанейро. Да, они согнали наших крестьян с земли. Двадцать тысяч умерло в пловучих гробах. Но те, кто добрался до края свободы, не забыли страну рабства. И они вернутся вновь, и с возмездием, и не будет робкосердечных меж сынами Грануайля, меж защитниками Катлин ни Хулихан.

— Совершенно верно, — говорит Блюм, — Но я имел в виду...

— Давненько мы уже ждем этого дня, гражданин, — говорит Нэд. — С тех пор как старушка сказала нам, что французы подходят и высадились у Киллалы.

— Да, — говорит Джон Уайз. — Мы сражались за коронованных Стюартов, но те выдали нас головой сторонникам Вильгельма. Помните Лимерик и раздробленный камень договора. Мы пролили свою кровь за Францию и Испанию, выходцы из Ирландии. Фонтеной, а? А Сарсфилд и О'Доннелл, герцог Тетуанский в Испании, и Улисс Браун из Камю, который был фельдмаршалом у Марии Терезии. Но что мы получили за все это?

— Французы! — говорит гражданин. — Лишь танцевать мастера. Знаете что? С них Ирландии проку, как с жареного пера. Да и сейчас они пытаются устроить *Entente Cordiale* на приеме у Т.П. с коварным Альбионом. Подстрекатели Европы, вот кто они.

— *Conspir les Frabcas*, — говорит Ленехан, отхлебывая пива.

— А пруссаки и ганноверцы, — говорит Джо, — неужто недостаточно нам было всех этих колбасников, выроdkов на троне, начиная с Георга Избранного и до этого немецкого паренька и плоскостопой старой суки, что наконец-то сдохла?

Иисусе, меня просто смех разобрал, когда он дошел до этого, насчет старухи с шорами на глазах, напивалась в дым в своем королевском дворце каждую Божью ночь, старая Вик, с ее флаконом горной росы, и ее кучер несет ее в постель, как охапку костей, а она тягает его за баки и поет всякие куплеты насчет *Ehren na Рейне* и пошли туда, где выпивка дешевле.

— Что ж, — говорит Д.Д., — сейчас нас Эдуард Миротворец.

— Расскажи это дуракам, — говорит гражданин. — Этот паренек и впрямь интересуется одним словом из трех букв, только это не мир. Эдуард Гвельф Веттин!

— А что вы скажете, — говорит Джо, — насчет этих святых мужичков, попов и епископов Ирландии, отделяют комнату для него в Майноте в цвета Его Сатанинского Величества, как ливрею на скачках, и вешают картинки всех коней, на которых пилили его жокеи. Сам эрл Дублинский, не больше, не меньше.

— Им следовало бы развесить всех баб, которых он сам пилил, — говорит малыш Альф.

И говорит Д.Д.:

— Соображения места повлияли на выбор, сделанный их светло остями.

— Отведайте еще одну, гражданин? — говорит Джо.

— Да, сэр, — говорит он, — отведаю.

— Ты? — говорит Джо..

— Премного обязан, Джо, — говорю. — Да не убавится твоя тень

— Повтори дозу, — говорит Джо.

Блюм толковал и толковал с Джон Уайзом и порядком завелся, с этой своей землемордой чушкой, а по ней сливoglазы его так и катаются.

— Преследования, — говорит он, — вся мировая история полна преследований. Увековечивают рознь между нациями.

— Но знаете ли вы, что такое нация? — говорит Джон Уайз.

— Что же это? — говорит Джон Уайз.

— Нация? — говорит Блюм. — Нация это одни и те же люди на одном и том же месте.

— Ну, Господи, значит, — говорит Нэд, — и я — нация, потому что я живу на одном и том же месте уже пять лет.

Ну, тут само собой все посмеялись над Блюмом, и говорит он, стараясь выкарабкаться:

— Или также живущие в разных местах.

— Это относится к моему случаю, — говорит Джо.

— А позвольте спросить, какая ваша нация? — говорит гражданин.

— Ирландия, — говорит Блюм. — Я здесь родился. Ирландия.

Ничего не сказал гражданин, только прочистил плевok из глотки и, бля, выхаркнул из себя плевok с добрую устрицу прямо в угол.

— Вслед за вами, Джо, — говорит он, вынимает свой платок и обтирается.

— Вот, гражданин, — говорит Джо. — Возьмите в правую руку и повторяйте за мной.

Тщательно оберегаемое и передаваемое из рода в род сокровище, роскошно расшитый плат старинной ирландской работы, изготовление которого традиция связывает с именами Соломона из Дромы и Мануса Томалтаха или Мак-Даноу, авторов Книги Баллимота, было затем извлечено на свет. Нет необходимости задерживаться на легендарной красе уголков, подлинной вершине искусства, на которых можно ясно различить всех четырех евангелистов, преподносящих каждый одному из четырех мастеров свой евангелический символ: скипетр мореного дерева, североамериканскую пуму (куда более благородное животное, к слову говоря, нежели ее британский соро-

дич), теленка Керри и золотого орла из Каррантуохилла. Сцены, изображенные на белоснежном полотне, показавшие наши старинные дуны и раты и кромлехи и грианауны, замки, башни и циклопические сооружения, места учености и камни проклятия и заклинания, столь прекрасно и живо схвачены, и их краски столь нежны, что невольно хочется сравнить их с теми, в которых богомазы Слиго дали волю полету своей бурной фантазии в давние-давние времена, в дни Бармесида. Гленделох, чудесные озера Килларни, руины Клонмакнойса, Конгслое аббатство, Глен Ина и Двенадцать сосен, Око Ирландии, Зеленые Холмы Талла, Кроук Патрик, пивоваренная фабрика Артур Гиннес, сын и К⁰, акц. о-во, берега Лох Нея, долина Овока, башня Изольды, обелиск Мапаса, больница имени сэра Патрика Дана, мыс Клир, Глен Ахерло, замок Линча, Шотландский Дом, Дом Профсоюзов в Лофлинстоуне, Тулламорская тюрьма, Каслконнелские пороги, Килбаллимакшонакилл, распятие в Монастербойсе, отель "Жюри", Чистилище св.Патрика, Прыжок Лосося, столовая Мэйнутского колледжа, дыра Курли, болото Аллена, три места рождения первого герцога Веллингтона, скала Кашелла, склады на Генри стрит, Пещера Фингала — все эти трогательные сцены любовно сохранены для нас и украшены связанными с ними грустью и тоской о былом, которая, как ничто, расцвечивает прошлое.

— Передавай стаканы, — говорю. — Чей, чей будет?

— Это мой, — говорит Джо, — как сказал черт мертвому полицейскому.

— А какой я расы, — говорит Блюм, — я — ненавидимой и преследуемой расы. И сейчас. В этот самый момент.

Бля, он чуть не обжегся своим окурком.

— Грабят, — говорит он. — Обируют. Оскорбляют. Преследуют. Отбирают наше кровное. Прямо сейчас, — говорит он, подымая кулак, — продают с торгов в Марокко, как рабов, как скотов.

— Это вы о чем, о новом Иерусалиме? — говорит гражданин.

— Я говорю о несправедливости, — говорит Блюм.

— Верно, — говорит Джон Уайз. — Тогда ответьте на силу силой, как мужчины.

Вот вам картинка для хрестоматии. Мишень для разрывной

пули. Лощеное личико не робеет перед деловым концом ружья. Бля, ему пристала бы метелка, точно пристала бы, только передничек нацепить. И тут он весь оседает внезапно, перекручивается поперек себя, обмяк, как половая тряпка.

— Но это ни к чему не ведет, — говорит он. — Сила, ненависть, история, все это. Это не жизнь для мужчин и женщин, с оскорблениями и ненавистью. И всякому понятно, что настоящая жизнь — это совсем наоборот.

— А что? — говорит Альф.

— Любовь, — говорит Блюм. — В смысле чувство обратное ненависти. Сейчас мне нужно идти, — говорит он Джону Уайзу. — Лишь забегу в суд на секунду, гляну, нет ли там Мартина. Если он придет, скажите, что я тотчас вернусь. Тотчас вернусь.

Кто тебя держит? И он выскакивает, как хорошо смазанная молния.

— Новый апостол к язычникам, — говорит гражданин, — Всеобщая любовь.

— Что ж, — говорит Джон Уайз, — не этому ли и нас учили? Люби ближних.

— Этот тип? — говорит гражданин, — Обьеби своих ближних его девиз.

Любовь, Мойя! Хорошенький образец Ромео и Джульетты.

Любовь любит любить любовь. Сестра любит нового аптекаря. Констебль 14А любит Мэри Келли. Герти Мак-Доуэлл любит паренька с велосипедом. М.В. любит шатена. Ли Чи Хан любви любви мили Ча Пу Чау, Джамбо, слон, любит Алису, слонику. Старый м-р Вершойль со слуховым рожком любит старую м-с Вершойль со вставным глазом. Человек в коричневом макинтоше любит даму, которая умерла. Его Величество Король любит Ее Величество Королеву. М-с Норман В.Таппер любит офицера Тэйлора. Вы любите некую особу. И эта особа любит некуюособу, потому что все кого-нибудь любят, но Бог любит всех.

— Ну, Джо, — говорю, — здоровья тебе и звонких песенок. Бог в помощь, гражданин.

— Ура, давай, валяй, — говорит Джо.

— Да пребудут с вами Господь и дева Мария и св.Патрик, — говорит гражданин.

И он опрокидывает свою кружку, чтоб смочить дуду.

— Знаем мы этих аллилуйщиков, — говорит он, — читают проповеди и обирают карманы. Что насчет святотатца Кромвеля и его железнобоких, которые предали женщин и детей Дрогеда мечу с библейским текстом *Господь есть любовь* вокруг жерла его пушки? Библия! Читали сегодня в *Объединенном Ирландце* "уголок сатиры и юмора" про зулусского вождя, посетившего Англию?

— Это что еще? — говорит Джо.

Ну, гражданин берет одну из своих парафернальных газет и начинает читать вслух:

— Делегация хлопковых королей Манчестера была представлена вчера Его Величеству Алаки, владельцу Абеакуты, камер-юнкером, носителем Золотого жезла, лордом Яйцеходом, и выразила Его Величеству сердечные чувства признательности, которые испытывают британские купцы за предоставленные им в его владениях возможности. Делегация приняла участие в трапезе, в заключение которой темнокожий владыка произнес экспромтом речь, свободно переведенную британским капелланом преподобным Ананиасом Богуславом Кожекости, в которой он от души поблагодарил массу Яйцехода и напомнил о тех сердечных отношениях, которые сложились между Абеакутой и Британской Империей, подчеркнув, что он дорожит как зеницей ока своей Библией с картинками, нерукотворным словом Господним, этим залогом британского могущества, которая была милостиво дарована ему белым вождем в юбке, великой скво Викторией, с персональным посвящением, августейшей дланью монаршего дарителя на таковой. Затем Алаки выпил первосортного ускебо под тост *За черное и белое* из черепа своего прямого предшественника по династии Какачакачак, по прозвищу Сорок Угрей, вслед за чем он посетил знатную фабрику Хлопкополиса, где приложил свою руку к книге посетителей, а потом исполнил старинную абеакутскую военную пляску, в ходе которой он проглотил несколько ножей и вилок под бешеные овации фабричных работниц.

— Ничего вдова, — говорит Нэд. — Я бы в ней не усомнился. Интересно, пустил ли он эту Библию в ход так, как я бы это сделал.

— Так и перетак, — говорит Ленехан. — И впредь в сей многоплодной земле пышно расцвел широколистный манго.

— Это Гриффитса? — говорит Джон Уайз.

— Нет, — говорит гражданин. — Это подписано не Шенгана, а просто инициалом "П".

— Прекрасный инициал, — говорит Джо.

— Вот как это получается, — говорит гражданин. — Купец идет за солдатом.

— Ну, — говорит Д.Д., — если они еще хуже, чем эти бельгийцы в Свободном Государстве Конго, то они действительно должны быть плохи. Читали отчет этого, как его?

— Кэйзмента, — говорит гражданин. — Ирландец.

— Вот-вот, — говорит Д.Д. — Насилуют женщин и девок и бичуют туземцев по животу, чтоб выжать из них красный каучук до последней капли.

— Я знаю, куда он побежал, — говорит Ленеган, щелкая пальцами.

— Кто? — говорю я.

— Блюм, — говорит он. — Суд для отмазки сказал. Он поставил несколько монет на *Выброса** и сейчас пошел за своими сиклями.

— Этот белоглазый кафир? — говорит гражданин, — который в жизни сгоряча не поставил на лошадь?

— Вот куда он пошел, — говорит Ленеган. — Я встретил Бантама Лайонса, он собирался поставить на этого коня, только я отговорил его, и он сказал мне, что Блюм посоветовал ему. Готов побиться о что угодно, он загреб сто монет за свои пять. Только он во всем Дублине и ухватил. Темная лошадка.

— Он и сам лошадка темнее некуда, — говорит Джо.

— Прости, Джо, — говорю я. — Где тут выход.

— Вот сюда, — говорит Терри.

Прощай Ирландия, пошел на кудыкину гору. Ну, завернул

* "Блюм поставил на Выброса"... — Блюм, как правило, не играл на скачках, но все циклопы уверены, что он выиграл массу денег и скрывает это, чтобы никого не угостить. В этот раз Блюм действительно хотел поставить на Выброса, что советовал ему один из героев. Но другой персонаж советует Блюму поставить на Бунчука, он его слушается и проигрывает. Однако в памяти героев остается то, что Блюм ставил на Выброса, а значит и выиграл.

я на задворки к водокачке и, бля (сто монет к пяти), пока я отливал (*Выбрось двадцать к одному*), отливал я, бля, говорю я себе, я заметил, что он (два пол-литра поставил Джо и у Слаттери пол-литру поставил), что он неспокоен удрать хотел (сто монет это пять золотых) и, когда они жили в (темная лошадка), говорил мне Писсатель Бурк, в карты резались и плетет ребенок заболел (бля, добрых литра три отошло) жена его жирножопая травит ей *лучше* или ей (ох!) все продумано, чтобы отхилить с сорванным кушем или (Иисусе, ну и заправился я) торговля без патента (ох!), Ирландия, говорит, моя нация (хррк! фчхук!) никогда этим блядским (вот и последняя капля) Иерусалим (ах!)* рогачи.

Ну вот, когда я вернулся, они развели колокольный звон об этом, Джон Уайз говорит, что это Блюм подал мысль Гриффитсу** для Шин Фейна писать в его газете всякую баланду про суд подкупленных присяжных и что с налогами обманывают государство, и назначить консулов по всему свету, чтоб ходили и сбывали ирландские товары. Грабит Петра, чтоб заплатить Павлу. Это они перегнули палку, если старый моргун заправляет балаганом. Дайте нам самим чего. Господи, спаси Ирландию от этих блядских вынюхал. М-р Блюм с его мумбо-джумбо. Слова развесил! И старикан егоный до него мошенничал обманым путем, старый Мафусалим Блюм, коробейник-обдирала, отравил себя цианистой кислотой, после того как завалил всю страну своими погремушками и грошовыми бриллиантами. Займы по почте на доступных условиях. Любая сумма под простую расписку. Расстояние не помеха. Обеспечение и заклад не требуются. Бля, он прям, как козел Ланти Мак-Хэйла, который с любым пойдет за компанию.

— Да, так оно и есть, — говорит Уайз. — А вот и человек, который может рассказать об этом, Мартин Каннингэм.

И точно, подъезжает коляска из Замка с Мартином, и с ним Джек Пауэр и еще один мужичок, по имени Крофтер или

Крофтон, на пенсии у правительства от фискального управления, оранжист в списках Блэкбурна, и он получает командировочные, или Кроуфорд, гарцует по всей стране за счет короля.

Наши путники достигли деревенской корчмы и прыгнули со своих скакунов.

— Эй, шельма! — воскликнул тот, кто по замашкам казался вожаком группы. — Гнусный смерд! Сюда!

И с этими словами он загрохотал рукоятью меча по укосине. Наш хозяин вышел на вельможный зов, опоясываясь кушаком.

— Милости просим, добро пожаловать, любезные гости, — сказал он с подобострастным поклоном.

— Возьмись за дело, бестия! — закричал стучавший в ворота. — Позаботься о наших скакунах, а нам подай всего наилучшего, потому что, клянусь верой, мы в этом нуждаемся.

— Худоба наша, — сказал хозяин, — в моей бедной лачуге лишь пустые сусеки. Не знаю, что и предложить вашим сиятельствам.

— Чтоб тебе пусто было! — вскричал второй спутник, персона приятного обличия, — так это ты принимаешь королевских посланцев, мастер Таптун?

Молниеносная перемена отразилась на лице корчемника.

— Помилуйте, не судите, батюшки, — сказал он смиренно. — Раз вы королевские посланцы (Охрани Господь Его Величество!), ни в чем у вас нехватки не будет. Другьям короля (Благослови Господи Его Величество!) у меня в доме поститься не придется.

— Тогда разворачивайся! — вскричал третий, молчавший до сих пор, но натура его выдавала (плотоядного едока). — Что подашь-то?

Мой хозяин вновь поклонился, отвечая на сии слова:

— Позвольте предложить вам, отцы родные, тертых голубей, жареной оленины, телячье седло, гуся с подрумянившимися ломтиками ветчины, голову вепря с фисташками, чашу отменного желея, киселя из трав и сливок и флягу доброго старого рейнского?

— Тартарары! — воскликнул последний. — Это мне по вкусу. Фисташки!

* "Ох, ах"... — всех современников возмутила сцена с гонорейным мочеиспусканием.

** "Блюм подал мысль Гриффитсу"... — циклопов возмущает, когда еврей помогает их делу.

— Ага! — вскричал всадник приятного обличья. — Худая лачуга и пустые сусеки, мол! Отменный прохиндей!

Ну, тут входит Мартин и спрашивает, где Блюм.

— Где же ему быть? — говорит Ленехан. Обжужливает вдов и сирот.

— Я тут рассказывал гражданину, — говорит Д.Д., — про Блюма и Шин Фейн. Это правда?

— Правда, — говорит Мартин. — Или так считают.

— Кто считает? — говорит Альф.

— Я, — говорит Джо. — Это я счетчик.

— В конце концов, — говорит Джон Уайз, — почему бы еврею и не любить свою страну, как любому другому.

— Почему бы и нет? — говорит Д.Д. — Если он знает, какая из них своя.

— Кто он, ко всем чертям, еврей или язычник, или римский католик или лютеранин треклятый? — говорит Нэд. — Или кто он? Прости, Крофтон.

— Нам его не надо, — говорит Крофтер — оранжист или пресвитерианец.

— Что это за Юний?* — говорит Д.Д.

— Он извращенный еврей, — говорит Мартин, — откуда-то из Венгрии, и так получилось, что он все спланировал по венгерской системе. Мы в Замке это знаем.

— Он сродни Блюму-дантисту? — говорит Джек Пауэр.

— Ничего подобного, — говорит Мартин. — Просто однофамильцы. Его звали раньше Вилаг. Так отца звали, который отравился. Он сменил имя через нотариуса, его отец-то.

— Вот и новый Мессия для Ирландии! — говорит гражданин. — Остров святых и вещей!

— Что ж, они все еще ждут своего спасителя, — говорит Мартин. — Да и мы тоже, к слову.

— Да, — говорит Д.Д. — И как родится мальчик, они всякий раз думают, может, это Мессия. И каждый еврей прямо на стенки лезет, пока не узнает, отец ли он или мать.

— Все ожидает, что сейчас наступит его следующий миг, — говорит Ленехан.

* Юний — псевдоним английского публициста восемнадцатого века, подлинное имя которого осталось загадкой для читателей,

— О Господи! — говорит Нэд. — Жаль, что вы не видели Блюма перед тем, как его сын, который умер, родился. Я встретил его однажды на Южном рынке, запасался банкой детского питания за шесть недель до родов,

— En ventre sa mere, — говорит Д.Д.

— Разве это мужик? — говорит гражданин.

— Сомневаюсь, засадил ли он хоть разок втихаря, — говорит Джо.

— Как бы то ни было, двое детей родились у них, — говорит Джек Пауэр.

— И кого он подозревает? — говорит гражданин.

Бля, шутка — шуткой, но есть и доля правды. И впрямь середка на половинку, ни баба, ни мужик. Лежит себе в номере, рассказывал мне Писсатель, раз в месяц с мигренью, как сучка с месячными. Знаете, что я вам скажу? Божеское дело сделал бы тот, кто взял бы такого типа и бросил ко всем чертям в море. Допустимое лишение жизни это было б. Отхилил с пятью фунтами, не поставив и пол-литры. Как мужик. Благословите нас. Нет, нам глаз не заштукаришь.

— Милость к ближнему, — говорит Мартин. — Но где же он? Нам некогда.

— Волк в овечьей шкуре, — говорит гражданин. — Вот кто он. Вилаг из Венгрии! Агасфер, я бы назвал его. Проклятый Богом.

— Разок приложиться у вас время есть, Мартин? — говорит Нэд.

— Только разок, — говорит Мартин. — Нам нужно спешить. Д.Д. и С.

— А вы, Джек? Крофтон? Три половинки, Терри.

— Святому Патрику снова нужно будет высадиться у Балликинлара и обратить нас, после того как такие твари загрязнили наши берега, — говорит гражданин.

— Что ж, — говорит Мартин, — хватая свой стакан. — Господи, благослови всех нас.

— Аминь, — говорит гражданин.

— И Он воистину благословит, — говорит Джо.

И под звуки освященного колокола, с распятием во главе, литаврами и хоругвями, с чтецами и гребцами, остиариями.

деканами и субдеканами, благословенное собрание это приблизилось с приорами и аббатами в митрах и монахами, и братьями орденов и монастырей. Были там монахи ордена Бенедикта из Сполетто, картузианцы и камальдолесцы, цистерцианцы и оливетанцы, ораторианцы и валломброзиянцы, и братья-августинцы, монахи св.Бригитты, премонстратезианцы, серви, тринитарианцы, дети Петра Ноласко, а с ними от горы Кармель отроки Илии пророка, ведомые епископом Альбертом и Терезой Авильской, и серые, и коричневые братья, принявшие обет бедности францисканцы, капучины, кордельеры, минимы и послушники, и сестры ордена св.Клары, и братья ордена св.Доминика, монахи-проповедники, и сыны Винсента, и монахи св.Вольстана, и члены ордена св.Игнатия, и община наихристианнейших братьев, ведомых преподобным братом Эдмундом Игнатиусом Рисом, а вслед за ними явились все святые и великомученики, девы и исповедники: св.Кир и св.Исидор Аратор, и св.Иаков Малый, и св.Фока Синопский, и св.Юлиан Странноприимец, и св.Феликс де Канталис, и св.Симеон Столпник, и св.Стефан Великомученик, и св.Иоанн Богоугодник, и св.Ферреол, и св.Легард, и св.Теодотус, и св.Вульмар, и св.Ричард, и св.Винсент де Поль, и св.Мартин Тодийский, и св.Мартин Турский, и св.Альфред, и св.Иосиф, и св.Денис, и св.Корнелий, и св.Леопольд, и св.Бернард, и св.Теренс, и св.Эдуард, и св.Оуэн Песий,* и св.Аноним, и св.Эпоним, и св.Псевдоним, и св.Гомоним, и св.Патроним, и св.Синоним, и св.Лоренс О'Тул, и св.Иаков Динглский, и Компостелла, и св.Колумбил, и св.Колумба, и св.Селестина, и св.Фахтна, и св.Колумбанус, и св.Галл, и св.Фурси, и св.Финтан, и св.Фиакр, и св.Ян из Непомук, и св.Фома Аквинский, и св.Ив.Бретонский, и св.Мичан, и св.Герман-Иосиф, и три покровителя святой младости св.Алоисий Гонзага, и св.Станислав Костка, и св.Иоанн Берчманс, и святые Гервазий, Сервазий и Бонифаций, и св.Брайд — Невеста, и св.Кирнан, и св.Песс из Килкенни, и св.Ярлат Туамский, и св.Финбарр, и св.Паппин Баллимунский, и брат Алоисий Миролубивый, и брат Луис

* Св.Оуэн Песий — Гарриуэн; св.Аноним — рассказчик; св.Кирнан — хозяин паба; Марион Гибралтарская — Молли, жена Блюма.

Воинствующий, и святые Роза Лимская и Витербурская, и св.Марфа Вифанийская, и св.Мария Египетская, и св.Люсия, и св.Бригид, и св.Аттракта, и св.Димпна, и св.Ита, и св.Марион Гибралтарская, и блаженная сестра Тереза ордена младенца Иисуса, и св.Варвара, и св.Схоластика, и св.Урсула с одиннадцатью тысячами дев. И все они пришли с нимбами и ореолами и в сиянии славы своей, с пальмовыми ветками и арфами, и мечами, и оливковыми венцами, в покрывалах и одеяниях, на коих вытканы были благословенные символы их святости или мученичества: чернильные рожки, стрелы, хлеба, кресты, топоры, деревья, мосты, младенцы в бадье, ядра, кошель, ножницы, ключи, драконы, лилии, рога, бороды, бороны, лампы, меха, ульи, черпаки, мыло, звезды, змеи, клинья, банки с вазелином, колокола, костыли, щипцы, олени, непромокаемые сапоги, ястребы, верстные знаки, глаза на блюде, восковые свечи, паникадила, кропила, единороги. И так они шествовали мимо статуи Нельсона, по Генри стрит, Мэри стрит, Капел стрит, Малобританской улице, скандируя слова из *Epiphania Domini*, которая начинается *Surge, illumina-ge*, а затем сладчайшая *Omnes*, где говорится *de Saba venient*, и при этом они творили чудеса, а именно: изгоняли демонов, возвращали мертвых к жизни, множили рыб, исцеляли хромых и слепых, находили различные затерявшиеся предметы, разъясняли и исполняли Св.Писание, благословляли и пророчествовали. И в завершение шествия следовал под балдахин чистого золота преподобный отец О'Флинн, поддерживаемый Малахией и Патриком. И когда святые отцы достигли урочного места, а сим был дом Бернарда Кирнана и К°, Акц.о-во, №№ 8, 9, 10 по Малобританской улице, бакалейные и колониальные товары, оптовая торговля, поставщики вина и бренди, продажа вина, пива и крепких напитков в розлив и на вынос, ликующие хоругвеносцы благословили дом сей и кадили на его резные окна со ставнями, на наличники и двери, на арки и колонны, на купола его и на карнизы, и пояски, и на своды, и фронтоны, на шпили, и волнорезы, и окропили крестовины окон сих святой водой и вознесли моление, чтоб Господь благословил дом сей, как Он благословил дом Авраама, Исаака и Иакова, и чтобы поселил там ангелов Своего

света. А войдя, благословил сосуды и напитки, и все благословенное общество отвечало на его молитвы:

— *Adiutorium nostrum in nomine Domini.*

— *Que fecit coelum et terram.*

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo.*

И он возложил свои руки в благословении и возблагодарил и молился, и все они молились с ним:

— *Deus, cuius verbo sanctificantur omnia, benedictionem tuam effunde super creaturas istas retro pro ea ut quisquis eis secundum legem et voluntatem Tuam cum gratiarum actione usus fuerit per invocationem sanctissimi nominis Tui corporis sanitatem et animae tutelam Te auctore percipiat per Christum Dominum nostrum.*

— И мы все скажем аминь, — говорит Джек.

— Тысяча в год, Ламберт, — говорит Крофтон или Кроуфорд.

— Точно, — говорит Нэд и берет стакан своего "Джона Джеймсона". И масло к хлебу.

Только я оглядываюсь, кому на ум может прийти удачная мысль, и тут, чтоб он сдох, он врывается снова, делает вид, что спешит как на пожар.

— Я забегал в суд, — говорит он, — искал вас. Я надеюсь, я не...

— Нет, — говорит Мартин, — мы готовы.

Суд тебе в глаз, мать твою так, а карманы отвисают от золота и серебра. Жадный жид. Поставь нам выпивку, Угости! После дождичка в четверг! Вот это еврей! Все за одного. Краше сортирной крысы. Сто к пяти.

— Смотри, не проболтайся, — говорит гражданин.

— Прошу прощения, — говорит он.

— Пошли, ребята, — говорит Мартин, видя, что дело к грозе. — Пошли поскорее.

— Смотри, не проболтайся, — говорит гражданин, заводясь все больше. — Храни в тайне.

И блядский пес проснулся и зарычал.

— Пока, до скорого, — говорит Мартин.

И он вытащил их из пивной как можно быстрее, Джек Пауэра и Крофтона или, как его там звать, и он сам посередине,

делает вид, что ничего не понимает, вместе с ними в коляске.

— Гони, — говорит Мартин кучеру.

Не белоснежный дельфин распустил свою гриву — то кормчий, взойдя на позлащенный солнцем ют, поставил парус без штага и пошел на фордевинд под всеми парусами, вынеся спиннакер от грота. Множество дивных нимф подплыло поближе к подветренной и наветренной сторонам, и, цепляясь за борта благородной баркентины, свивали оне свои блистающие формы, как поступает хитроумный колесник, когда он сооружает вокруг сердцевины колеса ряд равноудаленных спиц, кои сестры друг другу, и сковывает их внешним ободом и придает быстроту стопам смертных, когда они спешают на совет или соперничают за улыбку прекрасных дам. И воистину так плыли они, сии любострастные нимфы, сии не-смертные сестры. И они смеялись, резвясь в пене морской, а баркентина качалась в их волнах.

И, бля, не успел я поставить кружку, вижу, как гражданин ковыляет к дверям, задыхаясь и фыркая с перепою, и клянет его, как Кромвеля, в мать, душу и черта по-ирландски, так что брызги и слюна летят, и Джо и малыш Альф суется вокруг него, как лепречуаны, пытаются утихомирить.

— Отцепитесь, — говорит он.

И бля буду, он добрался прямо до дверей, и они держат его, и он базлает вовсю:

— Троекратное ура Израилю!

Арра, сиди на парламентарной стороне своей жопы, Христа ради, и не устраивай нам демонстраций. Иисусе, всегда найдется какой-нибудь блядский шут, разведет балаган из-за выведенного яйца. Бля, от этого пиво в кишках может скиснуть, точно говорю.

И вся шушера и шлюхи Ирландии стоят под дверями, и Мартин гонит кучера, и гражданин базлает, а Альф и Джо утихомиривают его, а он, как с колокольни, поливает насчет евреев, а кабацкий прилипла с повязкой на глазу поет: "Евреи все, евреи, кругом одни евреи", и шлюха орет из себя:

— Эй, мистер! Ширинка расстегнулась, мистер!

И говорит он:

— Мендельсон был еврей, и Карл Маркс, и Меркаданти, и

Спиноза. И Спаситель был еврей, и его отец был еврей. Ваш Бог.

— У него не было отца, — говорит Мартин. — Будет. По-езжай.

— Чей Бог? — говорит гражданин.

— Ну, его дядя был еврей, — говорит он. — Ваш Бог был еврей. Христос был еврей вроде меня.

Бля, тут гражданин метнулся обратно в пивную,

— Клянусь Иисусом, — говорит он, — сейчас разможжу блядского жида за то, что поганит святое имя. Клянусь Иисусом, я счас распну его, в Бога и в душу. Подать-ка эту коробку с сухарями.

— Стой! Стой! — говорит Джо.

Со всех сторон Большого Дублина и из самой столицы, и из ее окрестностей собрались тысячи друзей и приятелей, чтобы воздать должное и попрощаться с Надьшагошем урамом* Липоти Вирагом, ранее служившим в фирме Александра Тома, Его величества печатный двор, в связи с его отбытием в удаленные уделы Сазхарминцборогуляша-Дугуляша** (Луг Журчащего Ручейка). Церемония, шедшая с немалым éclat отличалась берущей за душу сердечностью... Свиток старинного ирландского пергамента, украшенный заставками работы ирландских мастеров, был преподнесен заслуженному феноменологу от имени большинства горожан. Вместе с ним был вручен и серебряный ларчик, украшенный со вкусом орнаментом и инкрустациями наподобие древнекельтских, подлинное произведение искусства, способное прославить имя его изготовителей, фабрики Иаков агус Иаков. Отбывающий на родину высокий гость был встречен сердечными овациями. Многие из присутствующих были тронуты, когда отборный оркестр сыграл на ирландских волынках хорошо знакомую щемящую сердце мелодию *Вернись в Эрин*, за которой немедленно последовал *Марш Ракоши*. Костры и бочки со смолой озарили побережье четырех морей и гордые вершины Холма Хоут, горы Трех Скал, Сахарной Головы, гор Мурна, Галти, Быка и Доне-

* Надьшагош — высокочтимый господин (венгр.)

** Сазхар... сто тридцать порций телячьего гуляша — запор (венгр.)

гала, пика Сперрин, Наглес и Бограс, холмов Коннемары, высот Мак-Гилликадди, Слив Оти, Слив Барна и Слив Блюм. И так под приветственные сотрясающие небесную твердь клики приверженцев, сгрудившихся на удаленных холмах Камбрии и Каледонии, гигантский лайнер медленно отчалил, получив последнюю дань лучших творений Флоры из ручек представительниц прекрасного пола, собравшихся в немалом количестве, а когда подобный мастодонту корабль поплыл вниз по реке, сопровождаемый целой флотилией барок, флаги Отдела Балласта и Таможни были приспущены в знак прощального приветствия, равно как и флаг на здании электростанции у Пиджинхауза. Висонтлаташра, кедвеш баратон! Висонтлаташра! С глаз долой, но не из сердца вон.

Бля, сам черт не остановил бы его, схватил он эту блядскую жестянку, выскочил с ней наружу, а малыш Альф виснет у него на локте, а он орет, как подколотый боров, не хуже любого блядского представления в Королевском театре.

— Где он, пока я его не убил?

А Нэд и Д.Д. со смеху рукой пошевелить не могут.

— Гром и молния, — говорю, — подожду-ка я внутри последнего евангелия.

Но тут, как на удачу, кучер повернул клячу и погнал ее.

— Погоди, гражданин, — говорит Джо. — Стой.

И тут, бля, он замахнулся и запустил жестянку. Господь помиловал, солнце было ему прямо в глаза, а то б он его пришиб насмерть. Бля, он чуть не запустил ее в графство Лонгфорд. Блядская кляча испугалась и понесла, дурацкая дворняга несется, как будто за ней черти гонятся, и весь народ галдит и хохочет, И чертова жестянка катится и грохочет по мостовой.

Разразившаяся катастрофа была ужасающей и молниеносной. Обсерватория Дунсинка зарегистрировала в общей сложности одиннадцать толчков, все — пяти баллов по шкале Меркали. По существующим записям подобного сейсмического возмущения не происходило на нашем острове с землетрясения 1534 года, года мятежа Силкен Томаса. Эпицентр,

* Висонтлаташра — прощай, дорогой друг (венгр.)

видимо, находился в той части метрополиса, которая составляет район Гостиничного причала и приход св.Мичана, с общей площадью поверхности сорок один акр, два руда и один квадратный поль или перч. Все аристократические особняки в окрестностях Дворца Правосудия рухнули, и само это благородное сооружение, в котором в момент катастрофы велись важные правовые дебаты, превратилось в массу руин, под которой, как опасаются, остались погребены заживо все его обитатели. Из сообщений очевидцев стало известно, что сейсмические волны сопровождалась мощными сотрясениями атмосферы циклонического свойства. Головной убор, как выяснилось впоследствии, принадлежавший достопочтенному делопроизводителю мирового и коронного суда м-ру Джорджу Фортреллу, и шелковый зонтик с золотой рукояткой, на которой выгравированы инициалы, герб и номер дома эрудированного и досточтимого председателя Дублинского суда, сэра Фредерика Фалконера, были обнаружены поисковыми группами в удаленных частях острова, соответственно первый на третьем базальтовом гребне Великаньей Дамбы, а последний был погружен на один фут и три дюйма в песок на берегу залива, недалеко от старого мыса Кинсэйла. Другие очевидцы сообщают, что они наблюдали светящийся объект огромных размеров, прорезавший атмосферу с чудовищной быстротой по траектории, направленной с юго-запада на запад. Послания, выражающие соболезнования и сочувствие поступают ежечасно со всех сторон света и со всех континентов, и Римский владыка соблаговолил указать, что специальная *nissa pro defunctis* будет отпразднована одновременно рукоположенным духовенством всех и каждого собора во всех епископальных приходах, подвластных духовной воле Престола Святого Петра за упокой душ тех истинно верующих, которые были столь неожиданно вырваны из нашей среды. Работа по расчистке и удалению руин, человеческих останков и т.д. была доверена фирме Майкл Мид и Сын, № 159 по Грейт Брансвик ст. и фирме Т.С.Мартин, по улице Северная Стена, № 77, 78, 79 и 80, с помощью солдат и офицеров легкой пехоты Герцога Корнуэльского под общим командованием Е.К.В. вице-адмирала члена королевского совета

досточтимого сэра Геркулеса Ганнибала Хабиас Корпуса Андерсона K.G., K.P., K.T., P.C., K.C.B., M.P., J.P., M.B., D.C.O., S.O.D., M.F.H., M.R.I.A., B.L., Mus.Doc., P.L.G., F.T.C.D., F.R.U.I., F.R.C.P.I. и F.R.C.S.I.

Вы никогда не видели ничего подобного за всю жизнь. Бля, если бы этот лотерейный билет угораздил бы ему по башке, запомнил бы он Золотой кубок, надолго запомнил бы, но, бля буду, гражданин угодил бы в кутузку за нападение и оскорбление действием, а Джо — за пособничество и укрывательство. Кучер спас ему жизнь, когда помчал, и это святая истина, как то, что сказал Господь Моисею. Что? Иисусе, так он и сделал. И запустил вслед залпом проклятий.

— Убил я его, — говорит, — или как?

И кричит своему блядскому псу:

— За ним, Гарри! Куси его, дружок!

И только мы и видели, блядская коляска заворачивает за угол, и эта овечья морда стоит в ней и руками разводит, и блядская дворняга несется за ним, уши на спину, что есть мочи, чтоб разорвать на куски. Сто к пяти! Иисусе, клянусь, что он что-то получил с него за свои деньги.

И вот, се, озарил их великий свет, и они узрели колесницу, и Он, стоя в ней, возносился на небеси. И они узрели Его на колеснице, окутанного лучезарной славой, в милоти, подобной солнцу, прекрасного ликом, как ясный месяц, и ужасающего, так что от страха они не смели возвести очи. И раздался глас с небес, зовущий: Илия! Илия! И он ответил зовом: Абба! Адонай! И они узрели Его, воистину Его, бен Блюма Илию, возносящегося меж облаков ангелов к лучезарной славе Господней под углом сорок пять градусов над кабаком Донохью на Малозеленной улице, как горох от стенки.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВАДИМЕ ДЕЛОНЕ

Вадим Делоне родился в 1947 году. В юности стал участником литературного кружка, известного под названием СМОГ (Союз молодых гениев), из которого вышли такие деятели молодой оппозиционной России, как Юрий Галансков и Александр Гинзбург. Еще в начале 60-х годов в этом кружке начали выходить первые неподцензурные журналы и литературные сборники, широко ходившие по рукам. Наиболее известный из них — "Феникс", составленный Ю.Галансковым.

В начале же 60-х годов участники кружка СМОГ организовали поэтические собрания на площади Маяковского в Москве, на которых молодые поэты читали как свои собственные стихи, так и стихи Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. Чтения эти, собиравшие много слушателей и не раз разгонявшиеся милицией, явились предвестником зарождавшегося диссидентского движения, в котором молодежь с Маяковской площади приняла самое активное участие. Кроме уже названных, в диссидентское движение из этого круга пришли Владимир Буковский, Виктор Хаустов и многие другие. Когда начались репрессии, эта молодежь первой приняла на себя удар советской карательной машины. Среди первых жертв репрессий был и Вадим, который побывал в заключении дважды. В первый раз он был арестован в 1967 году за участие в демонстрации на Пушкинской площади в защиту Ю.Галанскова и А. Гинзбурга. Во второй раз — в 1968 году за участие в демонстрации на Красной площади против вторжения советских войск в Чехословакию. Аресты не остановили Вадима. Освободившись после второго срока, он продолжал правозащитную деятельность и был бы скорее всего арестован и в третий раз, если бы не эмигрировал за границу. Разлуку с родиной он переживал очень тяжело и оказался совершенно не в состоянии приспособиться к жизни в эмиграции.

Он умер в Париже летом 1983 года, не дожив и до сорока лет.

Уже после смерти Вадима в Париже был подготовлен сборник его стихов, который скоро выйдет в свет. Мы предлагаем нашим читателям стихи из этого сборника.

ВСЕ МЫ ПРАВДЫ ПРОСИЛИ

* * *

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег скрипит по крышам ржавым.
Ничему тюрьма нас не научит,
Кроме чувства жалости, пожалуй.

Тихих слов никто не скажет на ночь,
День сосулькой оборвется в вечность,
И твои мечты разгонит напрочь
Тенью по стене скользнувший вечер.

Лишь шаги охранников у двери —
Чем твоя душа там только дышит?
Я с тобой, поверь мне, ну поверь мне,
Даже если слов моих не слышишь.

Я представить пробую, я мучусь,
Что за сны тебе сегодня снятся.

Стены комнат стен тюрьмы не лучше
В час, когда бессильем жутким смят ты.

Только галки вязнут в грязных тучах,
Только снег к окошкам липнет, липнет.
Я впервые проклиная участь —
Ни уйти, ни броситься, ни крикнуть.

1973 г.

* * *

Тени синюю набрякли,
Словно вены в запой...
Здесь кварталы, как грядки,
Как шитье с бахромой.

И фонарные блики
Поплавками в воде...
Может, Петр Великий,
Это снилось тебе?

Триумфальные арки
И безглавый костел...
Разлинованным парком
Не пойдешь на костер.

Все мы правды просили,
Я к возмездьям привык...
И бреду от Бастильи
Прямоком к Республик.

Париж, 1980

* * *

Слегка насвистывают ставни
С листа, и чисто
Сплетают в скверах ветер стансы
И, верно, Листа.

О руки листьев, рвущих просинь —
Аккорд в заборах!
Меня наощупь ищет осень,
Как будто в шорах.

Москва, 1966

* * *

Утро косится воровато,
Снег сверчком под окном скрипит,
Тень, как узник мечась, обратно
Возвращается с полпути.

Сны, как розы за ночь засохнув,
Распадаются на глазах,
Бой курантов разводит вохру,
Задыбевшую на часах.

Сходят пятна фонарной сыпи
С лика улиц, как пот со лба...
Вот и с этим рассветом свыклись,
Как с махоркою голытьба.

Москва, 1974

* * *

Закат повис, вцепившись в облака,
Вода скрипит по днищу самоходки,
На берегу сгружают лес зека
За черный хлеб и хвост гнилой селедки.
Нас двое на борту цепляют строп,
Все остальные маются на суше.
Когда-нибудь загонят бревна в гроб,
И штабеля завалят наши души.
Пока что мы как будто на ногах,
А страх не держат в лагерях за редкость,
Но ветер рвет канаты впопыхах,

И нас несет с размаху на запретку.
 На вышке передернут автомат,
 И мы скользим по слизи мокрых бревен.
 Виновные, что живы, а солдат
 Само собою в этом невиновен.
 Вот он поднялся, разгоняя лень.
 Прицелился и взялся за работу,
 Тень облаков легла, как смерти тень
 Ложится на последних поворотах.
 Ему отметят завтра, что побег
 Он оборвал своей надежной пулей.
 Над головой взметнется серый снег.
 Как знак для нас, что мы уже загнулись.
 И жалко, что лишь год не досидел...
 Да что мне все атаки, все дуэли,
 ""огда б еще назначенный расстрел,
 А то стрельба по неподвижной цели.
 Но кто-то дал конвойному отбой,
 И автомат отбросил он устало,
 А тишина звенит над головой.
 Как над столом хрустальные бокалы.
 Объятиями встречают нас зека.
 Сегодня спасены мы от забоя,
 И только долго снится тот закат.
 Махнувший нам прощальной рукою,
Тюмень, лагерь, 1969-1971

Марина КОСТАЛЕВСКАЯ

ВАРИАЦИИ

ДЕРЕВО

Нет остановки. Есть стоянье.
 И состоянье — вертикаль,
 где достояньем расстоянья
 росток в расчете на века.
 Добротность родового корня,
 где сыном — дом, а внуком — дым
 И шелест отлетит покорно
 на рыжий треск переводим
 для упования — сгорая,
 взметнуть побеги без погонь
 не к древу Рая, к двери Рая,
 пройдя Чистилище — огонь.

КАМЕНЬ

На камне камня... И кремни слов
 высекли искру бед.

За камнем Каин, под кровом кровь.
 Над Римом рычанье побед.
 Падение стен, реставрация скал.
 Руины кольцуют века.
 На камень — обвал, на память — оскал.
 И степь стережет истукан.
 И время разбрасывать и собирать.
 И нет оправданья добра,
 пока не откроется время назвать
 могучее имя Петра.

ВОДА

Водным причастьем
 волны прелюдий
 вводною частью
 к будущим людям.
 В буре потопа
 топот потомков.
 К суше потоком
 души в потемках.
 Выльется влажность
 в ласку и нежность.
 Близость отважна,
 даль безмятежна.
 Лепет капли
 в первой купели
 от океана
 до Иордана.

ВОЗДУХ

Воплощенье ветром.
 Символом — полет.
 Робость — дрожью ветки,

гнева свой черед.
 Дуновеньем вести,
 веяньем крыла.
 Гордостью предместий.
 Горностью чела.
 И поверх спасенья
 от земных даров
 в храме Вознесенья
 брошенный покров.

ЗВУК

За явью моря тайна дна.
 Не пробуждаясь ото сна,
 праматерь звука — тишина
 своих детей хоронит.
 Но зло оплачено добром
 из рук органных мастеров.
 И звук — на времени тавро
 в пространственной погоне.
 Клеймен литаврами прибой,
 стоит над миром струнный зной.
 лесной гобой, метели вой
 и шепот аравийский.
 Как зов апостольских теней
 звучат двенадцать ступеней,
 и дело звонкое ровней
 идет на лад дорийский.
 И следом баховская власть
 на Страсти заменила страсть.
 И вот готическая связь
 передает сигналы.
 Мы суетливы и смешны,
 мы сиротливы и грешны,
 но все же будем спасены
 свидетельством хорала.

ЦВЕТ

Там, где Пророку все верны,
где в чудеса играют,
напев протяжной желтизны,
коричневый по краю,
там, где неверные — верны.

Где опьяненные глаза
скрывает век пергамент,
когда лазурь и бирюза
слезятся жемчугами,
как опьяненные глаза.

Там, где шелками шит Коран,
где камни — драгоценны,
цветная заповедь ковра
не менее священна,
чем шелком вышитый Коран.

Собой благословен Восток.
Вкушая плод душистый,
вкусит оранжевый восторг
и запах золотистый
тот, кто благословит Восток.

Но мы несем иной завет,
и тянется за нами
наш санный путь, наш белый след,
звenea семью цветами.

* * *

Как наважденье, как напасть
возлюбленное братство.
Моя застенчивая власть,
заносчивое рабство.

Не для ношения колец
свершен обряд певучий.
Соединяющий венец
не освящен — озвучен.
И за хоральной тишиной,
за отпущеньем свыше
не обозначаюсь, милый мой,
глаза твои услышав.

* * *

Я так любила! Как герольды
любви бесчисленных градаций.
Сквозь ледяные губы Сольвейг.
Как сорок тысяч принцев Датских.
Вокруг бессонницы Изольды.
Поверх изорванной манжеты —
виной — узорчатый балкон.
Над лепетанием Джульетты.
Имен помимо и времен.
Как я одна на свете этом.

Но, если я тебя любила,
и если это не слова,
и если это правдой было,
и если до сих пор жива?
То, верно, вовсе не любила.

Виктор ПЕРЕЛЬМАН

ТЕАТР АБСУРДА

**Комедийно-философское повествование о
моих двух эмиграциях. Опыт антимемуаров**

СОДЕРЖАНИЕ:

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. РОДИНА, ТЕКСТЫ И Я

Нью-Йорк; Правительство в изгнании; Шинау; Израиль;
Бейт-Бродецкий; Рувен Веритас и другие; Снова Нью-
Йорк; "Свободный мир"; Мой иностранный паспорт;
Дядя Сол; Под знойным солнцем Тель-Авива; Что нужно
бедному еврею?; Дом, в котором я жил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАЛП "АВРОРЫ"

Инженер Сэм Житницкий: "Оплот Израиля"; Мы жили...
Мы ждали; Судьбоносный день; Сага о черемухе

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. НАХМАНИ, 62

Мой Атлантик-Сити; Лорд Шацман и его персонал;
Про Мейерхольда и Ворошилова; Странная штука —
жизнь; Лефортовская одиссея; Ленин-Бланк и наша
эмиграция; Мать и мачеха; Пир победителей; Облака
плывут, облака

Книгу можно заказать в редакции "Время и мы":
"Time and We" 475 Fifth ave, room 511-A
New York, New York, 10017
Цена книги 10 долларов.
В книге 254 стр.

**ПУБЛИЦИСТИКА.
СОЦИОЛОГИЯ. КРИТИКА**

Юрий ГЛАЗОВ

**ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ
ДИССИДЕНТОВ**

Светлой памяти отца Сергея Желудкова

Рано или поздно советская власть непременно развалится. А может быть, просто растает, как ледяной дворец с наступлением весны. Но чтобы не ошибиться, лучше считать, что весна эта наступит не при нашей жизни. Ибо, чем больше мы старались расшатать здание советской власти, тем более оно укреплялось. Здание это может развалиться внезапно, неожиданно, в любую из следующих недель, но скорее всего эта страшная бесчеловечная система благополучно встретит новое тысячелетие и устроит фейерверк в честь своего столетия. Андрей Амальрик не дожил до нынешнего орвелловского года, не сумел проверить свое предсказание.

Несказанно приятно становится от одной только мысли, что коммунисты в какое-то время не будут править страной, в которой нам посчастливилось родиться и вырасти. Множество могил будет возведено в местах нам еще неизвестных. Воздвигнут памятники дорогим нам людям и забытым мученикам. Назовут улицы и города именами, знакомыми до слез.

А пока каждое правдивое слово — удар громадной кувалды по одной из колонн, на которых покоится это здание. Каждое чувство наше, зафиксированное в молитве или письменной речи, дойдет до адресата и облегчит страдания вздернутых на дыбу, обозлит и напугает палачей. И все-таки прежде, чем архивы Лубянки каким-то чудесным образом окажутся раскрыты перед нашими глазами, а само здание постигнет судьба Бастилии или, в худшем случае, лондонского Тауэра, прольются, увы, реки крови и слез.

Два года назад в Москве неожиданно умер лучший друг моей юности Николай Голубков. Нет, он не был диссидентом. Не подписывал писем. В последние двадцать лет он носил партийный билет и погоны. В короткую нашу прощальную встречу перед моим отъездом из Москвы в апреле 1972 года он осуждал меня за намерение уехать, забыв, что в начале шестидесятых годов при возвращении с Кубы сам хотел остаться в Канаде. И вовсе забыл, что в середине пятидесятых годов он страстно ожидал конца советской системы. Он ждал, что она упадет, развалится. Конец советской власти был его молитвой, сливался с его верой, был неотделим от лучших его помыслов. Не дождавшись, он отбросил идеалы нашей юности, вступил в партию, стал кем-то другим, но не самим собой,

Нас больно бьют не дальние примеры, но часть нашей же жизни. Деграция моего друга, любимца и верховода нашего юношеского кружка, человека светлой души и смертельного врага деспотизма, не могла пройти для меня бесследно. Я склонен не верить напряженным и страстным человеческим ожиданиям.

За десятилетия своего существования советская власть понаторела ломать природу людей. В ранней песне А.Галича вертухай, поглядывая на Черное море, роняет: "А мы обучены, б... этой химии, обращению со стихиями..." Ломали женщин и мужчин. Молодых и старых. Что-то маловразумительное говорил, по словам советской печати, на своем процессе Б.Савинков. Без щемящей боли в сердце нельзя читать выступления обвиняемых на процессах тридцатых годов. Ломали и вербовали белых генералов. Муж Марины Цветаевой

прошел чудовищный путь от Белой армии до отвратительно-го соучастия в убийствах, запланированных на Лубянке. Попался на удочку гэбистов и состарился во Владимире В.Шульгин. Длинный, утомительный, малоприятный перечень.

Ни на один день не прекращала партократия и КГБ своих изоощренных усилий "ломать" людей. Стремление расколоть человека, решившегося на выступление против официальных установок, поразительно интересно по своей сути. Само по себе такое стремление многое приоткрывает в системе и ее идеологии, в той переделке жизни, от которой в ужас приходил Пастернак.

Перестройка "провинившихся" или "оступившихся" людей совершается жрецами советской системы во имя великой цели. В какой-то мере даже несущественно, верят ли сами "раскалыватели" в свою собственную идеологию. Они могут вполне цинично к ней относиться, а могут и разделять основные ее положения. Важно, что для следователей и прочих работников КГБ деятельность по вскрытию инакомыслия — это работа, служба, священнодействие, за что они получают хорошие деньги и пользуются весьма ощутимыми привилегиями. Этому делу их обучали, на этом они специализировались многие годы. Ни на что другое они уже не годятся и на жизнь взирают глазами сторожевых псов. В "Верном Руслане" Георгий Владимов проследил эту жуткую и трагическую психологию подобных существ. Люди эти выполняют приказ. Эти люди постоянно в деле. Им доступна даже большая информация, чем та, что питает свободомыслящую интеллигенцию. Но в отличие от последних чекисты изучают эту литературу не с точки зрения ее глубины и верности жизни, но с той точки зрения, как далеко зашел в своем творчестве пишущий. Их занимает, насколько огнеопасны эти произведения, какой ущерб государству и партии они могут нанести, оказавшись за границей и на чем можно поймать их авторов. Диссиденты — не простой и отнюдь не глупый народ. Игра с ними требует серьезного интеллектуального напряжения, но вся атмосфера работы такова, что едва ли следователи раскрутятся сами до того состояния, в котором оказался чеховский доктор из определенной палаты.

Такие люди, как генерал Виктор Николаевич Ильин, описанный Владимиром Максимовым в "Прощании из Ниоткуда", могли сами в прошлом хлебнуть советского правосудия чуть ли не полной чашей. Но это еще больше обостряет их рвение служить системе. До какой-то степени эти люди вполне понимают мир своих подопечных. Они не всегда хотят ломать человека целиком. Что-то в нем — от его таланта — должно и остаться. Эти люди умеют уверить самих себя в могуществе партии и государства, которым они ревностно служат. В какие-то минуты они могут сознавать, что, рубя другим головы и раскалывая крамольников, они участвуют в обычной кровавой круговой поруке. Но выбор сделан, и у них только может проскальзывать "жалость" к своему подопечному. В наше время они его стараются "спасти" от многих лет тюрьмы и даже "вышки". В их целеустремленной деятельности ради того, чтобы найти уязвимые места в подопечном и расколоть его, сквозит полное презрение к нравственному миру своей жертвы. Нравственные уроды, они наслаждаются тем, что увеличивают число людей, себе подобных.

Вот как разговаривает генерал Ильин, отвечающий за идеологическую работу с писателями в Москве, с проштрафившимся Самсоновым, явным двойником самого автора, после того как тот опубликовал "антисоветский" роман в зарубежном эмигрантском издательстве:

"Так, Самсонов, так, дорогой товарищ, значит, решил пойти ва-банк, как говорится, или грудь в крестах, или голова в кустах? — Он принялся размеренно кружить по ковру около окна. — Ох, не прост ты оказался, Самсонов, ох, как не прост! Рубаху-парня из себя разыгрывал, своего в доску, от станка, от сохи, от самого что ни на есть рабочего корня, а сам тихой сапой под советскую власть яму рыл? Только ведь, друг дорогой, сам в нее попадешь, мы, брат, не таким оленям рога обламывали, не по росту себе противника выбираешь, Самсонов. — Его вдруг досадливо передернуло. — Да ты не валяй дурочку, будто ты ни сном, ни духом: читал я твое сочинение от корки до корки, что называется. Не один год, видно, строчил, надрывался, а с нами ваньку валял, мол,

смотрите, какой я посконный-домотканый, святая простота, от неотесанности своей, мол, везде, правду-матку режу, к тому же и алкаш, чего, мол, с меня взять? — Он в сердцах ткнул себя кулаком в висок. — А ведь я знал, знал, докладывали, что разговорчики ведешь, что лозунгами кидаешься, что антисоветчиной от тебя за версту разит! Думал, молод еще, перебесится, водка языком ворочает, а выходит, ты даже не скрывался, выходит, ты меня, старого чекиста, вокруг пальца обвел, что ж, спасибо за науку, век живи, говорят, век учись!"

И когда, через несколько недель, Самсонов, вновь явившись к Ильину, попытался предложить ему полюбовный выход, требуя взамен своих уступок кое-что и от советской власти, реакция Ильина была мгновенной, хотя и несколько неожиданной:

"— Ты что же это, всерьез возомнил, Самсонов, что советская власть будет с тобой переговоры вести. — Того даже передернуло от такого кощунственного предположения. — То же мне, высокая договаривающаяся сторона! — Он поднял и с силой опустил на стол свой холеный кулак. — У советской власти с такими, как ты, один разговор: на колени, а потом она посмотрит, что ей с тобой делать, казнить или миловать, понятно? Советская власть никогда, ни с кем не договаривается, советская власть только приказывает и решает, другой формы переговоров с врагом советская власть не признает. — И устало усмехнулся вдруг. — Я думал, ты умнее..."

Нужно полагать, что на долю Самсонова и многих других выпала "удача": они оказались за границей, среди чужих людей и наречий, несколько поодаль от пистолета, приставленного к виску. Но не все уехали, не всех выслали, не все захотели или могли уехать сразу. Одни тихо отступились и умолкли. Другие прошли или проходят незапятнанными сквозь тюрьмы, лагеря, ссылки. Иных постигла тяжкая участь. После нескольких лет борьбы и противостояния системе они очутились за решеткой, — один на один с этой страшной системой, с ее ужасным аппаратом и с ее беспрецедентным насилием.

Противостояние системе в открытом единоборстве —

вплоть до ареста, до тюрьмы — психологически не столько любопытное, сколько захватывающее дух явление. Не в силах более молчать в отличие от тысяч и миллионов других, человек высказывает свои мысли, пускает в самиздат свое эссе или книгу. Он освобождается от тяжкого бремени молчания и сразу же попадает в категорию инакомыслящих или, как их называют, диссидентов. Он приобретает известность в узком кругу друзей. Со многими прежними друзьями отношения исчезают. Новоявленный диссидент почти незамедлительно попадает в опалу. Гонят с работы, но еще, слава Богу, не сажают. При множестве сочувствующих он каждый день вместе со своей семьей рискует умереть с голоду. Власти находят способы предупредить его и посоветовать воздержаться от дальнейших выступлений. Советуют умерить тон и пойти на попятную. Жена — в страхе за будущее мужа и своей семьи. Редкие теперь уже визиты друзей — явное проявление гражданского мужества. Слежка и подслушивание на каждом шагу и ежеминутно. А человек уже высказался. Он заслужил теперь право и помолчать, хотя идеи его продолжают жить своей собственной жизнью. Они распространяются. На них обращают внимание за границей. Их передают по зарубежному радио. От человека ждут чего-то еще нового. Его деятельность продолжается. Идеи продолжают распространяться, хотя и в узкой среде, а кругом продолжается все та же жизнь, все то же лицемерие. И норма жизни не слова и поведение riskующего жизнью человека, а повседневная рутина, цинизм и нежелание прислушиваться к чему-то новому, правдивому, но дерзкому и запрещенному.

Человек, решившийся говорить правду, идет на громадный риск. Еще вчера он был таким, как все. И если не лгал открыто, то помалкивал, пряча кукиш в кармане, и жил себе потихонечку, применительно к подлости. Посылая вызов властям, человек бросает вызов окружающим и прежде всего самому себе — недавнему себе. Он как бы заявляет, что так больше жить нельзя — нужно "жить не по лжи". В этот момент он напоминает ту клейкую зеленую почку, из которой со временем должна вырасти целая ветка. Но для этого нужна теплая по-

года, должны распуститься другие почки, иные деревья и кусты. А что если все еще держится холод? Или после краткой оттепели снова ударят заморозки? А что если эту ветку с новыми побегами грубо срывают и швыряют в подземелье?

Грустным примером такого пробуждения и последующей катастрофы остается для меня отец Димитрий Дудко. Я знал его, бывал на его службах, заезжал к нему домой. То было еще в пору, когда широкий мир о нем не слышал. Во второй половине семидесятых годов слава об этом проповеднике прокатилась по странам цивилизованного мира.

Отец Димитрий Дудко, родившийся в 1922 году в одном из заброшенных брянских селений, познал зловещую коллективизацию, немецкую оккупацию, службу в советской армии. После войны он учился в духовной семинарии, попал в сталинские лагеря. Освободился после смерти деспота, окончил Духовную академию, женился и был рукоположен в священники. После этого примерная служба в московской церкви, увлечение проповедью, осмысление опыта прошедших лет, толпы молодежи и интеллигенции, ищущих Бога, бурные шестидесятые годы и начало семидесятых, русофильские настроения и собственные литературные опыты. Многочисленные примеры мужественных и жертвенных людей, проходящих перед его взором, через его церковь и дом,

И пастырь начинает говорить во всеуслышание. О необходимости искать Бога. О драгоценном пути Православной Церкви. О великом опыте России. О "ставленниках от безбожников" на главных постах церковной иерархии. Об изощренности органов, манипулирующих церковью, играя на русскости: "ведь вы русский человек, мы тоже русские, надо быть вместе". Он выступал за канонизацию "царя-мученика", за что его особенно следует уважать. Призывал: "Хватит бояться. Будем петь во весь голос",

Вместе с всемирной славой к отцу Димитрию Дудко пришли неприятности. Перевод в далекую церковь, автомобильная катастрофа с переломом ног. Но голос отца Димитрия продолжал звучать. Наступили неизбежный арест, обработка органами, переживания за беспомощную семью, страх за буду-

щее, изоляция в тюрьме, снова многочасовые разговоры с любвеобильными следователями, преисполненными похвальными желаниями "спасти заблудшую овцу", помощь явившихся неожиданно, но с разрешения властей, церковных архипастырей... и, наконец, долгожданное... "прозрение". Отец Дудко вдруг понял и заявил во всеуслышание на весь мир летом 1980 года, что он "поддался голосам пропагандистов, стремящихся к подрыву нашего строя...". Пусть и несколько поздно, но он понял (не без помощи своих светских и церковных наставников) "антисоветский характер" своей деятельности и порвал с теми, кто из-за границы "стимулировал, а позднее и направлял" его вредные действия. Отец Дудко не отказался от Бога, но он "понял", что не может найти Бога вне России и вне русской Православной церкви, иными словами, вне советской власти и полностью контролируемой русской церкви, истерзанной, изнасилованной, обескровленной и все-таки еще живой.

Что же случилось с отцом Димитрием? Не будем бросать в него камень. Постараемся найти подлинного виновника трагедии. Виновата ли женщина, которую насилует банда негодяев? Повинна ли она в том, что вышла в поздний час без провожатых? Пренебрегла советом, предостережениями, внутренним чувством опаски? Слишком на себя понадеялась? Во всяком случае, Бога отец Димитрий, надо думать, не предал. Но, будучи изнасилован, от правды отрекся, спелся с насильниками, отрекся от многого того, что питало его веру. Что-то ужасное произошло с ним и, вероятно, с каждым из нас, знавших его, его слабости, любивших его, но не доверявших ему полностью...

Но еще более страшная история произошла с Виктором Красиным, с которым мне также не однажды пришлось встретиться в жизни и до какой-то степени раз или два пути наши, пусть и на очень короткое время, пересеклись...

В 1983 году в издательстве Чалидзе вышла совсем небольшая книжечка Виктора Красина с еще более кратким названием "Суд". Название это явно предполагает не только печально известный суд над ним и Петром Якиром в августе 1973 года

в Москве, но суд над самим собой и осуждение самого себя за поступки, совершенные под давлением или при совете пресловутого КГБ. Хотя книжечка Виктора Красина чересчур краткая, она никак не будет забыта читателем, изучающим Россию после Сталина. Она прочитывается и перечитывается с напряженным интересом, заставляя думать, переживать, сочувствовать, негодовать. В марте этого года "Нью-Йорк Таймс Мэгэзин" опубликовал значительную часть этой печальной повести, воспроизведя также фотографии Красина недавних лет и времени до его первой посадки в 1949, а также фотографию его жены Надежды Павловны Емелькиной.

Виктор Красин родился в 1929 году "великого перелома". Судьба его оказалась и очень необычной, и вместе с тем очень типичной для тысяч советских людей. У семилетнего мальчика арестован отец, который вскоре гибнет в лагере. Мать остается одна с двумя малышами. Война. Эвакуация в Среднюю Азию. Возвращение в Москву. Поступление в 1947 году на философский факультет в Московский университет, а через полтора года — арест и осуждение на восемь лет лагерей за одновременное увлечение ленинизмом и идеалистической индийской философией.

Проведя всего лишь несколько недель в Тайшетских лагерях, он принимает участие в дерзком побеге. Когда Красин рассказал мне о побеге, я спросил его, куда же они бежали сквозь тайгу, и в ответ услышал: "Мы бежали не куда, а о т к у д а".

Двадцатилетнего юношу изловили, зверски, до полусмерти избили тяжелыми кованными сапогами.

Смерть Сталина вызволила Красина из колымских лагерей смерти. Возвратился в Москву. Работал шофером на грузовиках и такси, заочно окончил экономический факультет МГУ, а в 1966 году — аспирантуру. Но диссертации защитить не смог. С началом правозащитной деятельности с головой в нее окунулся, став одним из наиболее активных ее участников. Сближился с ведущими правозащитниками, в особенности с Петром Якиром.

В ту пору несколько раз я встречал Виктора Красина. Каж-

дый раз на душе оставался тяжелый осадок. Первый разговор в квартире покойного Виталия Рубина оставил, правда, впечатление о нем как об умном и весьма откровенном человеке. Но встреча 24 февраля 1968 года на квартире у Якира, в день подписания воззвания в Будапешт, сохранила во мне на многие годы ощущение, что Красин — смертельно раненный своим прошлым человек, презирующий интеллигенцию и находящий особенное наслаждение не в самых светлых сторонах своего лагерного прошлого. Подписывая письмо вместе с одиннадцатью другими людьми, которых я глубоко уважал за их гражданское мужество, я не думал, что окажусь в одном списке с человеком, в коем многое окажется мне глубоко антипатично. Поставив свою подпись под письмом, которое в определенной мере решило мою судьбу и где каждое слово до сих пор является для меня правдой, я никак не думал, что именно облик Красина и его слова в последующем разговоре будут вызывать во мне годами чувство стыда, отвращения, какой-то страшной тайны и порой даже сожаления, что я пошел на этот поступок. Мне и до сих пор нестерпимо стыдно вспоминать о нашем разговоре, и это один из тех редких случаев в моей жизни, когда я вынужден сожалеть о том, что вел себя непростительно вежливо. Но то был особый случай, когда мы все вместе, как было очевидно, шли на большое и тяжелое испытание. Я не мог не видеть, что люди типа Якира и Красина изуродованы лагерной и советской действительностью, и не мог отделаться от чувства внутренней ответственности за их исковерканность, в особенности в случае мной искренне любимого и до сих пор ежедневно вспоминаемого Петра Якира.

Вместе с тем я постепенно начал понимать, что люди известного типа при всем их уме и тяжелом жизненном опыте, не будучи русскими интеллигентами в подлинном смысле слова, явно подбивают интеллигенцию на выступления против советского режима, и потому это "хождение в интеллигенцию" должно было быть наречено "интеллигентничеством" по аналогии с "народничеством". Народники любили народ. Любили ли носители "интеллигентничества" русскую интеллигенцию,

то немногое, что от нее сохранилось? Похоже на правду, что Красин в те годы, как пишет А.Э.Левитин-Краснов, говорил близким людям: "У меня ничего не осталось, кроме ненависти".

До конца 1969 года Красин оставался в самой гуще движения, которое теперь принято называть правозащитным. То было сплочение интеллигентов, которые не могли больше молчать и равнодушно относиться к преследованию наиболее смелых. Мафиозно-гангстерская природа властей уже ни для кого не была секретом. Но поскольку у одноглазого циклопа Полифема было два лика (один — зверский, тщательно скрываемый от людей, но отлично знакомый зэкам и гонимым, а другой лик — улыбчивый, лицемерно-приветливый, ханжески-цивилизованный), обществу доставляло немалое удовольствие, как в эту двуликую морду летели увесистые камни и острые стрелы. За каждый удар Полифем мстил — расчетливо, неторопливо, основательно. Ответный удар властей имел намерением отбить охоту делать из циклопа посмешище. А люди продолжали участвовать в манифестациях, подписывали письма протеста, создавали правдивые книги, читали стихи и пели песни. Выступали на собраниях. Распространяли в машинописных копиях эссе, от которых захватывало при чтении дух. Копировали книги, полученные из-за границы. Создавали группы в защиту арестованных. Встречались с западными корреспондентами, давали им интервью под носом у гэбистов. Выступали с незабываемыми речами на судебных процессах. Шли в тюрьму, лагеря и ссылки, чтобы продолжать свидетельствовать о беззакониях властей, зная, что друзья на воле и за границей не дадут их детям умереть с голоду, не оставят без куска хлеба их одиноких матерей.

До своего второго ареста в декабре 1969 года Красин был не только в самом центре движения: он поражал своей смелостью, неутомимостью, инициативностью. Следователь КГБ Павел Иванович Александровский, которого Красин в разговоре со мной в декабре 1976 года в Нью-Йорке называл своим Порфирием Петровичем, имел некоторые основания льстить Красину: "никакие там ни... (назывался ряд извест-

ных имен, — Ю.Г.), а вы — подлинные лидеры движения (с.37). И вместе с тем это было и преувеличением. О лидерах в движении нарастающего протеста можно говорить с таким же основанием, как о верховодах в усыпанных спелыми яблоками деревьях или заводилах в распустившихся бутонах ярких роз. И напрасно Красин пишет: "С того времени, когда я начал рассматривать правозащитное движение как начало политической оппозиции КПСС, а свое участие в нем как антикоммунистическую деятельность, я обязан был уйти из движения, утвердившего свои действия на принципе законности" (с.43).

Существующий советский строй нельзя квалифицировать иначе, как преступный сверху донизу, и правозащитное движение невозможно рассматривать иначе, как начало нравственного, культурного, а также политического противостояния мафиозной КПСС.

Беда Красина состояла отнюдь не в его антисоветских взглядах и установках. Антисоветская позиция — это позиция, расходящаяся со взглядами и указаниями вождей, стоящих в каждый данный момент у власти. В этом-то и уязвимость теории и практики правозащитников, и потому-то сотни диссидентов — вопреки советскому закону и в полном согласии с ним — отправлялись из своих академических кабинетов и творческих союзов на скамью подсудимых, а оттуда прямоком в тюремные камеры и лагерную зону.

Драма Виктора Красина состояла в другом. Природа и жизнь, в которой он был воспитан, подарили ему ум, обретший с годами и испытаниями исключительную наблюдательность, глубину, изворотливость и цинизм, в то время как душа ребенка, столь рано лишившегося отца насильственным вторжением, продолжала страстно бороться за жизнь, за свое место в ней, за ее радости, движимая энергичной и неумной, в чем-то даже необузданной натурой и вполне понятным желанием отомстить за поругание над собой и семьей, нанести ощутимый удар ненавистой системе.

После массовых репрессий против демократического движения весной 1968 года, когда многие участники этого дви-

жения были лишены куска хлеба и вынуждены были довольствоваться весьма значимым молчанием общества вокруг себя, Виктор Красин, также уволенный с работы, отнюдь не сдался духом, но, как говорится, закусил удила и пустился во все тяжкие. Многим было почти ясно, что после разгрома весной 1968 года и вторжения в Чехословакию в августе того же года нужно было искать новые формы противостояния системе, постоянно поддерживаемой влиятельными силами извне. Советская интеллигенция была сверх меры напугана. За небольшим исключением она хотела бы, но не могла открыто выступать в поддержку репрессированных. Но многие, очень многие обуреваемы были желанием помочь своим благородным товарищам, попавшим в беду.

То были драгоценные порывы сердец и душ. Именно в те дни Красин и Якир, все еще остававшиеся на свободе, продолжали мужественно себя вести. Они протестовали против нараставших репрессий, иногда почти незаметно, а временами даже очень ощутимо, шокируя и без того запуганную и чрезмерно придирчивую интеллигенцию, которая склонна была отдавать предпочтение активности и формам противодействия в белых перчатках и чистых ризах.

Репутация Красина в глазах интеллигенции оставляла желать лучшего. Петр Григоренко весьма откровенно пишет о своих чувствах к Красину в ту пору. В поведении Красина отмечали грубость, несдержанность, презрение к людям. Создавалось впечатление, что Красин терял нравственный ориентир, действуя по принципу "пан или пропал". При сборе подписей под петициями бывали случаи пугающей некорректности. Черты безответственной пугачевщины были очевидны. Многие в поведении Красина никак не располагало к доверию. А он сам, убеждаясь в негативном подходе интеллигенции к вопросу о больших жертвах, все больше уподоблялся идущему на таран камикадзе, который испытывал растущее презрение к пассивности и нерешительности.

Мы не склонны осуждать Красина за его последующее поведение на следствии, после третьего ареста в сентябре 1972 года, и на суде. В согласии с утвердившейся мудростью, кто

поручится за каждого из нас, что, оказавшись в его положении, мы повели бы себя лучше и осмотрительнее? Не осуждения достоин Виктор Красин после своего повествования, по своему во многом чистосердечного, хотя, думается, и не полного. Мы знаем, кого винить нам за то, что осенью 1972 года Виктору Красину, терзаемому на многочасовых допросах, начали грозить высшей мерой за измену Родине. И все-таки и в этом весьма деликатном деле нам нужно постараться сохранить объективность. Едва ли мы можем согласиться с самим Красиным, что только угроза расстрела вынудила его к "показаниям и покаянным заявлениям" на суде в августе-сентябре 1973 года (с.109). Угрозы следователя, разумеется, сыграли свою роль, но даже на основании признаний самого Красина вырисовывается достаточно убедительная картина, что у руководства органами безопасности (включая самого Ю.Андропова) было немало данных полагать, что в процессе следствия Виктор Красин "расколется".

Едва ли я вправе претендовать на некое особенное понимание психологии Виктора Красина, и все-таки несколько соображений по этому поводу мне хотелось бы высказать.

В досье КГБ сохранились материалы на Красина с конца сороковых годов. Красин довольно убедительно и красноречиво пишет о том, что Александровский вполне понимал причины слома как его, так и Якира. Сам Красин объяснял в конце следствия Александровскому о сломах Якира: "Объяснение очень простое. В нем с детских лет, с его первого ареста живет страх. Мистический страх перед госбезопасностью. Он знает, что вы можете сделать с человеком все... Вы вернули его к сталинской расстрельной реальности". "Александровский ухмыльнулся, — продолжает автор. — Лицо его в этот момент было отвратительно. Он сказал: "Я думаю, вы правы". Я не сказал, что и мой слом произошел по тем же причинам, но он это понимал и без меня" (с.85).

А.Э.Левитин-Краснов, сидевший с Красиным в одной камере на Лубянке в 1949 году и ставший его крестным отцом в 1968 году, пишет в своих воспоминаниях, что юноша в пору их первого знакомства интересовался и Христом и Евангели-

ем, "но с этим страшно не гармонировала хамская грубость, вечная матерщина, не совсем этичное поведение по отношению к товарищам".

В отличие от генерала П.Г.Григоренко, у меня нет веских оснований подозревать Красина в еще более глубоко сокрытых связях с КГБ до его второго ареста в 1969 году, но его собственные признания о "торгах" и "переговорах", которые он постоянно вел с КГБ, заставляют невольно задумываться. Свой первый "торг" с КГБ Красин датирует концом 1970 года, когда он находился в сибирской ссылке. Тогда уже Красин заявил следователю КГБ о своей готовности дать заверения, "но только устно" (с.8) — о прекращении деятельности в правозащитном движении за разрешение вернуться в Москву.

Его возвращение в Москву в сентябре 1971 года, спустя двадцать месяцев ссылки вместо положенных пяти лет, снова наводит на размышления. По его словам, сразу же после возвращения в Москву он "начал торги" с КГБ о Надежде Емелькиной, фактически его второй жене, сидевшей в то время в тюрьме в ожидании суда.

История отношений Виктора Красина и Надежды Емелькиной, проходящая по книге, столь же трогательна, романтическая, как и драматична. Переговоры с КГБ, даже по такому важному поводу, должны были принести мало что путного (с.11). Вот что говорит об этом сам Красин в своей книге, написанной в форме вопросов Н.Емелькиной и его ответов. В 1972 году, в то время как Н.Емелькина находилась в ссылке, "я вел переговоры в московском управлении КГБ, чтобы меня и тебя выпустили за границу" (с.84). Не Красина надо уверять, что подобные "переговоры" с мерзкой и богопакоостнейшей организацией в мире — отнюдь не верх гражданского и человеческого благоразумия. Красин же пишет о "торгах", которые он вел с КГБ о месте ссылки Н.Емелькиной: "Я просил Володина (полковника КГБ, — Ю.Г.) поближе к Москве" (с.11).

Гэбистское "начальство" пошло навстречу пожеланиям ведущего участника движения тем скорее, что сам он обещал им поехать вместе с Н.Емелькиной в ссылку, которую определили в тот же далекий, но налаженный в смысле контактов Енисейск.

Удивительно ли, что в процессе новых "переговоров" с КГБ о выезде за границу летом 1972 года (когда выездные визы еще брали с боем) Красина "вдруг арестовывают". И это происходит спустя несколько месяцев после ареста Петра Якира, который тогда уже "дал течь"? К этому времени начальство могло разработать и скоординировать более точный план действий, примерить или проверить Якира и Красина "на совместимость" (с.62).

Еще будучи на свободе, ничего не ведая о новом аресте и давая застигнуть себя врасплох, Красин охотно являлся в КГБ на разговор с "компетентными товарищами": "Разговор продолжался часа два. Принесли кофе и булочки. Я выпил кофе и съел булочку, не испытав даже чувства гадливости. Они сыпали именами и эпизодами, проявляя чрезвычайную осведомленность о наших делах" (с.11).

Участвуя в этом разговоре с руководителями оперативного отдела московского управления КГБ, Красин не мог не служить начальству наилучшей фигурой для проверки и верификации их агентурной информации, гипотез, скрытых планов. Красин говорит о регулярных разговорах. На свою собственную погибель он избрал для себя роль некой удобной игрушки в руках этих высокооплачиваемых "интеллектуалов" и прожженных циников из КГБ. За долгие месяцы "торгов" и "переговоров" гэбисты пристрелялись и примерились к Виктору Красину, и, уже будучи арестован в сентябре 1972 года (когда Н.Емелькина уже тоже была в цепких и грязных руках КГБ), он мог сколько угодно тешить себя иллюзиями относительно собственной стойкости и цитировать Александровского, сказавшего в конце следствия: "Мы знали, что лагеря вы не боитесь" (с.85). Приведенные выше слова Красина о Якире и реакции на них Александровского вполне опровергают это рассуждение.

Сам Александровский мог "профессионально" огорчаться, но никак не отчаиваться, когда на первом же допросе в ответ на предъявленное ему постановление об аресте, Красин сказал: "Виновным я себя не признаю и никогда не признаю. Показаний никаких давать не буду. Вы не услышите от меня ни одного слова" (с.85).

То была запоздалая детская игра в упрямство. По словам же Красина: "на десятый день мне предъявили обвинительное заключение. Я написал заявление, в котором отверг предъявленные обвинения и заявил, что никаких показаний давать не буду, так как арестован незаконно. И вот, окончив писать, я вдруг, как бы неожиданно для себя, приписал, что устал сидеть по тюрьмам и лагерям и что, если меня выпустят на волю, я обязуюсь прекратить участие в правозащитном движении. Они, конечно, поняли, что я совсем не так тверд, каким кажусь, и в дальнейшем этим воспользовались." (с.13).

Слова и рассуждения Красина, взятые им из его разговоров с КГБ, явно нуждаются в корректировке. Думается мне, что в стенах КГБ Красин как-то по-другому должен был говорить о правозащитном движении и "сталинской расстрельной реальности", а иначе след его, возможно, так навсегда и канул бы по ту сторону колючей проволоки. В ответ на его обещание прекратить свое участие Александровский тут же, без особого труда, вынудил Красина записать под его диктовку заявление о выходе из Инициативной группы. Этим Красин, кстати, ослаблял для себя поддержку со стороны собственных друзей. Сам же он признает в книге, что ошибочно полагал, будто "вначале стойко держался и первые уступки начал делать только через два месяца под угрозой смертной казни". (с.14) "Я действительно не давал показания два месяца, но в торги пытался вступить сразу, а через два месяца согласился сдать литературу" (с.14).

Дальше все пошло как по писаному. Выдача друзей, даже самых близких, те очные ставки с ними, где Красин своим поведением приводил их в ужас, выдача на-гора новых и новых фактов, которых Александровский даже уже и не домогался, а затем тот суд и пресс-конференция, новые подачки от КГБ и новые сделки, решение ехать за границу и получение тех трех тысяч, что как бы перешли со страниц всемирной драмы и "Братьев Карамазовых".

Подлинный герой записок Виктора Красина — Павел Иванович Александровский, чертоподобный тезка приятнейшего во всех отношениях Чичикова. Гарик Суперфин имел основа-

ния сказать на очной ставке с Красиным тому же Александровскому: "Да, я боюсь. Боюсь лично вас, Павел Иванович" (с.55). В доверительном разговоре с Красиным в конце следствия полковник КГБ Володин высоко отозвался об Александровском: "Павел Иванович — это государственный ум. Ему даже у нас в центре тесно. Его место — в ЦК" (с.83). Красину следовало бы преодолеть свое исключительное уважение к этому "государственному уму". Когда-нибудь, смею надеяться, будет стыдно, мерзко и Павлу Ивановичу за всю эту дьявольщину, которая с его помощью так широко разливается по стране и миру.

Другим героем повествования является теперь уже покойный Юрий Андропов, которому как будто бы еженедельно докладывали о ходе следствия над Красиным. Этот генерал "миляга" чуть ли не напоминает доброго волшебника из детских сказок. Беседа Андропова с Красиным в стенах Лефортово сразу же после суда заслуживает внимательного анализа. Это покойный Андропов оклеветал многих диссидентов, включая Сахарова и Солженицына. Это, видимо, он разыграл весь ход следствия над Якиром и Красиным как по нотам.

В "государственном уме" этого деятеля уже никому не положено сомневаться. О возрождении сталинизма в СССР он якобы прямо сказал Красину: "Это — чепуха. Возрождения сталинизма никто не допустит. Все хорошо помнят, что было при Сталине. В руководстве на этот счет имеется твердое мнение. Я знаю, что Якир и вы незаслуженно пострадали в сталинские годы. Знаю, что погибли ваши отцы. Все это не прошло бесследно для вас. Между прочим, после войны я тоже ждал ареста со дня на день. Я был тогда вторым секретарем Карело-финской республики. Арестовали первого секретаря. Я ждал, что арестуют и меня, но пронесло" (с.73),

И как бы в подтверждение этих слов Андропов вынудил Красина выступить на пресс-конференции перед иностранными журналистами. И дабы не оставалось ни малейшего сомнения в правильности его слов, подал большую надежду

Красину — ветерану многих тюрем, лагерей и ссылок: "Когда вы освободитесь, мы возьмем вас в наш (т.е. гэбистский! — Ю.Г.) научно-исследовательский институт" (с.74).

Хроника падения Красина, его сотрудничества с КГБ в процессе следствия и позже, его многолетние усилия прийти в себя и, хотя бы с помощью Надежды Павловны Емелькиной, воспроизвести это прошлое, — все это, увы, документ подлинной силы и подлинного значения, который перечитываешь вновь и вновь. Думается, с большей симпатией мог быть описан наш бедный Петр Иванович Якир. Мир праху его!

Как уже сказано, книга написана в форме интервью с Надеждой Емелькиной, женой Красина. Надежда — плоть от плоти и кровь от крови движения за право быть людьми. Перед самопожертвованием, любовью и страданием этой молодой женщины нельзя не склониться, подобно Родиону Раскольникову, склоненному перед Соней. О Раскольникове, кстати, часто приходится вспоминать, читая книгу Красина. Только Соня Мармеладова говорила Раскольникову, обливаясь слезами: "Что вы, что вы это над собою сделали!" А мы, припадая к ногам многострадальной русской женщины, повторяем на этот раз вопрос ее сестры: "Что вы, что вы это над собою сделали!"

Без Надежды Емелькиной, вероятно, не было бы Красина в его последние годы. Было бы другое следствие и другой процесс. Быть может, и книги-то самой тоже не было бы. И все-таки, как ни горько, не будем забывать, что Надежда — одна из трех сестер Булата Окуджавы, и вместе с Верой и Любовью "три судьи, три жены, три сестры милосердных открывают бессрочный кредит для меня".

Не верится, что автор не вернется снова к своим воспоминаниям. Не все сказано, не все проанализировано, не все поставлено на место. Но главное произнесено вслух, и книга будет жить в назидание многим. Не все страницы написаны с одинаковой силой. Порою слова, в особенности слово "грех", употребляются не совсем точно. Но нашу короткую статью хотелось бы закончить одной из проникновенных страниц

книги, обращенной к молодому интеллигенту, который был арестован в связи со следствием и сначала давал показания, но в "дальнейшем ходе следствия и на суде от них отказался. И это его ответ мне. Ответ верующего человека заблуденному лагернику, спасавшему свою шкуру. И в том мучительном процессе, который происходил во мне все эти годы, в безуспешных попытках сказать правду самому себе, — образ человека, восставшего из глубины падения, постоянно стоял перед моим духовным взором. И так же, как я толкал его на низости, так же и он — но только в прямо противоположную сторону — звал меня очиститься от той скверны, в которую я погрузился по своей собственной воле" (с.56). Павел Александровский вместе с Юрием Андроповым одержали победу, но победа эта — пиррова.

Марк ПОПОВСКИЙ

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ В СТРАНЕ СОЦИАЛИЗМА

Романтические и даже меланхолические настроения все чаще проскальзывают ныне в произведениях официального советского искусства. С чего бы это? Ведь еще недавно бодрый тон считался обязательным для армии советских романистов и кинематографистов, а выполнение производственного плана и фронтовой героизм являлись главными разрешенными темами литературы и кино. Сегодня же, если верить газете "Неделя", "многие прозаики пишут о несостоявшейся любви, о том, как герои нередко отказываются от этого чувства, — по глупости, по слабости характера, ради душевного комфорта... Все чаще и чаще звучит разговор об одиночестве. Борются с ним герои кинофильмов и рассказов. Ищут от него лекарств психологи, социологи и публицисты...".* Но что самое удивительное, газета не критикует писателей и сценаристов за упадничество и нытье, за "не те темы" и не такое "как надо" разрешение сюжета. Давно ли считалось, что коллектив (наш,

* Н.Ажгихина. Кто восхищенья не достоин. — "Неделя", 1984, № 19.

советский, здоровый) способен врачевать любые личные раны, а одиночество осмеивалось как "недуг сытых". И вот, на тебе: сегодня и "Неделя", и "Литературная газета" и ряд других изданий соглашаются, что одиночество — серьезная личная и общественная проблема и преодолевать его отнюдь не просто. Слова при обсуждении этой проблемы произносятся совсем почти человеческие: "Не странно ли, полная записная книжка телефонов, а поделиться вроде бы не с кем, полно знакомых молодых людей, а замуж выйти вроде бы и не за кого...".*

Оставляя это "вроде бы" на совести редактора, заметим, что так раньше отечественная пресса никогда не писала. Даже "Правда" — на что уж издание строгое — и та вдруг заговорила о трудностях семейной жизни, о разводах, о часто возникающем несходстве супружеских характеров. "Неужели советская семья исчерпала свои возможности? Семья умирает?" — с деланным изумлением восклицает автор на страницах советского официоза.** Конечно, в конце своих статей авторы дружно приходят к вполне ортодоксальным выводам: семья в СССР не умирает, а "перестраивается"; одиночество имеет место, но против него есть прекрасное средство — законный брак. И хорошо бы при этом детей побольше...

Оптимизм оптимизмом, но поток статей и книг о неполадках в семье, о крушении браков, о разбитых жизнях женщин и брошенных на произвол судьбы детей, а также о других столь же интимных и столь же непривычных для публичного обсуждения предметах продолжается. И поскольку ничего в бывшем отечестве нашем случайным не бывает, а совершается всегда по команде, то можно с уверенностью сказать, что в советских верхах серьезно обеспокоены возникшей ситуацией. Настолько серьезно, что, позабыв всегдашний свой страх перед углублением в сферу личной жизни граждан, власти разрешили обсуждать даже такие вопросы, как сексуальная неудовлетворенность супругов и массовое появление внебрачных детей.

* Там же.

** Ю.Рюриков. Месторождение счастья. — "Правда", 1983, № 190.

Для беспокойства на верхах есть серьезные причины. Советский Союз переживает демографическую катастрофу: там непрерывно падает рождаемость. Падает она давно, но многие годы нежелание граждан заводить детей являлось государственной тайной. Ныне молчать об этом стало невозможно: шестьдесят процентов семей в СССР или вовсе бездетны или имеют одного, от силы двоих детей. Возникшая на сегодня картина особенно разительна, если сравнить светлое социалистическое настоящее с "проклятым царским прошлым".

Из материалов Переписи населения, произведенной в 1897 году, видно, что в те времена на каждые 1.000 подданных российского императора в год рождалось от 40 до 45 детей. Правда, в доантибиотическую пору младенцы часто гибли от болезней, но население империи тем не менее быстро росло, обгоняя большую часть европейских стран. Большевицкая революция 1917 года и гражданская война подорвали кривую нормального возрастания населения России. К 1940 году на 1.000 советских граждан ежегодно рождался только 31 ребенок; в 1960 году — около 25-ти. К 1980 году число ежегодных рождений в стране зрелого социализма упало до 18,3 на тысячу, то есть стало в два с половиной раза меньше по сравнению с 1897 годом.* Этот процесс поразил не только города, но и село. Деревенские семьи когда-то многолюдные, насчитывающие по семь-десять детей, сегодня в пределах Средней России, Украины и Белоруссии не склонны иметь даже трех-четырёх малышей.

Вопрос о том, сколько иметь в семье детей, вроде бы сугубо личный и касается только двоих. Но сфера л и ч н о г о, то

* См.: "Население СССР в 1973 г.". М., 1975, с.68. См. также "Народное хозяйство СССР в 1980 г.", М., 1981, с.31.

До 70-х годов цифры эти замалчивались, а в 30—50-е годы официально утверждалось, что рождаемость в СССР после революции растёт. При этом за отсутствием конкретных цифр ссылались на речь Сталина, который в декабре 1935 года заявил: "Жить стало лучше, жить стало веселее. Но это ведет к тому, что население страны размножается гораздо быстрее, чем в старое время. Смертность стала меньше, рождаемость больше, и чистого прироста получается несравненно больше".

есть касающаяся только личности, и никого другого, в Советском Союзе сведена почти на нет. Для московских властей деторождение — процесс прежде всего связанный с их военными и хозяйственными планами. Уже сейчас на заводах и стройках страны не хватает до двадцати процентов рабочих, а в армию приходится призывать юношей, которых по состоянию здоровья в прошлые десятилетия ни за что бы не призвали. Конечно, можно утешаться тем, что низкий уровень рождаемости распространен лишь среди русских, украинцев, белоруссов и жителей Прибалтики. В Узбекистане, Туркмении и Таджикистане семья по-прежнему многодетна и процент рождаемости почти достигает дореволюционного уровня (в соответствии с переписью 1897 г.). Но в Москве эти цифры никого не радуют. Туркмены и узбеки весьма неохотно покидают свои кишлаки, крайне редко становятся к заводскому станку, не желают идти на строительство. Да и в армии они сила весьма сомнительная: после вторжения в Афганистан оттуда пришлось срочно выводить части Среднеазиатского военного округа.

По предсказаниям специалистов падение рождаемости будет продолжаться среди "белых" народов и впредь, хотя и не такими стремительными темпами, как в последние годы. Вот почему журналистам и писателям, сценаристам и режиссерам, социологам, психологам и демографам дана команда как можно сильнее шуметь о пороках малодетной семьи, о прелестях брака, о радости материнства. В этой связи и об одиночестве разрешено поговорить с сочувствием: жалко их, одиноких, надо бы к делу пристроить... В официозном, поднятом по команде хоре многое звучит фальшиво и неубедительно, ясно видна рука дирижера. Но есть в этой государственной кампании и положительная сторона: на страницы прессы проникло много интересных, прежде утаиваемых цифр и фактов.

Возьмем хотя бы основную сторону проблемы: сколько в стране мужчин и сколько женщин. На первое января 1979 года в СССР было 122,3 миллиона мужчин и 140,1 миллиона женщин. Таким образом, на сегодня в стране 17 с половиной миллионов "лишних" женщин. Такой диспропорции нет ни в

одном государстве мира. И это при всем при том, что в царской России представителей обоих полов было почти поровну. Советские журналисты и социологи списывают "избыток" женщин на потери мужчин во второй мировой войне. Но диспропорция возникла раньше. Уже в результате первой мировой войны и войны гражданской погибло и умерло от болезней 2,6 миллиона военнослужащих, и это лишь малая часть погибших в результате потрясений, пережитых Россией между 1914 и 1922 годами. Советские авторы ничего не пишут о жертвах красного террора и о первой антибольшевистской эмиграции, но они признают, что "общие потери населения нашей страны (прямые и косвенные) составили 21-22 млн. человек, из которых около 10 процентов потери вооруженных сил...".* В результате, к началу 20-х годов женщин в СССР было уже на 4 миллиона с лишним больше, чем мужчин.

Перепись 1939 года показала, что женщин стало еще больше. Число "лишних" достигло перед войной восьми миллионов! В советских книжках и газетах, разумеется, о сталинском терроре, о лагерях смерти, о раскулачивании и вывозе миллионов кулаков на дальний Север на верную смерть прочитать нельзя. Вместе с тем вроде бы необходимо как-то объяснить, почему в самое мирное за всю историю советской власти время процент женщин среди населения достиг 52,1, а процент мужчин упал до 47,9. Но, как обычно, авторов, пишущих по прямому заказу партийных властей, ничто не смущает. "Период между переписями 1926 и 1939 годов, — вещают они, — был тем временем, когда в нашей стране в основном был построен социализм. Этот процесс происходил в очень сложных условиях классовой борьбы и быстрой перестройки экономики в исторически короткие сроки".** И все. Какие классы с какими воевали — неизвестно, а в результате нескольких миллионов мужиков Россия не досчиталась. "Перестройка" и "борьба" изуродовала жизнь и миллионам женщин, которым стало не за кого выходить замуж, не от кого родить детей.

* Г.П.Киселев, А.Я.Кваша. О чем рассказывают переписи населения. М., изд-во "Финансы и статистика", 1983, с.56.

** Там же, с.76-77.

О потерях во второй мировой войне советская статистика лгала долго и упорно. Размеры этих потерь неясны и доныне. Зато ведомо, что после войны и массовых арестов 1947-1952 годов ("вторичные посадки") женщин в стране по сравнению с мужчинами оказалось уже на 20 миллионов больше. И снова, как перед войной, не состоялись миллионы свадеб, не родились миллионы детей. И хотя в СССР главную вину за падение рождаемости традиционно вваливают на вторую мировую войну, не война только виновата. Падение рождаемости не останавливалось в стране начиная с 1917 года. По словам специалистов, на пороге 70-й годовщины большевистского переворота "рождаемость большей части населения СССР находится на низком уровне, близком к простому воспроизводству..."*

Падает рождаемость не только из-за недостатка мужчин. Женщины Украины, России, Белоруссии и Прибалтики не желают рожать также из-за того, что непрочными стали современные браки. Ежегодно в стране заключается 2.700 тысяч брачных союзов и почти миллион из них распадается. Если в 1939 году на тысячу пар распадалось 4,8 браков, то в 1959-м уже 5,3, в 1970-м — 11,5, а в 1979 году на тысячу заключаемых браков в течение года распадается 15,2.** Для сравнения укажем, что в Англии, например, на тысячу браков приходится в течение года всего лишь 8,5 разводов, в Венгрии — 9,3, в ГДР — 10, в Дании — 10,5. По части разрушения семейного очага Советский Союз, таким образом, держит несомненную пальму первенства.

Согласимся, что несколько странно выглядит на фоне этих цифр утверждение одного из советских пропагандистов, что "брак по любви и любовь в браке — высший нравственный закон брачного союза при социализме".***

Отчего разрушаются браки? У советских социологов и демографов есть целый набор объяснений.

* Там же, с.76-77.

** А.Г.Волков. Семья как фактор изменения демографической ситуации. — "Социологические исследования", 1981, № 1.

*** Н.Я.Соловьев. Семья в социалистическом обществе. М., Политиздат, 1981, с.44.

Излюбленная формула специалистов по народонаселению состоит в том, что ныне выходят замуж и женятся люди очень юные, недостаточно социально зрелые и неподготовленные к семейной жизни. О сути "незрелости" в большинстве случаев умалчивается. Наиболее смелые, однако, говорят о том, что молодежь не получает сексуального воспитания и образования, хотя в большинстве случаев начинает сексуальную жизнь задолго до брака. О необходимости такого воспитания и образования спор в советской научной и партийной среде идет уже двадцать лет. Но, кажется, лишь только в 1984 году уроки "подготовки к семейной жизни" должны были стать обязательными для большинства старшеклассников.

Ну, а почему разводятся сотни тысяч пар в возрасте 30-40 лет? Социологи снова ищут удобные объяснения. Лепечут что-то об урбанизации "под воздействием которой меняются нормы поведения, характер семейного и внесемейного общения",* Уход миллионов крестьян из деревни в город ("урбанизация") не вчера начался, и истоки его хорошо известны — мужик не принял коллективизацию. Деревенские люди предпочли тесноту заводских общежитий и убожество коммунальных квартир нищете и бесперспективности жизни в колхозе. Вместе с оставленной в деревне мазанкой или пятистенкой остались позади и прочный, освященный церковью брак, и крестьянская многолюдная, многодетная семья.

Пропагандистам такое объяснение, разумеется, не подходит. В поисках "достижений" они договариваются до того, что массовое крушение семей в Советском Союзе — результат успехов советского режима. "Мы все больше поднимаемся по лестнице равноправия между мужчиной и женщиной в быту, в семье, — разъясняет один из знатоков современных семейных проблем. — В условиях равенства особенно острую реакцию вызывает всякое проявление элементов недостаточного внимания, равнодушия, черствости, безразличия, эгоизма со стороны одного члена семьи по отношению к другому".**

* А.Г.Харчев, Брак и семья в СССР. М., 1979, с.312.

** Н.Я.Соловьев. Семья в социалистическом обществе. М., Политиздат, 1981, с.5.

Попытку перевести трагедию миллионов разводящихся в план соревнования "хорошего" с "отличным" предпринимает также автор книги "Двадцатый век и проблема семьи" Зоя Янкова. По мнению Янковой, "Женщина сегодня стремится не просто любой ценой выйти замуж, а хочет найти в браке взаимопонимание, счастье, духовную близость... Плохому браку современная женщина (читай: "женщина советская", — М.П.) предпочитает развод и в этом случае выступает его инициатором".

Что касается инициативы, то тут З.Янкова права: разводы в СССР в двух третях случаев действительно происходят по инициативе женщин. Но вызваны они не столько "урбанизацией" и недостатком духовной близости, сколько повальным пьянством мужей. И об этом хорошо знают все, кто всерьез опрашивают разводящихся супругов. Из 500 опрошенных в Ленинграде разведенных женщин 210 ссылались на пьянство мужей как на главную причину расторжения брака (исследователь Д.М.Чечот). Исследовательница из Киева Л.В.Чуйко также утверждает, что чаще других причин развода женщины называли алкоголизм и пьянство мужа. К таким же выводам приходят ученые Таллина, Минска, Вильнюса.

Другой решающей причиной массовых разводов, особенно среди молодых пар, является отсутствие жилья. Тридцать пять процентов новобрачных в Ленинграде сообщили интервьюировавшему их социологу, что собираются жить с родителями: другого жилья у них нет. Не надо быть специалистом, чтобы предсказать: жизнь с родителями (часто в одной комнате) — один из верных путей к разводу.

Можно до бесконечности продолжать список причин, по которым разводятся советские граждане. Есть, разумеется, среди них и вечные: "разлюбил", "изменил", "не сошлись характерами". Но есть у развода по-советски и свои особенности. Каждая вторая женщина в стране работает. Процент работающих (51,4) значительно выше, чем в странах Европы и в США. Советская пропаганда утверждает, что этот высокий процент зависит от того, что женщины жаждут помогать своей родине трудом, нуждаются в общении на производстве, среди

них много людей с высшим образованием. Два работающих супруга, утверждает пропаганда, чувствуют себя более комфортно, у них есть о чем поговорить, их интересы шире.

Я опросил несколько десятков бывших советских граждан, живущих ныне в Америке, почему именно женщины в СССР идут на производство и как это сказывается на их брачных отношениях. Мои собеседники, люди разной культуры и различного социального положения, высказали тем не менее одну и ту же мысль: идти на производство женщину заставляет бедность. Муж, если он только не жулик и не крупный чиновник, не способен прокормить семью.

Средний советский муж действительно не знает, как выбиться из своих жалких 150-170 рублей в месяц. Он унижен. Он теряет свое положение первого человека в семье. Отсюда раздражение, скандалы в доме. Не уважаемый ни женой, ни начальством, муж ищет утешения в вине. В отношениях супругов возникает новый виток — муж пьет, он пропивает свое и без того ничтожное жалованье. Отчуждение между супругами усиливается. Семейный корабль кренится, он близок к потоплению. В цифрах процесс этот весьма нагляден: в 60-е годы в СССР распадался каждый четвертый брак, в 70-е — разрушался один из трех, а ныне, в начале 80-х, в стране есть много районов, где в первый же год после бракосочетания приходит в суд, чтобы развестись, каждая вторая пара.

Печальный опыт супружества в советских условиях приводит к тому, что две трети мужчин после развода не желают больше жениться. Растет число одиноких и одновременно уменьшается количество семей. По переписи 1970 года в семьях жило 94,1% населения, а девять лет спустя семейных осталось лишь 88,4%. Зато одиночек (тех самых, о которых сегодня так печалются авторы "Литературной газеты" и "Недели") в 1959 году было 9 миллионов, а 1970-м — уже 14, а к началу 80-х годов в стране оказалось около 20 миллионов одиночек!

Ранние разводы и обилие одиноких (среди них не менее 6 миллионов мужчин), разумеется, приводит к тому, что страна лишается изрядного числа (по подсчетам 15%) так и

не родившихся в расторгнутых браках детей. Но проблема "недорода", переполюшившая советские верха, оказалась еще более печальной, ибо выяснилось, что рожать не хотят даже семьи благополучные. Более того, обнаружилось, что рядовые советские граждане понимают семейное счастье совсем иначе, нежели лица начальствующие. При опросе выяснилось, что в качестве неперменного компонента семейного счастья дети были названы лишь 37,5% мужчин и 47,2% женщин. В то время как отдельная квартира и материальное благосостояние заняли первое и второе место (59%). Кстати, роль интересной работы для семейного счастья оказалась самой незначительной и отодвинута была мужчинами и женщинами страны социализма на последнее — пятое (!) место.

"Дети перестали быть в глазах супругов бесценным благом жизни, — сокрушается на страницах газеты "Неделя" доктор медицинских наук, профессор Рижского мединститута Сегелиенице. — Замужние женщины объясняют нежелание иметь детей недостатком жилья, отсутствием мест в яслях и детских садах".

Действительно, сколько бы на пленумах ЦК ни говорилось о принципе социализма — каждой семье отдельную квартиру, — выполнить это обещание власти не собираются да и не могут. Строительство жилья идет везде крайне медленно, а, главное, государство отпускает на жилищное строительство лишь ничтожную часть тех средств, что идут на военные приготовления.

То же самое происходит с яслями и детскими садами. О них пишут и говорят десятилетиями, однако все остается по-прежнему.

Властям приходится делать вид, что для проблемы рождаемости вопросы эти вообще второстепенны. И низкая заработная плата супругов, и отсутствие жилья, и нехватка детских дошкольных учреждений. Чтобы рожать детей в таком количестве, в каком они необходимы родине, достаточно, по сло-

* В. В. Бойко, Малолетняя семья: социально-психологическое исследование. М., 1980, с. 105.

вам одного из авторов, просто "понять подлинную ценность ребенка в семье". Понял — и давай...* "Сегодня довольно сложно представить себе образ современной семьи, живущей в нужде", — ерничает автор книги "Единственный ребенок".**

По официальной статистике, у половины населения СССР месячный доход на одного члена семьи достигает ста рублей. Цифра эта представляется мне очень сильно завышенной. Она означает, что несколько десятков миллионов семей, имеющих одного ребенка, располагают доходом в 300 рублей в месяц, а несколько десятков миллионов тех, у кого двое детей, — в 400 рублей. Но это чистая ложь. В обычной советской семье с одним ребенком средний доход на человека составляет 50-60 рублей. Родить еще одного ребенка означает снизить доход на душу до 45-37 рублей. А это уже нищета...

Вопрос о связи доходов родителей с количеством детей в семье обсуждался осенью 1983 года на Всесоюзной конференции по проблемам семьи в Цахадзоре (Армения). Один из ученых привел данные, что население СССР может быть разделено по доходам на пять групп: с доходом от 7 рублей в месяц до 45 рублей на человека; от 45 до 70; от 70 до 115; от 115 до 145 и от 145 рублей и выше. Эта разбивка была сделана для того, чтобы доказать, что рожать можно при любом обеспечении, ибо и 45 рублей достаточно всякому, кто "не желает для себя слишком многого"...

На той же конференции, к счастью, нашелся и другой ученый, который честно заявил: "Ребенок в наше время стоит дорого, причем с повзрослением стоимость его содержания чувствительно повышается". Ученый привел цифры, из которых стало ясно, что если на самых маленьких в большинстве семей уходит примерно 50 рублей в месяц, то подросток

* В СССР не скрывают чисто прагматического подхода к вопросу о рождаемости. Один из авторов, например, пишет: "Судьба женихов и невест двухтысячного года решается сегодня. А вместе с ней и перспективы трудовых ресурсов... развитие многих других экономических и политических процессов". См.: Соловьев. Семья в социалистическом обществе. М., Политиздат, 1981, с. 15.

** К.К.Баздырев. Единственный ребенок. М., изд-во "Финансы и статистика", 1983, с.115.

"стоит" родителям уже 100 рублей и выше. При двух работающих супругах на содержание одного ребенка расходуется сейчас более трети семейного бюджета. Откуда же взять на второго?

Проблема низкого заработка основной массы работающих так же не может быть разрешена государством, как неразрешима проблема квартиры и ясель. Низкая зарплата масс — основной принцип советской системы, принцип, который она нарушает только для своих высокопоставленных чиновников да для группки избранных ученых, писателей, артистов. Больше того, если бы даже кремлевские чиновники решили резко поднять доходы своих граждан, те больших благ не получили бы: в стране нет достаточного количества товаров.

Что же еще может сделать власть для того, чтобы повысить рождаемость? Пресечь пьянство, прекратив продажу водки и вина? На это она уж точно не пойдет. Доходы от продажи спиртного, как известно, составляют огромный процент государственных внутренних доходов. К тому же пьянство — лучшая отдушина для переполняющего советское общество раздражения и недовольства. Лишить советского гражданина выпивки — значило бы попросту толкнуть его на бунт.

И в своей демографической политике Кремль не способен что-либо изменить. Вместо того чтобы стараться сгладить как-то разрыв в количестве мужчин и женщин в стране, разрыв, вызванный акциями прошлых хозяев страны, нынешние хозяева продолжают ту же политику. Кроме четырех миллионов военных, загнанных в казармы, мужчин постоянно бросают на всякого рода "великие" стройки в отдаленные районы страны. На таких стройках возникает резкий перевес мужчин, в то время как, например, в Псковской области на 100 женщин приходится 84 мужчины, в Вологодской — 85, а во Владимирской и вовсе 75. Еще более тяжелая демографическая ситуация царит уже много десятков лет в "городах женщин" (Иваново, Орехово-Зуево), где сотни тысяч безмужних ткачих и прядильщиц не имеют никакой надежды завести семью.

На что же надеется режим, начиная кампанию за повыше-

ние рождаемости? Какие конкретные действия все-таки возможны, по мнению властей, в нынешних условиях?

Это прежде всего попытки материально поддержать женщин, рожающих второго и третьего ребенка. Постановления такого рода уже не раз принимались за полвека. Одно из последних решений "Об усилении государственной помощи семьям, имеющим детей..." (6 сентября 1981 года) ввело выплату единовременного пособия матерям при рождении второго ребенка в размере 50 рублей, а при рождении третьего — 100 рублей. Делаются попытки продолжить "поощрения" и сейчас. В июне 1984 года газета "Известия" писала, что парам, родившим второго ребенка, вне очереди будет поставлен телефон... Не надо объяснять, что подобные меры вряд ли повысят в стране рождаемость.

В СССР законы, толкующие о разводе, довольно либеральны, но судьям разъяснено, что они должны всеми силами препятствовать расторжению браков, особенно если это относится к молодым людям. "Свобода развода в нашей стране находится под контролем государства", — многозначительно роняет автор книги "Брак, семья, дети".* И далее пишет: "Судебный процесс по бракоразводному делу преследует в первую очередь воспитательные цели (разрядка моя, — М.П.). В полном соответствии с новой государственной политикой другой автор пишет о "неправильно понятой свободе разводов и злоупотреблении правом на развод".** Так, пользуясь мощью своего юридического аппарата, власти СССР сегодня превращают развод в длительное, тянущееся месяцами тяжелое испытание, цель которого любой ценой заставить супругов сохранить семью и обзавестись потомством.

Очевидно, при обсуждении проблемы рождаемости в Политбюро не раз заходила речь и о том, чтобы запретить аборт. Но в Министерстве здравоохранения знают, сколько сот тысяч женщин было искалечено в сталинскую пору в подполь-

* М.А.Иванов. Брак, семья, дети" М., изд-во "Педагогика", 1983,

** Н.Я.Соловьев. Семья в социалистическом обществе. М., Политиздат, 1981.

ных абортариях. Смертность от так называемых криминальных абортов в эпоху запретов была в десять раз выше, чем теперь.

Не решаясь в законодательном порядке запретить аборты, власти, однако, отдали распоряжение врачам в женских консультациях, чтобы те всячески затрудняли выдачу разрешений на аборт.

Впрочем, в погоне за младенцами советская система действует не только путем запрета и приказа. Кое в чем ее несокрушимые идеологические позиции в последнее время размягчились. Так, хотя и не сразу и со множеством предосторожностей, в советский обиход вошли брачные объявления. Этот метод знакомства всегда высмеивался в СССР как сугубо буржуазный, торгашеский. Теперь старые лозунги пересмотрены. Брачные объявления появились сначала в газетах Прибалтики, а затем их стали помещать и на Украине. В частности, за это взялась газета "Днепропетровская неделя". На первый же призыв сорокалетнего Геннадия Н. (некурящий, рост 167, образование высшее) откликнулось... сто женщин. А всего "днепропетровский почин" принес редакции за полгода 38 тысяч писем из 162 городов страны. "Буржуазный" и "торгашеский" метод знакомства вызвал в социалистическом обществе живой интерес.

Вот одно из объявлений в газете "Голос Риги". Подала его москвичка: "Женщина приятной внешности (39 лет, характер спокойный, выдержанный, образование высшее, гуманитарное, с разносторонними интересами) желает вступить в брак с мужчиной 37-45 лет, с высшим образованием, эрудированным, честным, обеспеченным".

Ну, кто бы лет десять назад поверил, что публикация таких объявлений в советских газетах возможна? Но демографическая катастрофа — не тетка...

Однако даже перед лицом серьезного недостатка народонаселения власти более всего боятся выпустить из рук вожжи, дать гражданам хоть частицу бесконтрольной свободы. Поэтому в днепропетровской "Службе знакомств", над которой надзирает областной комитет партии и местный КГБ, все

построено по привычным образцам. Гражданин, желающий за свои собственные деньги (12 рублей) дать в газете брачное объявление, должен представить паспорт, чтобы сотрудники "Службы знакомств" смогли убедиться — соответствующей подписью и печатью подтверждается: гражданин в браке не состоит, он разведен. После проверки объявление помещают в газету, но ответные письма попадают не подателю объявления, а опять-таки идут в руки "доверенных лиц" (без ГБ, разумеется, не обходится). Только после проверки письмо, которое чиновник считает подходящим, попадает в руки того, кто ищет в этом мире друга или подругу. На таких же полицейских условиях публикуются брачные объявления в газетах Латвии, Эстонии, Литвы. В упомянутую выше газету "Голос Риги" (Ригас Балс) надо принести производственную характеристику и просьбу предприятия, на котором ты работаешь. Иначе твое брачное объявление вообще не напечатают.

Организаторам всесоюзной кампании "за высокую рождаемость" пришлось также пересмотреть некоторые традиционные для России моральные установки. Как и до революции, в эпоху Сталина и Хрущева женщина, родившая без мужа, вызвала общественное неодобрение. Государство подчеркивало свое неодобрительное отношение к матерям-одиночкам тем, что (с 1944 года) их детям выдавались метрики с прочерком в той графе, где должна находиться фамилия отца. Миллионы "безотцовых" влачили этот прочерк до самого получения паспорта. Мать-одиночка (в народе ее звали нередко "одноночка"), хотя и получала от государства грошовую помощь, также считалась как бы существом второго сорта. Так было. Но нынче все не так. Я бы даже сказал — все наоборот. С матерями-одиночками заигрывают, им оказывают подчеркнутое внимание: ведь они рожают детей! "Как следует относиться к матери-одиночке? — вопрошает автор популярной книги, изданной в 1983 году тиражом в 50 тысяч экземпляров. И в полном соответствии с новой государственной тенденцией отвечает: "Прежде всего ее надо уважать". В той же книжке рассказывается о некой женщине, строительном рабочем, у которой трое внебрачных детей от разных мужчин.

Нетрудно представить, в каких выражениях о ней говорили бы ее сослуживцы и соседи десяток лет назад. Но теперь приказано почтительно относиться к этой труженице на ниве деторождения. Автор вышеозначенной книжки с большим сочувствием описывает ее жизнь: "Женщина одна, без мужа, да еще с детьми, нелегко ей приходится..." И тут же вывод: общественные организации должны в первую очередь удовлетворять бытовые нужды матерей-одиночек. Вот как переменялись времена...

Стремление властей подбодрить и оправдать одиночку вызвано в известной степени обстоятельствами объективными. В Белоруссии, например, внебрачная рождаемость с 1959 по 1970 год выросла на 170%. При этом матерей-одиночек в возрасте до 19 лет стало за это время в три с половиной раза больше.* Растет эта группа населения и в других республиках. Начиная с войны матери-одиночки народили уже более 10-12 миллионов детей — население средних размеров европейского государства. Так что делать вид, что их нет, попросту невозможно. Вероятно, следует даже посочувствовать многим вполне порядочным женщинам, которым обстоятельства не оставили ничего другого, как рожать без мужа. Но политика государственного одобрения и поощрения, которой их сейчас окружают в Советском Союзе, представляется крайне сомнительной. Общественная мораль от этого едва ли выиграет, а младшие сестренки матерей-одиночек получают весьма неточную информацию о том, как им следует вести себя.**

Для того чтобы побуждать граждан вступать в браки, создан целый аппарат. В местных органах власти (исполкомах) по единому плану спешно организовываются "Службы семьи

* Взаимоотношение поколений в семье. Сб. статей, М., 1977, с. 186.

** По заказу властей наиболее послушные социологи и публицисты создали ныне миф о том, что дети из неполных семей реже нарушают законы, лучше учатся и ведут себя, чем дети из семей, где есть отец и мать. Эта крайне сомнительная закономерность отстаивается социологом Н.В. Гавриловой в книге "Семья как объект философского и социологического исследования" (Л., 1974) и братьями Вайнерами в публицистической книжке "Не потерять человека" (М., 1978).

и брака". Службам этим приказано, в частности, придумывать и поддерживать всевозможные "почины", направленные на усиление деторождения. Журналистам велено разыскивать по стране и славить многодетные семьи, социологам — проводить обследования и публиковать соответствующие партийной установке выводы. Открываются клубы встреч "Для тех, кому за тридцать". В рамках "Службы" в городе Кропоткине Краснодарского края ежегодно проводится "День семьи". Праздник начинается с парада. Впереди колонны идут самые многодетные граждане города. Затем отцов и матерей с их выводками сажают посреди городской площади за столы, застланные скатертями с надписью "Совет вам да любовь". Пионеры преподносят им цветы, партийные боссы наделяют наиболее плодотворных специальными медалями. Затем читается текст клятвы о святой супружеской любви. Весь этот ритуал подробно и неоднократно описывали советские газеты. Его подхватывают в других городах. "Кропоткинский почин" становится образцом для подражания. Подражают не только параду и поднесению медалей. В Кропоткине придумана специальная методика, для того чтобы мешать супругам разводиться. Судья, получив заявление желающих расторгнуть брак, не назначает заседание суда, а посылает заявление, на предприятие, где работают злополучные муж и жена. Там собирают народ, и в присутствии супругов публика с удовольствием копается в их грязном белье. Решение собрания — не разводиться — дает судье основание (со ссылкой на "глас народа") отложить разбирательство еще на несколько месяцев. Цель всех этих мер хорошо объяснила в газете "Неделя" секретарь партийного бюро одного из военных заводов города:

"Вокруг нас строится много предприятий. Чем мы можем удержать у себя людей? Только одним — заботой о семье".

* * *

Чего в конечном счете добиваются покровители семейного счастья в СССР? Какое поведение советских граждан представлялось бы им идеальным?

В нынешнем году мировая пресса много писала о романе-утопии Джорджа Орвелла "1984-й". Большинство критиков

утверждало, что орвелловское описание частной жизни граждан в тоталитарном государстве не отражает реальной картины. Ни в фашистской Германии ни в Советском Союзе ничего подобного не происходит и не происходило. Позволю себе возразить: романист — не предсказатель и не гадалка. Он ищет и обнаруживает главные тенденции общественной жизни. Если говорить о семейной жизни и семейном счастье по-советски, то идеальный вариант его идеально точно описан английским романистом: "...В полутьме супружеской спальни жена-патриотка шепчет мужу-патриоту: "Милый, пойдем в постель... Давай делать бэби для государства..."

Доналд РЕЙФИЛД

СТАЛИН: ПОЭТИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

"Буто́н расцвел, и роза, наклонившись, к фиалке прикоснулась..." Этими строками начинается стихотворение юного Сталина "Утро". В 1957 году, уже после того как началась хрущевская "десталинизация", но еще до низвержения статуи Сталина в Тбилиси (последнее событие сопровождалось массовыми волнениями и многочисленными жертвами), "Утро" было, в который раз, перепечатано в сборнике "Деда Эна" — грузинской "Родной речи".

В Грузии этот сборник считают своего рода букварем, по которому дети учатся читать и писать. Он же кладезь народной мудрости, краткий исторический очерк, сокровищница знаний. С 1876, первого года издания, и до 1916 года этот сборник пополнялся и расширялся, а в последующие десятилетия постоянно сокращался и ужимался. В 1916 году стихотворение Сталина "Утро" было впервые включено в "Деда Эна". Для никому не известного Сосело это было большой честью. В 1957 году в том же сборнике был напечатан рас-

Русский перевод статьи был подготовлен и передан в эфир Русской службой Би-би-си.

сказ "Маленький Сосо", который завершался словами: "В годы учебы он всегда помогал отстающим", — замечание довольно злое с точки зрения сегодняшнего дня.

О будущем маленького Сосо со всей определенностью говорит иллюстрация к рассказу, выполненная в духе мастеров итальянского Возрождения: луч солнца пробивается сквозь тучи и таинственно освещает дом Сталина. Как и многие римские божества, Сталин, перестав быть Богом, стал святым. Его не только наделили детством святого и храмом-музеем Сталина в Гори, где посетители толпятся возле застекленных витрин, но и пустили в оборот как икону. В этом легко убедиться, заглянув в сапожные будки или милицмейские машины в Тбилиси. Хотя большой памятник Сталину сохранился лишь в Гори, множество бюстов бывшего вождя по-прежнему стоят в домах отдыха, столовых, на площадях аулов, а венки из живых цветов украшают его мясистую гипсовую шею. Даже улицы столицы Грузии вновь названы его именем. Тбилисская набережная и длинная дорога, тянущаяся над Тбилиси — вдоль этой дороги разбросаны дачи партийной номенклатуры, прячущейся здесь от летнего зноя — ныне носят имя Сталина. В текст гимна Грузинской Советской Социалистической Республики включена строка из стихотворения Сталина "Утро".

Култ Сталина не повсеместен в Грузии: в конце концов, грузинская интеллигенция пострадала при Сталине не меньше, чем интеллигенция любой другой республики. Но грузинские коммунисты тоскуют по сталинскому золотому веку, по тем временам, "когда Хрущев не выпустил из лагерей всех этих хулиганов".

Материальное наследие святых, как правило, скудно. В музее Сталина едва ли можно отыскать предмет, к которому он прикасался. Там выставлена, к примеру, книга, которую, как полагают, он прочел. В любой грузинской библиотеке можно найти "избранные труды" вождя. Но разве разберешь, какая строка в них принадлежит этому гениальному плагиатору и эксплуататору, а какая писателю-призраку (зачастую призраку и в прямом и в переносном смысле).

Внуки сталинских жертв стоят в очереди, чтобы услышать от экскурсовода о вожде. Но образ его далек от реальности. Даже сапожная лавка Джугашвили выглядит пустой и малоубедительной. Некоторые скептики в Гори утверждают, что Джугашвили-старший процветал и что его подмастерья не могли бы работать в такой тесноте. Легенду же о том, что во время землетрясения в Гори в 1927 году выстоял только дом Сталина, мало кто из старожилов берется подтвердить. Практически, о молодости Сталина говорят лишь несколько его стихотворений. Позже он не мог переделать их. В 1895 и 1896 годах они были опубликованы в газетах и журналах, распространяемых, помимо Грузии, в России, в Финляндии и в других странах, так что даже самые опытные фальсификаторы из ОГПУ были бы бессильны что-либо изменить. Стихотворения эти — мне удалось найти шесть — не только подлинны, но и красноречивы. Они многое говорят о темпераменте, побуждениях, культуре молодого Сталина.

В традиционной грузинской поэзии XIX века можно найти элементы персидской поэзии (розы, соловьи), византийских гимнов, романтизма и русского гражданского стиха. Стихотворение Сталина "Утро" следует этой традиции. Не удивительно, что патриарх грузинской литературы и общественной мысли Илья Чавчавадзе охотно согласился напечатать "Утро" и, по меньшей мере, еще четыре стихотворения в редактируемой им газете "Иверия" в 1895 г. "Луне" — одна из самых ранних публикаций молодого Сталина.

Плыви, как прежде, неустанно
Над скрытой тучами землей,
Своим серебряным сияньем
Развей тумана мрак густой.

К земле, раскинувшейся сонно,
С улыбкой нежною склонясь,
Пой колыбельную Казбеку,
Чьи льды к тебе стремятся ввысь.

Но твердо знай: кто был однажды
Повергнут в прах и угнетен,
Еще сравняется с Мтацминдой,
Своей надеждой окрылен.

Сияй на темном небосводе,
 Лугами бледными играй,
 И, как бывало, ровным светом
 Ты озари мне отчий край.

Я грудь свою тебе раскрою,
 Навстречу руки протяну
 И снова с трепетом душевным
 Увижу светлую луну.

В общем, стихотворение пронизано уверенностью: синтаксис не прерывист, образы довольно цельны. Уже в этом стихотворении намечается контраст между буйством природы и человека, с одной стороны, и гармоничностью птиц, музыки, певцов-поэтов — с другой. Этот контраст еще очевидней в другом стихотворении — "Пророк". Оно было опубликовано в газете "Иверия" на Рождество 1895 года. Сталину тогда только-только исполнилось шестнадцать лет. Стихотворение это — о пророке, отвергнутом своей землей. Тема отвергнутого пророка была популярна в России и в Грузии.

Ходил он от дома к дому,
 Стучась у чужих дверей,
 Со старым дубовым пандури,
 С нехитрой песней своей.

А в песне его, а в песне —
 Как солнечный блеск, чиста,
 Звучала великая правда,
 Возвышенная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
 Заставить биться сумел,
 У многих будил он разум,
 Дремавший в глубокой тьме.

Но вместо величья и славы
 Люди его земли
 Отверженному отраву
 В чаше преподнесли.

Сказали ему: "Проклятый,
 Пей, осуши до дна...
 И песня твоя чужда нам,
 И правда твоя не нужна!"

Здесь Сосело развивает мысль Лермонтова, кстати говоря, высказанную русским поэтом в стихотворении "Ангел" тоже в шестнадцатилетнем возрасте: мысль о том, что "звуки небес" несравнимы со "скучными песнями земли".

И все же "Пророк" Сталина — стихотворение глубоко грузинское, оно восходит к образу героя, типичного для грузинского фольклора. Прежняя тень тревоги становится в этом стихотворении маниакальным убеждением, что великих пророков ожидает лишь травля и убийство. В этом смысле стихотворение "Пророк" говорит о личности Сталина больше, чем прочие поэтические откровения будущего вождя. Однако в некоторых поэтических способностях Сталину не откажешь. Если бы инспектор духовной семинарии не поймал Сталина с книгой Виктора Гюго, то, возможно, Грузия не лишилась бы поэта, а Советский Союз стал бы жертвой Троцкого и троцкистов.

Надо сказать, что вождь всегда проявлял болезненный интерес к поэзии, даже когда был занят делами государственной важности. Вспомним его телефонный звонок Пастернаку в связи с арестом Мандельштама, медленное физическое уничтожение Мандельштама, изоляцию Ахматовой, арест Лозинского, переведшего дантовское "Чистилище", и освобождение, последовавшее за завершением перевода "Рая", садистическое обескровливание грузинской поэзии. Расстрел Тициана Табидзе, вынужденное самоубийство Паоло Яшвили, расстрел жены Галактиона Табидзе говорит о том, что Сталин не терял интереса к сфере своего юношеского увлечения. Модернистов он не выносил. Поэты, отдавшие дань символизму, декадансу, космополитизму в духе парнасцев, были обречены. Те же, кто оставался верен ясному и понятному романтизму — этому фундаменту социалистического реализма — были пощажены. Такой мести могут лишь завидовать литературоведы и другие творческие работники. На Западе так мстить удается крайне редко — примеров почти нет — разве что Эзра Паунд, посаженный в сумасшедший дом или второразрядные литераторы, которым приходится писать рецензии на произведения гениев.

Хотя Сталин никогда не упоминал своих стихотворений, он и не отмежевывался от них, даже когда лизоблюд Серебряков перевел оба вышеприведенных стихотворения. Возможно, Сталин чувствовал, что выразил себя в поэзии слишком слабо, что слова не были адекватны его эмоциям. То же чувство возникает при чтении новелл Наполеона или знакомстве с картинами Гитлера.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК"

в ближайшее время выходят книги:

Владислав ХОДАСЕВИЧ. КОЛЕБЛЕМЫ ТРЕНОЖНИК

Статьи о литературе. Избранная проза, том 2.

(260 стр. Цена — 17.50)

Во второй том избранной прозы В.Ходасевича вошли статьи о писателях и поэтах — современниках автора: Н.Гумилеве, В.Сирине (Набокове), Б.Поплавском, И.Бунине, Д.Мережковском, А.Блоке, А.Белом, В.Маяковском и др. В книге также помещен обширный комментарий к статьям и указатель имен на оба тома.

Первый том Избранной прозы В.Ходасевича "БЕЛЫЙ КОРИДОР. ВОСПОМИНАНИЯ", который является продолжением известной книги Ходасевича "Некрополь", можно приобрести в издательстве "Серебряный век" или по адресу редакции "Время и мы". В книге 310 стр. Цена — 17.50.

Георгий АДАМОВИЧ. СОМНЕНИЯ И НАДЕЖДЫ

Статьи о литературе. Избранная проза, том 1.

(260 стр., цена 17.50)

Как и В.Ходасевич, Г.Адамович был одним из крупнейших литературных критиков первой эмиграции. Круг писателей, творчество которых интересует Адамовича, примерно тот же, что и у Ходасевича. Но их точки зрения далеко не всегда совпадают. Оба писателя — и Ходасевич и Адамович были своего рода центрами культуры, вокруг которых сосредоточивались литературные силы эмиграции

Второй том Избранной прозы Г.Адамовича

РАЗМЫШЛЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

готовится к печати.

Адрес издательства: SILVER AGE PUBLISHING

P.O.Box 384 Rego Park New York, 11374

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

Александр Орлов

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Эта книга принадлежит одному из видных деятелей сталинского НКВД, но почти 30 лет она была неизвестна русскому читателю. Чудом уцелев, генерал Александр Орлов бежал в 1938 году в Соединенные Штаты и, оставаясь 15 лет неузнанным, прожил здесь до конца своих дней. Книга Орлова — это документальное свидетельство эпохи, раскрывающее самые глубокие тайны сталинской секретной полиции.

...КАК ГОТОВИЛОСЬ УБИЙСТВО КИРОВА...

...ВСТРЕЧА СТАЛИНА С НИКОЛАЕВЫМ...

...КАК БЫЛИ ВЫРВАНЫ ПРИЗНАНИЯ У ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА...

...ИХ СДЕЛКА СО СТАЛИНЫМ В КРЕМЛЕ...

...ДОПРОСЫ И ПРИЗНАНИЯ ПЯТАКОВА, БУХАРИНА. РАДЕКА...

...ПОДРОБНОСТИ ГИБЕЛИ АЛЛИЛУЕВОЙ...

...ЯГОДА ПЕРЕД КАЗНЬЮ...

...ЕЖОВ, КАКИМ ОН БЫЛ...

...ЛИЧНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СТАЛИНА ПАУКЕР ОБ УТЕХАХ ВОЖДЯ...

Таковы лишь штрихи, лишь отдельные эпизоды документальной эпопеи Александра Орлова.

По свидетельству специалистов, ни одна из изданных до сих пор книг о советской тайной полиции не может сравниться с книгой Александра Орлова как по документальной точности излагаемых фактов, так и по захватывающему интересу, который она вызывает у читателей. Тот, кто открыл первую страницу этой книги, уже не сможет закрыть ее, не дочитав до конца этот зловещий детектив сталинской инквизиции.

Книга Орлова (350 стр.) иллюстрирована редкими фотографиями 30-х годов. Цена книги — 15 долларов.

Пересылка — 1 доллар.

Заказы и чеки высылать по адресу:

Time and We

475 Fifth ave, room 511 —A

New York, New York 10017

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В этом номере мы представляем вниманию читателей уникальный материал — стенограмму встречи советских руководителей с делегацией ООП, возглавляемой Ясиром Арафатом.

Если не считать одиозности фигуры Арафата, да еще того, что кремлевские руководители, и вождь палестинских террористов называют друг друга товарищами, — сама встреча, на первый взгляд, протекает вполне благопристойно. Вначале предоставляется слово гостям, т.е. прибывшему в Москву руководителю ООП, ему задаются вопросы, проясняются различные аспекты положения на Ближнем Востоке. Затем берет слово советский министр иностранных дел Громыко, который, если и не изъясняется на изысканно вежливом языке дипломатов, то, по крайней мере, проявляет сдержанность в оценках — словом, все идет согласно дипломатическому протоколу. Но стоит вдуматься во все то, что говорит Арафат, да и в то, как он говорит, — и начинается отчетливо проясняться подтекст его речи. Мы начинаем ощущать, что перед нами международный гангстер, который видит свою миссию в том, чтобы во всех районах Ближнего Востока плести политические интриги, создавать очаги политических и военных конфликтов — да, собственно, он и в Кремле во имя этой же цели. Он знает, что найдет здесь взаимопонимание и поддержку.

Речь Громыко не менее красноречива, чем речь Арафата. Нет, Громыко не призывает его к террору, но он дает понять, что СССР полностью на стороне "справедливого дела палестинского народа", которому товарищ Арафат отдает столько сил. От имени Советского правительства он осуждает американский империализм и его пособников — израильских агрессоров. Похлопывая гостя по плечу, он поощряет его к дальнейшей активности и борьбе за изоляцию Египта, за более тесные контакты с Саудовской Аравией, за придание Ливанскому конфликту международного характера. Он, Громыко, — за укрепление боевой мощи Сирии и за сокрушительный отпор израильскому агрессору, — и он готов поддержать Иран, захвативший американских заложников. Словом, по прочтении стенограммы у читателя не остается сомнений, что стороны нашли общий язык.

Впрочем, это следует из любого документа, касающегося отношений СССР и ООП. Приведем один пример, который, хотя и не имеет прямого отношения к этой встрече, тем не менее представляет собой яркий символ братской дружбы между первой в мире страной социализма и фашиствующей бандой палестинских террористов. Мы имеем в виду поздравление Л.Брежнева, направленное Арафату. "Дорогой товарищ Ясир Арафат! В связи с пятидесятилетием со дня Вашего рождения примите сердечные пожелания доброго здоровья и успехов в Вашей деятельности. Ваша мужественная борьба во главе ООП, отстаивающая интересы палестинского народа, его право на создание собственного государства от посягательств империализма, сионизма и их пособников снискала Вам искренние симпатии и поддержку со стороны советских людей!" Поистине, яснее трудно сказать.

Илья ЛЕВКОВ

АРАФАТ В КРЕМЛЕ

Стенограмма встречи Громыко и Пономарева с руководителями ООП

13 ноября 1979 года. Переговоры начались в 12 часов дня.

С советской стороны участвовали: Громыко — министр иностранных дел СССР, Пономарев — заместитель министра, Гриневский — заведующий ближневосточным отделом Министерства иностранных дел.

Члены делегации ООП: Абу Амер (Ясир Арафат), Абед Ель Масин Абу Майзер — член Исполкома ООП, Тлал Наджи — член Исполкома ООП, Ассир Абеб Раба — Демократический фронт, член исполкома ООП и другие. Всего девять человек.

Громыко. От имени советского правительства и лично от имени товарища Брежнева я приветствую вас в Москве. Советское правительство уполномочило меня и товарища Пономарева обсудить все темы, интересующие вас и нас. У меня нет в этот момент какого-то специфического вопроса для обсуждения.

Я надеюсь, что наши переговоры пройдут в атмосфере братской дружбы и взаимопонимания, как проходили все наши прежние встречи. Итак, я предлагаю, чтобы вначале вы

высказали нам ваши соображения, после этого мы выскажем наши. Обед будет в два часа дня.

Арафат. Я буду очень краток, так как один из товарищей сообщил мне, что это время предоставлено лишь для формальных переговоров.

Громыко. Мы имеем достаточно времени...

Арафат. Два часа это не достаточно.

Громыко. Два с половиной...

Арафат. Мы давно не встречались. Перед началом Багдадской конференции я известил вас, что это будет одна из самых важных конференций. И, действительно, ее результаты имеют большое значение. Прежде всего, на этой конференции арабы, кроме двух государств, были представлены как единая нация против кэмп-девидских соглашений. Важность Багдадской конференции еще и в том, что она состоялась без Садата. Садат сказал, что главы арабских государств не могут собраться без него. Между тем такая конференция состоялась и осудила политику Кэмп-Дейвида. Еще большее значение имела конференция министров иностранных дел и экономики арабских стран. Она разработала конкретные шаги по реализации политических решений, принятых в Багдаде. Вы знаете, что после Багдадской конференции на Ближнем Востоке побывал Бжезинский. Он не скрывал, что главная цель его визита — предотвратить выполнение решений Багдадской конференции.

Громыко. Вы имеете в виду последний визит Бжезинского?

Арафат. Я говорю о визите, состоявшемся накануне конференции министров иностранных дел и экономики. Именно на этой конференции была выработана координация усилий и создана политическая ось: Ирак—Сирия—Палестина. Ось, которая возглавила "Фронт отказа".

Громыко. Товарищ Арафат, извините, что я вас перебиваю, но я бы хотел, чтобы вы высказали свое мнение о выполнении этих решений.

Арафат. Это как раз то, о чем я хотел сейчас говорить. Некоторые страны, делая акценты на политических декларациях, хотели бы манипулировать экономическими решениями

в свою пользу. Палестинская делегация воспротивилась этому и представила на рассмотрение комитету, избранному конференцией, четкий экономический и оперативный план. Сирия и Ирак поддержали нас. Таким образом, сложилась эта чудесная координация сил между ООП, Сирией и Ираком. Благодаря этому наши силы смогли выстоять против блока арабских стран, возглавляемых Саудовской Аравией. Мы настояли на 48-часовом перерыве и дали возможность всем делегациям вернуться домой для консультаций. В результате ось Сирия—Палестина—Ирак сумела получить на конференции доминирующее влияние, и сама конференция добилась серьезных успехов.

Что касается экономических решений, то достаточно сказать, что девяносто процентов этих решений выполнены. Я говорю "девяносто процентов", так как десять процентов арабских капиталовложений еще не изъяты из египетских банков. Политический советник саудовского короля Халеда Камаль Адхам затеял новую игру, начатую американцами. Суть ее в том, чтобы помочь Садату выйти из экономического кризиса, который душит его. Чтобы спасти Садата, Адхам оказывает нажим на некоторых богатых людей в Саудовской Аравии и в других странах Персидского залива, чтобы они инвестировали свои деньги в египетские банки. Но вся эта помощь мизерна и не в состоянии спасти Садата. Египетская экономика нуждается в получении трех с половиной миллиардов долларов ежегодно в течение последующих десяти лет. Америка увеличила свою поддержку Египта на 112 миллионов долларов. Но ее годовая помощь составляет лишь полтора миллиарда. Правда, США планируют еще достать для Садата 750 миллионов в Японии и 750 миллионов в Западной Германии.

Громыко. Эти запрашиваемые у Японии и Западной Германии суммы будут выплачиваться ежегодно или единовременно?

Арафат. Полтора миллиарда Америка планирует давать ежегодно. Остальные же деньги, в принципе, будут предоставлены лишь на один год. Однако не исключено давление со стороны США на японцев и немцев, чтобы они продлили свою

помощь. Американцы, конечно, понимают, что их помощь Египту — это успокоительные уколы. Главный их расчет на раскол арабских стран. В нашей оперативной программе мы требуем наказать Америку экономическими методами, но мы понимаем, что это не легко выполнить. В протокол Багдадской конференции, по нашему настоянию, было записано, что арабские санкции против США практически не смогли нанести им ущерба. Но, повторяю, главное в том, что девяносто процентов решений выполнено. В условиях арабского мира, товарищ Громыко, это большой успех.

Относительно же финансовой поддержки "Фронта отказа" хочу отметить, что все арабские страны уже внесли свои "членские взносы".

Г р о м ы к о . Вы говорите о дефиците ООП?

А р а ф а т . Нет, я говорю о другом. "Девяносто процентов" относятся к санкциям, которые были применены к Садату... После Багдада ООП приняла активное участие в Исламской конференции. Конференция эта заставила короля Хасана занять активную позицию против Садата. Было принято решение исключить Египет из группы Исламских стран. В результате, египтяне, которые очень религиозны, могут себя спросить: "Мы можем понять, почему арабы против нас, но почему же против нас поднялся весь исламский мир?" Далее, ООП приняла участие в конгрессе Африканских стран в Монровии, где, надо сказать, Садат одержал очень важную победу. На этом конгрессе правительство Либерии не дало ООП возможности выступить. Мы помним, что генеральный секретарь Лиги арабских стран, которого также вычеркнули из списка выступавших, покинул конгресс вместе с нами. Зато на следующей конференции, состоявшейся в Гаване, мы одержали победу. Сорок девять африканских стран, которые только что поддерживали Садата, в Гаване приняли резолюцию, резко критикующую Кемп-Девид.

Г р о м ы к о . Это был удар по конференции в Монровии и ее решениям?

А р а ф а т . Да! И очень важно, что против Садата выступили Югославия и Индия. Наши кубинские друзья предупрежда-

ли нас, что это будет невероятно трудно: принять в Гаване антикемп-девидскую резолюцию. Думаю, что и вы, товарищ Громыко, это понимали. Теперь я могу сообщить, что перед самой конференцией произошло острое столкновение между Сирией и Ираком, но палестинская делегация помогла преодолеть это разногласие. Именно в результате наших усилий оба президента — Садам Хуссейн и Асад объединились для принятия антикемп-девидской резолюции. Кастро также сделал очень много, и мы этого никогда не забудем.

П о н о м а р е в . Да, кубинские товарищи сыграли огромную роль...

А р а ф а т . Я хотел бы подчеркнуть, что Кастро проявил себя как очень мудрый руководитель. И, наконец, я бы хотел упомянуть Лиссабонский конгресс. Он был еще важнее Гаванского, так как в нем участвовали не только главы правительств. Это была чудесная встреча, которая впервые происходила в европейской стране. Очень важную роль для достижения наших целей сыграла португальская компартия и особенно Советский комитет солидарности со странами Азии.

П о н о м а р е в . Мы специально послали на этот конгресс главу нашего "Комитета солидарности", а товарищ Брежнев обратился к конгрессу со специальным посланием.

А р а ф а т . Конгресс получил массу поздравительных писем и телеграмм от королей и президентов, но дороже всех для нас было послание товарища Брежнева. Надо сказать, что конгресс в Барселоне стал своего рода поворотным пунктом. После наших успехов на двух Багдадских конференциях США повели против нас контратаку в следующих направлениях. Первое — это использование внутренних трудностей Сирии, чтобы внести раскол в ее отношения с Ираком. Одновременно Америка начала давление на Иорданского короля Хуссейна, чтобы он присоединился к кемп-девидским соглашениям. Более того, американцы решили предпринять демонстрацию силы в Персидском заливе. И нужно признать, что этот парад силы оказался весьма удачным.

Второе направление — это давление на палестинцев, прожи-

вающих на оккупированных территориях. США решили поддержать представленный Израилем план автономии в секторе Газы и на Западном берегу Иордана. Но тут американцы потерпели полную неудачу. Вскоре это признали сами израильтяне, американский посланник Штраус и египтяне. Сейчас на оккупированных землях царит замешательство, вспыхивают массовые забастовки, начавшиеся после решения Израиля изгнать мэра Бассам Шакка только за то, что он член ООП.

И, наконец, третье направление, или третья атака против нас — это военная агрессия Израиля в Южном Ливане, обернувшаяся настоящим адом для жителей этого района. Семь месяцев этого ада оставили 600 тысяч палестинцев и жителей Ливана без крова. Десятки городов, деревень и лагерей беженцев были разрушены. Для достижения своей цели Израиль пользовался всеми видами оружия, находящегося в его распоряжении.

Г р о м ы к о . 600 тысяч ливанцев и палестинцев бежали с юга на север. Когда эта война против вас началась?

А р а ф а т . Она началась 9 марта 1978 года. Я приведу вам, товарищ Громыко, пример, какие силы были брошены против нас. Израиль бомбил лагерь беженцев Рашидия и Нахераль Баред морскими ракетами типа "Смарт". Эти управляемые снаряды пускались с израильских кораблей. А ведь израильтянам не было никакой надобности пользоваться этим смертоносным оружием. Они могли решить задачу с помощью обычной артиллерии. Один из моих офицеров спросил меня: "Какова цель израильтян, использующих именно эти снаряды?" Я ответил, что в войне против нас израильская армия получила приказ пользоваться всеми видами оружия. Именно поэтому они бросили против нас военный флот и снаряды "Смарт", а с воздуха нас бомбили самолеты типа "Ф-15" и "Ф-16", применяя ракеты марки "Ласенс" — того же типа, что ваши ракеты "Фрог" и "Луна".

Я располагаю свидетельством бывшего министра США Рэмси Кларка, который, вернувшись из Ливана, созвал пресс-конференцию и заявил, что все происходящее в Ливане, близко к преступлению. И это сказал не кто-нибудь, а Рэмси

Кларк — один из "них"! Мы сражались и продолжаем сражаться с Израилем один на один, не получая ниоткуда ни одного патрона, никакой помощи, кроме как от братьев из Ирака и Сирии, которые дважды вели воздушные бои с Израилем.

Г р о м ы к о . Как вы оцениваете результаты воздушных боев между Сирией и Израилем?

А р а ф а т . Я не эксперт по вопросам авиации. Для меня важны политические решения и то, что наш боец не должен чувствовать, что он сражается один.

П о н о м а р е в . Важно то, что израильтянам не удалось сломить вашу непоколебимость...

А р а ф а т . Только благодаря чуду мы сумели выстоять. И к тому же содержать все ливанское население. В Ливане отсутствует какое-либо правительство. Мы кормили пятьдесят процентов жителей этого района. Ведь одна из целей израильской авиации сломить местное население и восстановить его против нас. Арабские государства не могут выдержать долгих, изнурительных войн. Это объясняет тот факт, что Гамаль Абдель Насер вынужден был принять план Роджерса. Мы же ведем эту войну уже семь месяцев. Семь месяцев страданий в Южном Ливане. Но мы готовы сражаться семьдесят месяцев и даже больше. Наши дети воюют вместе с нами. Недавно я объявил о наших потерях до сегодняшнего дня: 10-12 военных и 30-35 гражданских лиц ежедневно. И это все работа Америки! Но в последнее время этот ад немного поутих благодаря плану, представленному американским посланником Филиппом Хабибом. Я вам оставляю проект этого плана, чтобы сэкономить время. Самое опасное в этом проекте то, что США предлагают собрать всех участников конфликта — Ливан, Сирию, ООП, Израиль и Иорданию — под своей эгидой. Но скажите, при чем здесь Иордания?

П о н о м а р е в . Исключая Египет?

А р а ф а т . Да, исключая Египет! Это новый вариант Кемп-Девиды. Здесь намечается новая арабская конференция. Но на этот раз лишь малое число арабских государств согласилось с проектом США. Ливанцы в противовес ему готовят рабочий план, который взорвет этот проект и всю эту конфе-

ренцию. Согласно ему, палестинцы будут эвакуированы с юга Ливана. Однако важность этого плана не в изгнании палестинцев, а в его следующих двух последствиях. Во-первых, он спутает американцам все их карты и создаст ситуацию, в результате которой в силе останутся резолюции Багдадской конференции. И, во-вторых, когда ливанцы почувствуют, что они не могут на этой конференции достигнуть своих целей, у них не останется ничего другого, как сделать ливанскую проблему международной. К сожалению, пока наше военное положение в Южном Ливане остается довольно грустным. Наши противовоздушные орудия настигают цель лишь на высоте 3,5 км. Но израильские самолеты летают выше и из-за неравенства сил уничтожают наши батареи одну за другой. Это ведь такая несправедливость, товарищи, что я должен стоять с примитивным оружием против самой развитой американской техники! Тогда как партизаны Полисарио получают самое современное оружие и ракеты, хотя воюют против примитивно вооруженных марокканцев! Что все это должно означать? Да, я воюю голыми руками, силами наших женщин и детей, их телами, товарищи! Это и есть палестинское чудо. Параллельно военному фронту мы продолжаем политическую борьбу. Мы построили важные политические мосты, наши делегации продолжают действовать в Азии, Африке и Латинской Америке. В Гаване наше представительство возведено в ранг посольства. В течение шести месяцев мы приняли 189 иностранных делегаций.

Г р о м ы к о . Большинство этих делегаций были общественными?

А р а ф а т . Да, все. Я не говорю об официальных организациях. Мы координируем наши действия с комитетом Афро-Азиатской солидарности, с Всемирным Советом мира, с Демократической ассоциацией юристов, которые на своем симпозиуме в Париже отвергли Кемп-Девидские соглашения, как неправомочные. Мы сознаем, что все эти наши дипломатические шаги и действия эффективны лишь до определенного предела. По этому поводу у нас нет иллюзий. Это и привело к тому, что мы решили отказаться от нашей устаревшей идеи —

не участвовать в международных конференциях, где принимают участие израильтяне. Сейчас мы стараемся успеть везде и успеть раньше израильтян. В связи с этим я хотел бы сослаться на конференцию полиглотов-преподавателей, в которой участвовал лично товарищ Пономарев.

Сейчас давайте обсудим срочную тему. Мы боимся того, что может произойти в Иране. Через некоторые арабские государства американцы обратились к нам с предложением осуществлять посредничество в деле спасения заложников. Наш ответ был однозначен: мы не посредники и находимся на стороне иранской революции.

Г р о м ы к о . Американцы обратились к вам по своей инициативе?

А р а ф а т . Нет, не непосредственно, а через Рэмси Кларка, который симпатизирует нам. Но, повторяю, мы согласны с позицией Хомейни, и он поддерживает нас. Принимая во внимание американские военные акции, мы послали в помощь Хомейни экспертов по военным операциям. Даже в политических кругах Израиля муссируют слухи о возможности его превентивной атаки против Сирии, учитывая растущие внутренне трудности Израиля. Плацдармом этой атаки, по-видимому, станет Ливан. Вначале они направят эту атаку против нашего национального движения, а затем против Сирии. Нанести удар по сирийским войскам в Ливане будет проще, так как эти войска выполняют оборонительную, а не наступательную миссию.

П о н о м а р е в . Два вопроса, товарищ Арафат. Первый вот в чем: при ваших отношениях с Австрией — встречаясь с Крайским и Брандтом, пытались ли вы им рассказывать о ваших достижениях? Второй вопрос касается присутствия сирийских войск на территории Ливана. Помогают ли они вам оружием? Участвуют ли в боях по сдерживанию агрессора?

А р а ф а т . Сирийские войска дислоцируются севернее 37,1 параллели, а военные бои происходят южнее. Таким образом, они не осуществляют прямого участия. Несмотря на это, произошли два воздушных боя между Сирией и Израилем. Сирийцы уже усилили свою противовоздушную оборону

вокруг лагерей беженцев, находящихся на их территории. Мы должны иметь в виду, товарищи, высказывания Даяна и Вейцмана о том, что израильские вооруженные бомбардировщики будут координировать свои действия с Америкой, и это придает особую важность политическому решению Сирии открыть контратаку против агрессора. Теперь насчет вашего первого вопроса — о горизонтах нашей политической активности. Наша цель направлена на то, чтобы создать во всем мире международное мнение в нашу пользу, особенно в неприсоединившихся странах. Наша активность в Европе основывается на нужде Европы в арабской нефти. Нефть еще не выступила как фактор в нашем сражении, но это уже висит в воздухе.

П о н о м а р е в . Крайский стал другом арабов?

А р а ф а т. Никто этого не говорит. Но мы извлекаем из этого политические выгоды.

П о н о м а р е в . После вашей встречи с Крайским произошел раскол в лагере сионизма, потому что прежде он числился среди адвокатов Израиля...

Г р о м ы к о (перебивает Пономарева). Хорошо. Благодарю вас за информацию о некоторых международных проблемах, а также за оценку нынешней ситуации. Я бы хотел обсудить центральные проблемы международной политики и сказать о нашей позиции, хотя она хорошо известна. СССР продолжает принципиальную политику на Ближнем Востоке, как это было и в прошлом. Мы за уход Израиля со всех оккупированных территорий и предоставление палестинцам их законных прав по созданию независимого государства. Вместе с предоставлением всем государствам этого района права быть суверенными. Это центральная позиция в нашей политике по вопросу Ближнего Востока. Мы предпочитаем всеохватывающее решение этого конфликта при условии, что оно будет справедливым. Садат и американцы говорят о справедливом решении, но их решение не справедливо. Сейчас, как и в прошлом, мы осуждаем сепаратные соглашения с агрессорами, включая кемп-девидские соглашения. Эти соглашения — предательство арабов и их интересов. В наших переговорах с американцами мы не пользуемся языком

джентльменов. Во время встречи с Картером в Вене товарищ Брежнев представил неуклонную советскую позицию. Мы хотим, чтобы наши арабские друзья знали об этой неуклонной и принципиальной позиции СССР. Единство арабского мира чрезвычайно важно для нас. Чем больше будет этого единства, тем меньше Египет сможет претендовать на роль лидера. Мы согласны с вами насчет двух Багдадских конференций, где были приняты важные решения, направленные против империализма, Израиля и египетских лидеров. Мы были очень довольны этим единством, которое мы искренне оцениваем. И это единодушное мнение советских руководителей насчет лидеров ООП и лично вашей роли, товарищ Арафат, которую вы проявили на двух конференциях.

Некоторые участники этих конференций готовы были склониться перед агрессором, если бы не роль, которую сыграли вы. Советские руководители заинтересованы в том, чтобы не было отступления от успешных достижений, которые должны быть базисом для следующего действия. И вы, товарищ Арафат, можете сыграть эту очень важную роль в будущем. Мы придаем большое значение переговорам с королем Хуссейном, суть которых состоит в необходимости восстановить независимое Палестинское государство, если палестинцы захотят этого. Мы известили Хаддама* в Ираке об этой позиции Иордании, на что он ответил: "Я очень уважаю декларацию Хуссейна, но я сомневаюсь насчет искренности и серьезности короля". В наших общих интересах, чтобы король не отступил от своей декларации. Мы согласны с вашим стремлением объединить усилия Сирии и Ирака в их борьбе против соглашений, заключенных в Кемп-Девиде. Мы думаем, что вы сможете сделать еще больше в этом важном секторе.

Один факт, который вы упустили из-за отсутствия времени. Это позиция Саудовской Аравии на последних конференциях. Ее позиция была более положительна, чем мы ожидали. Может быть, это результат общей атмосферы, царившей на конференциях. Сирийцы объясняют это тем, что есть своего рода недовольство в высших кругах страны. Недовольство позицией некоторых членов королевской семьи, которые думают,

* Возможно, Саддама? (Д.Т.)

что они могут найти защиту только со стороны американцев. Это показывает, что "Фронт отказа" уже накопил некоторый опыт обработки Саудовской Аравии и воздействия на нее.

А р а ф а т . Не все государства ведут себя так. Демократическая республика Йемен, например, ведет себя иначе, особенно после подписания договора с вами.

Г р о м ы к о . Это не совсем так. Речь идет о влиянии ООП и других арабских сил. Мы считаем, что вам следует использовать этот опыт, поскольку роль Саудовской Аравии на Ближнем Востоке исключительно важна.

Ваша оценка израильско-египетско-американских мер относительно Западного берега верна. Мы являемся свидетелями империалистического заговора между Израилем и Саудом. СССР мог бы сделать острое заявление по этому поводу, но самое главное, что мы согласны с вашей оценкой. Вы говорили об американской контратаке. Арабы способны ответить на нее, если они объединятся.

Ситуация в Южном Ливане является острием заговора, направленного против "палестинского сопротивления", против Сирии и Ливана как суверенного государства. При анализе создавшегося положения мы обнаруживаем, что союз Сирии с "Палестинским сопротивлением" в Южном Ливане играет решающую роль в борьбе против американского наступления. Вы отметили трудности, с которыми вам приходится сталкиваться в Южном Ливане. Между нами и вами огромное географическое расстояние, но мы понимаем сложность проблем "Палестинского сопротивления" и интенсивность его усилий добиться совместно с Сирией провала американского наступления.

Ваше описание предложений Филиппа Хабиба весьма точно. Это империалистические предложения, враждебные арабам, и мы надеемся, что арабские государства их воспримут таким же образом.

Мы с удовольствием выслушали ваше сообщение, что девяносто процентов багдадских резолюций было выполнено. Это успех арабов. Я впервые слышу столь ясную и точную оценку.

Теперь я хотел бы перейти к некоторым международным проблемам. Иран: я имею в виду последние события, касающиеся захвата американского посольства в Тегеране и связанные с этим акции Америки.

Несколько дней назад американцы обратились к нам с просьбой взять на себя посредничество при помощи дуайена дипломатического корпуса в Тегеране — посла Чехословакии — и способствовать освобождению американских дипломатов. Мы информировали американцев, что придерживаемся международных соглашений о дипломатическом иммунитете, и с точки зрения международных соглашений мы должны пойти навстречу американцам. Но если мы подойдем к проблеме с точки зрения американо-иранских отношений, то для нас нежелательно защищать американские интересы. Поэтому мы не будем впутываться в сложные дискуссии и никоим образом не станем защищать американцев в данном вопросе. В этом, мы думаем, у нас с вами нет разногласий, несмотря на различия между нами в статусе — мы государство, а вы — национально-освободительное движение.

А р а ф а т . Иранцы считают, что вы положительно отнеслись к американской просьбе.

Г р о м ы к о . Наш представитель не возражал против заявления председателя Совета Безопасности, поскольку это была короткая декларация о международных соглашениях, относительно статуса дипломатического корпуса.

А р а ф а т . Не следует, однако, забывать, что в ней содержались определенные угрозы применения силы.

Г р о м ы к о . Мы читали эту декларацию и не нашли в ней ничего, кроме сбалансированной формулировки международных соглашений, относящихся к дипломатическому представительству. По этому вопросу состоялась острая дискуссия, в связи с намеками на применение силы. Наша позиция ясна, она осуждает и отвергает такого рода действия.

Ныне мы стоим перед вынесением палестинской проблемы на обсуждение ООН. Это очень важно и для нас, и для вас. Вопрос стоит так: чего вы ожидаете от этих дебатов? Каковы ваши минимальные требования? Вы хорошо подумали о фор-

ме, в какой этот вопрос будет представлен, и каким путем ваши требования могут быть удовлетворены? Я хочу, чтобы вы мне ответили после того, как я закончу. Мы, безусловно, поддержим палестинскую и арабскую позицию и поддержим каждую предложенную вами в ООН резолюцию. Так же поступят и наши социалистические друзья.

Последний вопрос — и это действительно вопрос. Америка заявляет: как можно признать ООП и образование независимого палестинского государства, когда ООП не признает Израиль и резолюции, принятые ООН? Мы слышали весьма убедительные аргументы с вашей стороны, почему вы отказываетесь принять эти резолюции. Потому что в них говорится о беженцах и даже не упоминается о палестинском народе. Эти доводы нам известны. Однако в разговорах с американцами мы всегда наталкиваемся на это препятствие и не в состоянии его преодолеть.

В связи с этим я спрашиваю: думаете ли вы об определенных тактических уступках врагу? Взвешиваете ли вы возможность признания государства Израиль? Я помню, как Игал Алон в беседе со мной сказал: "Как можем мы, Израиль, говорить об ООП, когда эта организация не признает права Израиля на существование как независимого государства? ООП не признает даже резолюции ООН об образовании государства Израиль". Алон мне также сказал, что если ООП признает Израиль, то ситуация изменится. Израиль вынужден будет действовать иначе.

Я спросил Алона: какая сторона сделает первый шаг? ООП или Израиль? Алон на это ответил: "Если инициативу проявит Израиль и признает ООП, последняя откажется сделать аналогичное заявление о признании Израиля и резолюций ООН". Теперь в Израиле другое правительство, и я не знаю, какова ваша позиция сейчас.

Итак, я спрашиваю, исключаете ли вы какие-либо непринципиальные уступки в данном вопросе? Ведь основное для вас — образование палестинского государства. Это основа основ, охватывающая все остальные проблемы. В дискуссиях с американцами мы оказываемся в тупике. Но, пожалуйста, рассматривайте это лишь как вопрос...

П о н о м а р е в . Мы знаем, что ООП продвигается вперед, что вы уже переросли рамки арабского освободительного движения. Известно, что этот факт признается и многими другими государствами, и мы этим весьма удовлетворены. Мы думаем, что поздравление товарища Брежнева по поводу вашего дня рождения будет способствовать делу, так же как помогли привествия, посланные товарищем Брежневым в Барселону. Это даст и миру и арабам возможность понять принципы советской политики на Ближнем Востоке.

Вы подняли вопрос о предстоящем обсуждении палестинской проблеме в ООН, Мы всегда рекомендуем вам консультироваться с нами. Нам очень важно заранее знать шаги врагов в ООН, чтобы использовать этот форум для разоблачения агрессивных действий Израиля в Южном Ливане. Этого нельзя сделать в самом Израиле. Но в ООН у Израиля есть друзья, и там полезно проводить соответствующие кампании, демонстрировать израильские действия, направленные против стариков и детей, используя при этом все средства пропаганды.

В последнее время у нас были контакты с национально-освободительным ливанским движением, особенно с коммунистами и с Джумблатом. Все они подчеркивали хорошие отношения с палестинцами и говорили о совместной борьбе против израильтян и реакционного руководства Ливана.

А р а ф а т . Существует объединенное командование, под моим начальством.

П о н о м а р е в . Очень важно, чтобы отношения были хорошими не только с антиимпериалистическими организациями в Ливане, но и с другими силами, как, например, Фаранжий. Мы должны обладать влиянием и на лидеров ливанского государства. Разумеется, поскольку вы находитесь в Ливане, вы должны стремиться не испортить своих отношений с правительством Ливана. Так как в противном случае ваше положение чрезвычайно осложнится.

А р а ф а т . Наши отношения с премьер-министром Ливана Ал Хусом хорошие, с президентом Саркисом неплохие. Отношения с Исламским советом, с Национальным фронтом

и с президентом Фаранжием — хорошие. В этом году мы выделили 19 миллионов ливанских фунтов на репарации Южному Ливану и 9 миллионов фунтов для помощи гражданскому населению.

П о н о м а р е в . Это хорошо. Вы должны рассказать об этом в ООН. И, наконец, я хочу подчеркнуть, что во всех наших беседах с арабами, особенно с президентом Ал-Асадом, мы излагали необходимость справедливого и комплексного решения палестинской проблемы, Мы официально заявляли о своей позиции в формальных переговорах, через партию и народные организации. Недавно мы образовали Комитет дружбы и солидарности с палестинским народом. Когда вьетнамский народ боролся против США, мы образовали такой же комитет солидарности с ним. Вьетнам, как вы знаете, победил, и мы надеемся, что придет время и вашей победы.

А р а ф а т . Что касается нас, то мы образовали Комитет солидарности с вами. Относительно вопроса товарища Громыко. Учитывая, что мы являемся жертвой, мы все же предлагали ряд возможных решений, тогда как наш враг не предложил ни одного. Мы говорим: демократическое государство, в котором будут жить и евреи и арабы. Они (израильяне) говорят: это означает уничтожение государства Израиль.

В 1974 г. мы заявили, что создадим палестинское государство на всех землях, которые либо будут освобождены, либо возвращены Израилем. Это наше право. Статья 1 плана раздела Палестины говорит: палестинское государство и Израиль. Комитет в Лозанне указал на две проблемы: возвращение беженцев и признание палестинского государства. Израильяне говорят: палестинское государство станет коммунистическим и будет стремиться к уничтожению Израиля. Когда было опубликовано совместное американо-советское коммюнике (имеется в виду заявление Вэнса-Громыко от 1-2 октября 1977 г.), мы сообщили о своей согласии с ним. А что предложила другая сторона? Я могу спросить делегатов ООН: что они предлагают? Они предлагают нам выйти из ООП! Я уже говорил, что военное нападение на нас в 1978 г. — это ад, который надвигался на нас с юга; а возьмите направ-

ленное против нас преступление под названием "Кэмп-Дэвид"!

Г р о м ы к о . В советско-американском коммюнике упоминается и женеvская конвенция и права палестинцев. Что же касается коммюнике, о котором вы спрашиваете, то оно не нашло своего отражения в практических действиях. Если бы оно реализовалось, то обстоятельства были бы более благоприятны. Но я не намерен оказывать на вас давление и требовать ответа на этот вопрос.

А р а ф а т . ООП не имеет никаких сомнений по этому поводу.

Г р о м ы к о . Товарищ Арафат, мы тут подработали совместную резолюцию. Ознакомьтесь с ней, и, если нет возражений, просим подписать.

Публикация подготовлена И.Левковым

БИБЛИОТЕКА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ВРЕМЯ И МЫ"

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД

СУДЬБА СОВЕТСКИХ ПЕРЕБЕЖЧИКОВ

ЭТО КНИГА О ПОБЕГЕ НА ЗАПАД ВИДНЫХ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ, ПАРТИЙНЫХ РАБОТНИКОВ И ДИПЛОМАТОВ (ИГНАТИЯ РЕЙССА, ВАЛЬТЕРА КРИВИЦКОГО, ГРИГОРИЯ БЕСЕДОВСКОГО, ГЕОРГИЯ АГАБЕКОВА, АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА, БОРИСА БАЖАНОВА И ДР.), О ИХ СТРЕМЛЕНИИ ОТКРЫТЬ ЗАПАДУ ГЛАЗА НА СТАЛИНСКУЮ РОССИЮ, О ИХ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ЗАПАДНЫМИ РАЗВЕДКАМИ, О ПРОИСКАХ СОВЕТСКОЙ АГЕНТУРЫ В ЕВРОПЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ.

КНИГА РАССКАЗЫВАЕТ, КАК ЗЛОВЕЩАЯ ТЕНЬ РАСПРАВЫ НЕОТСТУПНО ПРЕСЛЕДУЕТ КАЖДОГО СОВЕТСКОГО ПЕРЕБЕЖЧИКА. РАНО ИЛИ ПОЗДНО РУКА СОВЕТСКОЙ ПОЛИЦИИ НАСТИГАЕТ ОДНИХ. И ПЕРЕД ВЕЧНОЙ УГРОЗОЙ РАСПРАВЫ ДО ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ ЖИЗНИ ЖИВУТ ДРУГИЕ.

ГОРДОН БРУК-ШЕФЕРД — ИЗВЕСТНЫЙ АНГЛИЙСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ПУБЛИЦИСТ — ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЮ ДО СИХ ПОР НЕИЗВЕСТНУЮ, УНИКАЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ, СОБРАННУЮ ИМ ВО МНОГИХ СТРАНАХ МИРА ВО ВРЕМЯ РАБОТЫ НАД КНИГОЙ.

КНИГА ПЕРЕЖИЛА НЕСКОЛЬКО ИЗДАНИЙ, ПЕРЕВЕДЕНА НА МНОГИЕ ЯЗЫКИ МИРА И СЕЙЧАС ВПЕРВЫЕ ВЫШЛА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Цена книги — 15 долларов.

Заказы и чеки высылать по адресу: Time and We

475 Fifth ave, room 511 - A

New York, New York, 10017

БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ

Глава тринадцатая

ЧЕЛОВЕК ПРОШЛОГО

Александр ЯКОВЛЕВ

— Итак, гражданка, вы утверждаете, что бомбу вы передали человеку в прорезиненном пальто и серой кепке?

— Да.

— Что вы можете сказать о его наружности? Молод он, стар?

— Ему не больше тридцати пяти лет. Он красивый. Возле носа — вот здесь — у него бородавка. На мочке правого уха я заметила рубец. Усы кольцами. Когда он встретил меня в порту, в петлице у него была хризантема.

И с чисто женской точностью Ленка Вздох рассказала о своей встрече с неизвестным человеком.

Начальник ЗУРа посмотрел на своего соседа, сидевшего с ним рядом, справа.

Сосед (это был начальник милиции Корт) кивнул слегка головой.

— Гражданка, вам придется подождать здесь, — сказал Мишин, начальник ЗУРа.

Он позвонил. Дверь бесшумно отворилась, и усатый мили-

Copyright by Silver Age Publishers. Роман печатается с сокращениями. Публикацию подготовил Г.Поляк. Полностью выйдет в изд-ве "Серебряный век".

Окончание. Начало в № 79

ционер в красной шапке вырос на пороге. Начальник ЗУРа приказал:

— Уведите гражданку в номер седьмой.

Ленка Вздох вышла, провожаемая милиционером.

Когда дверь опять затворилась, Корт нервно поднялся и, повернув голову вправо, к шкафу, стоявшему у стены, спросил:

— Ну, что вы скажете по этому поводу?

Из-за шкафа вышел Куковеров.

— Мы должны сейчас же его захватить. У вас все готово?

— Все подготовлено, как приказали вы.

Была уже густая ночь, когда отряд милиционеров и агентов уголовного розыска — все на велосипедах, с карабинами за плечами — примчался на угол Шоссейной улицы и Крутого тупика.

Измученный двумя страшными днями и бессонной ночью, город спал. Спали даже сторожа-обыватели, выбранные из каждого квартала "на случай пожара".

На углу отряд уже поджидали Корт, Куковеров и начальник ЗУРа, приехавшие на автомобиле за две минуты перед этим. Все делалось быстро и молча, оставив автомобили и велосипеды здесь, на углу, под охраной двух милиционеров, отряд двинулся по тротуарам Крутого тупика. Никто не курил, никто не разговаривал, Все шли осторожно, стараясь ступать как можно тише. Куковеров был впереди. В конце тупика от ворот последнего дома отделилась темная фигура, подошла к Куковерову. Куковеров шепотом коротко и быстро что-то спросил. Тот, темный, ответил. И через минуту милиционеры и агенты, разделившись группами в три человека, начали окружать дом,

Это был обыкновенный обывательский дом — двухэтажный. Дом уже спал. Только во втором этаже чуть светились три крайних окна, занавешенные плотными занавесками, Милиционеры, со страхом посматривая на освещенные окна, держали карабины наготове. Куковеров, начальник ЗУРа, Корт и тот темный, что дожидался у ворот, вошли во двор, потом со двора по узкой крутой лестнице стали подниматься во второй этаж. Трое рослых милиционеров их провожали. Круглые пятна света от электрических ручных фонариков освещали ступени. Шагов не было слышно. Только деревянная лестница скрипела и кряхтела под тяжестью тяжелых

ног, будто жаловалась. На верхней площадке, перед дверью, все остановились. Пятно белого света проползло по двери. На двери засветился эмалевый номер "4". Под номером, на пол-аршина ниже, серело круглое пятно звонка со словами: "Просят повернуть!" Корт сам взялся за ручку звонка. Все замерли. Фонарики погасли. Корт позвонил — два долгих звонка и три коротких. Где-то далеко за дверью зародились шаги, ближе-ближе, — и вот остановились у двери. Загремела дверная цепочка, и дверь широко отворилась. На пороге стоял молодой высокий малый — в рубашке без пояса. Свет хлынул из двери на площадку лестницы, множество рук протянулись к малому, схватили его за руки, за плечи. Кто-то накинул ему на голову шинель, пытаясь заткнуть рот. Малый рванулся и успел закричать.

Куковеров и Корт бросились во внутренние комнаты. Дверь из передней была заперта. Кто-то там, внутри, перепуганный криком и топотом, торопливо бегал. Там упал стул. Начальник ЗУРа подsunул под дверь ломик с загнутым концом в виде лопатки, дверь затрещала и с грохотом упала внутрь комнаты. Где-то далеко за второй дверью зазвенели стекла, и в тот же момент на улице ахнул выстрел и раздались крики: "Держи! Держи!"

— Корт, скорей организуйте погоню! — приказал Куковеров.

Корт бросился назад к выходу.

Начальник ЗУРа обежал все три комнаты. Комнаты были пусты.

— Ушел! — сказал он и яростно выругался.

Куковеров нагнулся над столом,

— А это что за чертовщина? — услышал он вдруг сердитый голос позади себя.

Он оглянулся. Начальник ЗУРа показал ему на столик, что был в углу комнаты. На столике рядами стояли продолговатые деревянные коробки с крышками. Куковеров, держа листок в руках, подошел к столу. Крышки коробок были просверлены мелким буравчиком во многих местах,

— Надо вскрыть! — отрывисто сказал Куковеров.

— Тимошенко, вскрой коробки! — крикнул начальник ЗУРа.

Здоровенный милиционер подошел к столу и нерешительно протянул руки к крайней коробке.

— Ну, боишься? — крикнул начальник ЗУРа.

Милиционер открыл коробку. Все трое глянули внутрь. В коробке лежали куски изъеденной бумаги и дерева. Мелкие червячки ползали по ним. Куковеров взял один кусочек бумаги, подошел к свету. На бумаге была плесень — мельчайшие грибки. Очевидно, это был корм для червячков; острый запах шел от бумаги. Открыли второй ящик, третий, четвертый. Везде были червячки.

Милиционер открыл последнюю коробку. Несколько золотистых бабочек вылетели из коробки и закружились по комнате. Все трое с минуту молча следили за их полетом,

— Странно, — сказал начальник ЗУРа, — в такое время человек занимается разведением бабочек.

В это время милиционеры ввели в комнату малого, что открыл им дверь. Милиционеры держали его за руки. Заметив бабочек, летающих по комнате, малый вдруг остановился, уперся, и на лице его мелькнул ужас. В тот же момент гардина над крайним окном вспыхнула ярким пламенем. Куковеров и милиционеры бросились тушить ее. Вдруг соседняя комната осветилась ярким светом,

— Пожар! — заорал голос на улице.

В комнатах все заметались. Гардины над окнами, портьеры на дверях, одеяло на кровати горели одновременно. Куковеров бросился к выходу. Милиционеры поспешно потащили за ним малого. Начальник ЗУРа выпрыгнул из окна. На площадке лестницы малый вдруг рванулся, оттолкнул милиционеров и скакнул по лестнице вниз, налету сбил с ног Куковерова и скрылся во дворе. Милиционеры, грохоча сапогами, побежали за ним. По двору бегали полуодетые люди — жильцы нижнего этажа. Из всех окон выбивало пламя. В ближайшей церкви зазвонил набат.

* * *

В восемь утра резкий телефонный звонок разбудил Куковерова. Он поспешно вскочил и, как был в одних носках, пошел к аппарату.

— Слушаю. Да. Кто? Степан Федорович Горбачев? Чем он занимается? Учитель? Какие сведения о нем? Ага! Через двадцать минут я буду у вас. Арестовать Струка?! Что вы! Это погубит все дело!

Учителя Горбачева допрашивал следователь по особым делам в присутствии Корта и начальника ЗУРа.

Горбачев, — чернобородый, лысый, — был похож на разбойника, и, только присмотревшись, можно было заметить: он уже так устал от жизни, что уже ни на что решительное и смелое не способен.

— Сколько лет вы живете здесь? — спросил его следователь.

— Я родился здесь, — ответил Горбачев звучным голосом, каким обычно говорят учителя. — Я уезжал только лет на пять во время войны. А с двадцатого года опять живу безвыездно.

— Участвовали вы в революционном движении 1905 года?

— Да. Я был максималистом.

— Вы, конечно, помните, что Златогорск двадцать лет тому назад горел так же, как горит сейчас?

— Конечно, помню,

— У нас есть сведения, что вас подозревали в поджогах.

— Это верно. Я был арестован по этому поводу. Меня некоторое время держали в тюрьме.

— Скажите, была ли почва для обвинения вас в поджоге?

Горбачев смутился.

— Как сказать... да, пожалуй, почва некоторая была.

— Расскажите нам откровенно, что вы знаете о тех поджогах и о вашем участии в них.

Горбачев опустил голову и некоторое время сидел молча, раздумывая.

— Мне тогда было шестнадцать лет. Я учился в местной учительской семинарии. Мы, ученики, все были захвачены революционным движением. Каждый состоял в партии. У нас были социал-демократы и социалисты-революционеры.

— Но поджоги, поджоги! — нетерпеливо спросил Корт.

— Поджоги? Поджоги были потом.

— Когда потом?

— Приблизительно через полгода. Сначала у нас было восстание. Мы, конечно, принимали в нем самое горячее участие. Потом победила реакция. Мы вдруг увидели, что наши мечты о социальном перевороте рушатся. И вот тогда к нам приехал странный делегат, якобы от московских максималистов. Он говорил нам: "Революция не удалась, потому что обыватель спит. Надо внести смуту в его жизнь. Он тогда проснется! — Как внести смуту? — Вышибать его из конуры, сжечь эту конуру, сделать его бездомным пролетарием, он тогда забунтует, и тогда смерть правительству и буржуям. — Нам,

мальчишкам, эта мысль понравилась чрезвычайно, и мы решили действовать. В мае шестого года в ветреную ночь, мы подожгли соляные амбары на берегу реки. Мы думали: сейчас соберется на пожар народ, мы произнесем зажигательные речи, народ бросится на полицию, на казаков, которых в то время в городе было очень много, и революция победит. Когда начался пожар и сбежался народ, — я, замаскированный, начал призывать к восстанию. Обыватели сначала слушали. Потом кто-то заорал: "Вот он, поджигатель!" И я едва спасся. Тогда сгорело несколько кварталов. Утром мы увидели весь ужас своего дела. Мы тотчас решили, что сделали ошибку. Мы изгнали от себя московского "делегата".

— И пожары прекратились?

— О, нет! Пожары как раз запылали с особенной силой. Для всех было ясно, что кто-то поджигает город. Мы подозревали, что тут действует "делегат".

— Кто это "мы"?

— Мы — максималисты.

— Вас много было?

— Только трое... Между прочим, горели и другие города. Большой город Сызрань, например, сгорел от поджогов в течение двух дней.

— А слышали ли вы в то время фамилию Струка?

Горбачев подумал.

— Как будто... слышал. Но не могу припомнить, при каких обстоятельствах.

— Что же вы думаете о теперешних пожарах? — нетерпеливо спросил Корт.

— Я убежден, что теперь действуют какие-то недалекие люди; вроде нас, мальчиков. Мы тогда действовали во имя революции, а теперь действуют во имя контрреволюции. Методы и подходы одинаковы. Я думаю, что и теперь за спинами глупых поджигателей есть какой-то "делегат" — таинственное лицо, которому очень выгодно, чтобы Златогорск горел.

— Виноват, а кто входил тогда в вашу организацию максималистов?

— Вы хотите знать фамилии?

— Да.

— Вот я входил.

— А кто был студент, так смутивший вас?

— Студент... фамилия его Куковеров. Учился в Москве.

— Теперь вы не знаете, где он?

— Не знаю.

— Посмотрите, вот этот гражданин вам не знаком?

Следователь показал рукой вправо. Горбачев оглянулся и вдруг начал медленно подниматься. Глаза у него стали круглыми.

— Это... это ты... это ты, Александр? — спросил он.

Куковеров быстро подошел к нему.

Глава четырнадцатая

ВЫПАВШЕЕ ЗВЕНО

Борис ЛАВРЕНЕВ

Куковеров схватил допрашиваемого за плечо.

— Не валяйте дурака, гражданин. Это вам не поможет. Во-первых, я не Александр, а Борис, а во-вторых, вы меня никогда раньше не видали. Бросьте комедии.

Горбачев осунулся в кресло, побледнев, и растерянно огляделся.

— Извините, мне нехорошо. Голова кружится.

Корт налил воды в стакан и поднес к губам Горбачева. Горбачев пил медленно, и было слышно, как постукивают о стекло его зубы. Выпив, он закрыл глаза, провел по лбу рукой и сказал:

— Я совсем не притворяюсь и не хочу ломать комедии. Я бы мог поклясться, что этот гражданин тот самый Саша Куковеров, который приезжал из Москвы в нашу организацию максималистов, как делегат центра.

— Что за чепуха? — вскрикнул озлившийся Корт.

Но Куковеров остановил его, Лицо Куковерова как-то все подтянулось, как подтягивается перед последним прыжком крупный хищный зверь. Все напряжение казалось, сосредоточилось в сжатых губах и в колючей внимательности взгляда.

— Вы оправились? — спросил он Горбачева, — можете отвечать на вопросы?

— Да.

— Скажите, и вы точно помните, что фамилия этого студента была Куковеров? Вы не путаете? Вспомните, пожалуйста, как можно тщательней и спокойней.

Горбачев подумал одно мгновение.

— Нет, разве можно забыть фамилию человека, который причинил столько тревог и волнений. Я ее до смерти не забуду.

— И это, по-вашему, был я?

Горбачев поднял голову и долго, неотрывно смотрел в лицо инженера. Наконец, медленно и с раздумьем сказал:

— Конечно, прошло почти двадцать лет. Вы, то есть тот студент, были совсем мальчиком, но все же, когда я вас увидел, я сразу узнал. Вот почему я так и кинулся к вам.

— Любопытно, — бросил Куковеров, оборачиваясь к недоумевающему Карту и следователю, — или невероятное совпадение и сходство, или невероятная... Впрочем, это неважно. Скажите, а вы не помните случайно, кроме вас, этот студент... Куковеров ни с кем не встречался в городе?

Горбачев сморщил брови.

— Вот вы спрашивали меня о Струке, — обратился он к следователю, — и я сказал, что слышал эту фамилию, но не могу сразу вспомнить где. А теперь припоминаю, что Куковеров упоминал о нем, как о каком-то своем родственнике.

Куковеров наклонился ближе к Горбачеву.

— Так, так, — протянул он и быстро спросил: — а вы сами, кроме фамилии Горбачева, не носили никаких фамилий?

Горбачев мгновенно метнул взглядом в напряженное лицо инженера.

— Нет, — сказал он возмущенно, — что за вопрос?

— А вот что, — крикнул Куковеров выпрямляясь, и выбросил руку к бороде Горбачева. Пальцы вцепились в бороду, рванули, и перед допрашивавшими предстало лишенное привязных украшений голое и испитое лицо.

— Ах, — вскрикнул Корт.

— Держи... стой, — заорал Куковеров.

Но было поздно. Вскочивший человек с неожиданной силой опрокинул тяжелый стол на Куковерова, следователя и начальника ЗУРа. Перепрыгнув через них, он молниеносным

ударом сбил с ног схватившегося за кобуру Корта, и, прыгнув на подоконник, скатился в сад с высоты второго этажа.

— Немедленно в погоню. Оцепите весь сад конными. Он не уйдет.

Агенты бросились вон. Но Куковеров, вскочивший на ноги, остановил их.

— Не нужно. Черт с ним, пусть бежит. Толку мало, если и поймает. Нам нужно найти настоящего Горбачева, если только они не увезли его, как Берлогу, или не ухлопали.

* * *

После странной встречи на дороге Берлога откинулся на сиденье мчащегося автомобиля в полном изнеможении. Перед глазами у него плясали искры, во рту пересохло, в висках словно разыгрывал фугу рояль.

Черт возьми, — подумал репортер, — пожалуй, пока я сидел в этом треклятом сумасшедшем доме, я и сам слегка свихнулся. Действительно, я видел на дороге двойника моего соседа, или мне это почудилось?

Но сейчас же он вспомнил, что автомобиль в самом деле останавливался, едва не налетев на стоящего посреди дороги человека.

Берлога покосился на Куковерова. Куковеров сидел спокойно и смотрел в сторону, рассматривая дорогу с бесечным любопытством туриста. Мимо автомобиля проносились зеленеющие городские выпасы. По ним бродили разноцветные раскормленные коровы, и пастушонки с восхищением глазели на одичало мчащуюся машину. Впереди уже виднелись в пыльном облаке низкие постройки Стругалевки.

Машина перелетела горбатый мостик над ручьем, резко взяла вправо. Куковеров подался вперед и что-то не по-русски сказал шоферу.

Автомобиль понесся еще быстрее. Берлога тревожно взглянул на спутника и хотел сказать, что по правилам городского движения быстрота свыше пятнадцати километров в черте города воспрещается, но не успел.

Куковеров неожиданно схватил его за шиворот и сорвал с сиденья. Берлога, пискнув, свалился на дно машины, Куковеров прижал его левой рукой, а правой сунул ему в нос маленький браунинг.

— Лежите смирно. Если вы пошевелитесь, я разможжу

вашу идиотскую башку. Вы в моей власти. За шумом глушителя никто не услышит вашей смерти, — проревел он, перекивая грохотанье мотора.

Берлога только жалобно закатил глаза. Обилие впечатлений начало надоедать ему. Оно стало слишком обильным даже для присяжного репортера.

— Хорошо бы съесть яичницы с ветчиной и поспать на хорошей кровати хоть часик, — подумал он, жестоко страдая от толчков.

Вскоре автомобиль замедлил ход. Лежа на бобрике, покрывавшем пол машины. Берлога вскользь заметил, как над его головой пронесся высокий каменный столб ворот. "Фиат" вильнул еще раз вправо, потом влево и стал, пытая от тяжелого бега.

Куковеров толкнул репортера ногой.

— Вставайте, сто дьяволов вам в зубы! Приехали. Мало вам было сумасшедшего дома — получите еще.

Берлога поднялся. Автомобиль стоял у крыльца небольшого одноэтажного домика, похожего на английский коттедж. Дом имел нежилой вид.

— Чья-нибудь дача, — подумал репортер, разминая смятое тело. — Только странно, что я ее никогда не видел раньше.

Вылезая из машины, спросил Куковерова, отвечая на ранее сказанную им фразу:

— А почему вы думаете, что мне мало сумасшедшего дома? Я, кажется, не жаловался на скуку.

Куковеров пропустил иронию мимо ушей и молча показал Берлоге на дверь.

Репортер вздернул плечами и, поднявшись на крыльцо, толкнул филенку.

В передней его охватил пряный и приятный запах сухой сосны и мха, знакомый и уютный запах всех деревянных домов. В передней было пусто. Никакой мебели, ничего, что указывало бы на обитаемость дома. Вошедший за ним Куковеров открыл перед ним дверь, ведущую во внутренние комнаты. Они тоже были пусты.

Со двора слышался шум отъезжающего "Фиата". Берлога поглядел на амфиладу* пустых комнат и повернулся к Куковерову.

— Собственно, если вы хотите меня ухлопать, — сказал он вежливо, — то я не понимаю, зачем вам утруждать себя хожде-

нием по пустым комнатам? Я думаю, здесь гораздо удобней. Здесь полутемно, а это дает полуприятную возможность не видеть крови. Говорят, вид крови неприятно действует даже на привычного убийцу. Я читал об этом в ленинградской вечерней "Красной Газете". Там всегда масса ненужных, но интересных сведений.

Куковеров усмехнулся.

— Убивать вас никто не собирается, но я нахожу, что вы слишком разговорчивы даже для газетчика. Марш!

Берлога засвистал и, заложив руки в карманы, пошел вперед. Пройдя четыре комнаты, он вступил в пятую и ахнул от удивления. Комната была несомненно жилой, — больше, она была комфортабельной, даже роскошной. Кожаный английский кабинет, два шкафа с книгами, мягкий и пушистый хорасанский ковер. Окно, выходившее на липовую аллею, было, впрочем, заделано частой решеткой, и это немного ухудшало впечатление от этого приятного уголка, особенно для Берлоги. Но все же он с особым удовольствием отметил громадный и широкий кожаный диван.

От вида дивана на измученную душу Берлоги снизошло вдруг ясное спокойствие. Он потянулся и спросил Куковерова.

— А как насчет квартплаты? За ваш счет? И вообще, на сколько времени я получаю эту жилплощадь?

Куковеров, прищурясь, посмотрел на репортера.

— Это будет зависеть от вас. Если вы согласитесь написать под мою диктовку письмо Куковерову, вы можете уйти отсюда очень скоро.

Ноги репортера подкосились, и он шлепнулся на вожделенный диван, широко распылив рот и глаза.

— Письмо Куковерову? Да разве вы... не Куковеров?

— Не совсем, — ответил собеседник.

— Значит... значит мне не померещилось, что я видел там на дороге другого вас, то есть другого Куковерова, то есть нет... тьфу, наконец, да кто же здесь настоящий во всей этой истории?

Второй Куковеров помолчал, озирая Берлогу как будто с сожалением.

— Запомните себе, что в этом мире нет ничего настоящего, Все зависит от вашего собственного представления о мире. Вы поймете это, если читали Шопенгауэра, — сказал он наконец.

*Амфилада. Ни в Большом Орфографическом Словаре Ожегова, ни в интернете слово *амфилада* не встретилось. (Д.Т.)

— К чертовой матери Шопенгауэра! Я хочу спать, — огрызнулся Берлога. — Иначе я действительно сойду с ума.

— Вы можете спать, сколько вам угодно, Но раньше мне нужно узнать, согласны вы написать письмо Куковерову?

— Какое? — спросил репортер, истерически зевая.

— Очень простое. Вы пригласите Куковерова к себе на свидание. Вы напишете ему, что вы захвачены злоумышленниками, но что вам удалось найти способ сообщить о себе, что вы просите Куковерова, если он хочет раскрыть причины пожаров, прийти к вам, но только одному и даже переодетому, так как за местом, где вы находитесь, следят, и малейшая неосторожность, вроде появления представителей власти, может стоить вам жизни. Вы укажете Куковерову тайный проход в ваше убежище, который вам удалось случайно узнать. Исполнив все это, вы получите свободу. Если откажетесь — я запру эту дверь на ключ и лет через десять вас откапает здесь какой-нибудь археолог.

Несмотря на усталость и молоточащий треск в голове, Берлога с репортерской быстротой сообразил положение.

— Я вовсе не хочу еще попасть в музей в качестве экспоната машинного века, — ответил он. — Я согласен писать все, что вам угодно. В конце концов, — прибавил репортер с ядовитой иронией, — мне совершенно безразлично: писать или не писать. Я ведь не имею даже чести знать, кто из вас жулик, а кто порядочный человек, и что вообще вам от меня нужно.

— Вы обладаете здравым смыслом, — обронил второй Куковеров, — садитесь и пишите.

Берлога медленно и распушенно сел за стол. Но нервы его напряглись и приготовились к действию.

— Итак, — сказал собеседник, придвигая бумагу и чернильницу и наклонившись вплотную к Берлоге. Берлога чуть скопился в сторону собеседника и, быстро вскинув руки, с силой опустил их на голову второго Куковерова. Голова сразмаху хряснула носом и зубами о край стола. Берлога хватил по ней вторично. Человек застонал и сунулся под стол. Берлога вцепился ему в горло. Услышав затихающий хрип, снял руки и огляделся. Сорвав с окна портьеру, он закатал в нее полузадушенного и завязал шнурами. Взгляд репортера пробежал по дивану. Он поднялся, подошел и приподнял сиденье. С трудом подняв тело, он запихал его в ящик и опустил крышку.

Глупо и нервно захохотав, сказал:

— Тебе мало было автомобиля — получай еще.

Прислушался. Ничего. Только звенящая тишина нежилых комнат.

Ступая на цыпочках и вздрагивая при каждом скрипе половиц, он вышел в переднюю и осторожно приоткрыл дверь.

Перед ним лежал поросший бурьяном пустырь. За ним бежала пыльная полоса шоссе, а вдали виднелось море и белый маяк на молу. За маяком, уткнувшись носом в берег, лежал на боку большой пароход. Над ним подымался узкий столб вялого дыма. Это был сгоревший прошлой ночью нефтяник.

Берлога вздохнул, подтянул брюки и во весь дух пустился бежать по направлению к городу,

* * *

Да бросьте вы убиваться, — сказал Куковеров начальнику угрозыска Мишину, все еще немогшему успокоиться после промаха по убежавшему лже-Горбачеву. — Повторяю, он нам совершенно безразличен. Он проиграл игру. Лишь бы найти настоящего Горбачева. Ясно, что он может дать чрезвычайно важные показания, раз его так предусмотрительно поспешили подменить. А пока нужно еще раз допросить ту девушку, которая передала на пароход бомбу. Едем в Допр.

Куковеров, следователь и начальник угрозыска вышли на улицу.

Они подозвали извозчика и поехали по направлению к дому предварительного заключения.

Ленка Вздох понуро сидела в камере. Ленка Вздох мучилась. Мучилась от двух причин. Первая — угрызения совести за невольное, но тяжкое преступление. Вторая — жалость, что не удалось провести жаркую ночь с сероглазым рулевым "Коммунара" Васькой Корчагиным. И Ленка Вздох сама не могла определить, что мучило ее больше.

Она приподняла встрепанную голову и поглядела фиолетовыми глазами в узкое оконце, глубоко утонувшее в саженной стене камеры. Дрогнув, зябко повела спиной.

— Расстреляют меня, небось, за такое дело, — подумалось со страхом, холодящим концы пальцев. — Не видать мне больше ни бела света, ни Петьки, ни Васеньки, ни Андрюшки. Загубила моя молодость по пустому, и пожить всласть не успела.

Ленка оборонила голову в колени и заплакала. Плакала она долго и истово, и за плачем не сразу услышала, как ворочается ключ в замке камерной, бронированной двери. Обернулась только на оклик коридорного надзирателя.

— Гражданка! Встаньте. К вам товарищ следователь,

Ленка стремительно вскочила и вытерла рукавом зареванные глаза. На лице ее сразу появилась профессиональная кокетливая улыбка, и она поклонилась вошедшему следователю, многозначительно заиграв зрачками.

Следователь положил на стол свой портфель и обратился к надзирателю:

— Вы пока выйдите, товарищ. Мне нужно допросить обвиняемую наедине.

Надзиратель исчез.

Следователь придвинул табурет и сел спиной к окну. Указал Ленке на постель.

— Садитесь.

— Спасибо. Я и постою, — ответила Ленка, снова блеснув глазами.

— Я, видите, пришел к вам, как друг. Нам понятно, что вы случайный человек, и ваше участие в преступлении не доказывает злой воли. Я думаю, что после моего допроса вы выйдете на свободу.

Ленка громко и радостно вздохнула и подалась к следователю.

— Да неужто? — сказала она, улыбнувшись, и стиснула руки на груди.

Следователь уперся в ее руки странным взглядом.

— Какие у вас красивые руки, — сказал он после недолгой паузы.

Ленка обрадовалась,

— Я сама их всегда маникюрю. Кавалеры любят, чтоб руки хорошие были.

— Очень приятные руки, — повторил следователь и, придвинувшись, погладил Ленкину кожу от кисти к локтю.

Ленка застыдилась и игриво потупилась. Следователь еще придвинулся и взял Ленку за талию,

— Очаровательная девочка, — протянул он, заглядывая в Ленкины глаза, — прямо стыдно такую в тюрьме держать. Надо вас выпустить.

— Выпустите, сделайте милость, товарищ, Ей-ей, не вино-

вата. По глупости, — попросила Ленка, прижимаясь боком к следователю. Прием был испытанный, и Ленка почувствовала, что он подействовал.

— А что мне за это будет? — спросил следователь, щурясь, как ласковый кот.

Ленка взглянула на него,

— Только отпустите. А уж на всю жизнь вам удовольствие сделаю, товарищ. Вовек меня не забудете.

Следователь, засмеявшись, примял Ленкин бок.

— Хороша штучка. Ну, ладно. Помни же уговор. Сегодня выпустим.

Он встал.

— До вечера еще просидишь, пока я бумагу на освобождение пришлю. А чтоб не скучно было — вот тебе угощение.

Он порылся в портфеле и вытащил плоскую коробку, перевязанную цветной ленточкой.

Крепко, особенно, — Ленка в совершенстве знала этот мужской прием, — пожал ей руку и вышел из камеры. Ключ щелкнул. Ленка посмотрела с сожалением на дверь, уселась снова на постель и, развязав ленточку, открыла коробку.

И едва сняла крышку, из коробки с легким шелестом вылетело несколько желтых с синим бабочек. Они взвились к потолку. Ленка в ошеломлении смотрела на их бесшумное порхание.

Вдруг одна бабочка резко опустилась и села на Ленкино плечо. Ленка бессознательно взмахнула рукой, чтобы поймать ее и с недоуменным ужасом почувствовала на щеке ожог и увидела мелькнувшее пламя. С криком вскочила, но бабочки одна за другой садились на ее платье.

Платье вспыхнуло в нескольких местах.

Ленка пронзительно закричала и стала бить руками по пламени, но оно не гасло, а разгоралось сильнее. Ослепленная огнем и обожженная, Ленка кинулась к двери и своим заколотила в нее кулаками. Пламя жгло все нестерпимее, и Ленка повалилась, ударившись головой о дверь. Она пылала уже с головы до ног.

Она выпадала из игры, как вспыхнувшее от свечки звено бумажной цепи, украшающей рождественскую елку.

Глава пятнадцатая

**ИТОГИ И
ПЕРСПЕКТИВЫ***Константин ФЕДИН*

Извозчик осадил лошадь у мрачного здания.

В воротах, гудевших звоном железа, Корт и Куковеров столкнулись с начальником Допра.

— Товарищ Корт...

Начальник Допра скосил глаза на Куковерова. Корт поймал его взгляд.

— Познакомьтесь... Товарищ Куковеров, мой новый следователь.

— Очень рад!

Куковеров на секунду задержал в своей руке жесткую и холодную, как дверная щеколда, ладонь начальника Допра.

— Нам по спешному, — озабоченно заявил Корт, — пожалуйста, проведите нас к подследственной заключенной по прозвищу Ленка Вздых...

— Ого! Должно быть, важная птица, — многозначительно проговорил начальник, — следователи, можно сказать, заявляются к ней пачками...

— Простите, как вы сказали?

— Вот сейчас только к Ленке Вздых прошел следователь...

— Следователь?..

Корт и Куковеров переглянулись.

— Проведите нас немедленно туда!

— По-моему, это... тот самый Горбачев, — задыхаясь, прошептал Корт Куковерову...

— Увидим... сейчас увидим...

Они вбежали в коридор; их встретил женский крик, глухо раздававшийся где-то в переплетках коридора.

— Но-но! Не дури! — прикрикнул далекий часовой, и эхо раскрошило слова, точно со всех концов все часовые в один голос сказали: "Но-но! Не дури!"

Куковеров толкнул Корта к стенке, почти беззвучно, на цыпочках побежал вперед и скрылся за поворотом.

...Человек с портфелем вздрогнул, услышав крик Ленки.

— А-а! Ч-черт! — заторопилась...

Съежившись, он юркнул в сторону, и вдруг перед ним мелькнуло лицо Куковерова.

Человек с портфелем, перехватив дыхание, прилип к стене, Куковеров торопливо оглянулся...

— Бежим! Там заперто, — прошипел он в лицо незнакомцу, — живо!

Человек с портфелем облегченно вздохнул:

— Уф! А я думал, вы — настоящий!..

Оба бесшумно побежали.

— Где журналист? — шепнул незнакомец Куковерову...

— Берлога?! — Куковеров искусно щелкнул пальцами. Это было похоже не то на поворот ключа, не то на выстрел револьвера.

Тридцать, сорок, пятьдесят шагов.

Каменная лесенка уходила вниз. Из-под двери выбивалась полоска света.

До лесенки пять, три, одна сажень... Вдруг Куковеров пружинится и, мгновенно выбросив вперед правую ногу, туго толкает опередившего его незнакомца каблуком в спину.

Тот с криком падает на каменный пол. Тело, которому толчок добавочно увеличил скорость, скользит вперед по острым ступеням, и, наваливаясь на него, тяжело подминает его под себя, катится вместе с ним Куковеров,

— Корт, скорее! Я держу его! Держу! — кричит он.

Но его крик тонет в отчаянном, страшном призыве недвижных стен:

— Спасите! Отоприте! Горим!

Однако Корт уже стоит рядом с Куковеровым. В его руке наган.

— Пустите, Куковеров, теперь я не промажу!..

Куковеров сполз с противника. Тот мешковато перевалился на бок.

— Этот "следователь" может нам очень пригодиться, — нехотя сказал Куковеров, отводя в сторону руку Корта.

Они вгляделись в незнакомца. Он лежал, уронив спутанные волосы на ступеньку. И из-под них, освещенная полоской света, медленно ползла пенистая, беловато-розовая струйка.

* * *

Выписка из протокола:

"...При убитом неизвестном не обнаружено ничего, кроме пустого черного шагренового портфеля. Предполагавшееся ранее тождество убитого с лицом, назвавшим себя Горбачевым и скрывшимся, не могло быть установлено. Тело помещено в мертвецкую при тюремной больнице...

...Подследственная Елена Авдеевна Тычкина, по прозвищу Ленка Вздох, скончалась от тяжких ожогов всего тела. В камере сгорела обстановка и обуглилась дверь. На железной кровати обнаружена закопченная плоская асбестовая коробка, в числе личных вещей заключенной, дотоле не значившаяся...

...Подследственные Андрей Варнавин и Лука Иванович Иванов, по прозвищу Петька Козырь, во время имевшего место пожара, скрылись в неизвестном направлении".

Придя к Струку, Куковеров был удивлен тем, что его встретил не тупой и, как известно, затейливо расчесанный парень, а дрожащий и согбенный управляющий, господин бывший барон Менгден. Господин бывший барон помог Куковерову снять пальто.

— На службу, Борис Самойлович? — шепотком спросил Менгден.

— Да. А что?

— Хе-хе-хе!.. Не реквизирую ли я у вас две-три минутки на одно чрезвычайно бодрящее развлечение? Мой бывший патрон...

— А кто ваш бывший патрон?

Менгден отвел глаза в сторону.

— Злые языки говорят, что я... кхе! кхе!.. креатура бывшего посла Бахметьева. На самом деле — я протеже генерала Лебаб.

— Генерал Лебаб?

— Вы его не знаете? О, это известный гебраист. Правда, — Менгден понизил голос, — он начал с пустяков... с маленьких соляных спекуляций. Потом поймал судьбу за хвост, прошел в генералы и стал гебраистом...

— А вы что при нем делали?

— Я? Разве вы не знаете — я же гомеопат. Мой генерал с детства страдал зеленой отрыжкой... До крика...

— К чему вы это ведете? — спросил Куковеров.

— Кхе-кхе! Мой бывший патрон собирал открытки, и когда... я хочу показать...

— Что? Открытки? — крикнул Куковеров. — Сами смотрите ваши открытки!

Менгден захлопал глазами и присел.

Куковеров помчался в свою рабочую комнату.

— Месье Куковеров, — окликнула его лиловая княгиня. — Я прочитала в газете сенсационную вещь: ее высочество потеряла на балу свой бриллиантовый аграф.

Куковеров уставился на лиловую княгиню,

— Какое высочество? — мрачно спросил он.

— Ее высочество.

— Ее?

— Да, потеряла аграф... какой ужас!

— Действительно, ужас, — откидывая со лба слипшиеся волосы, пробормотал Куковеров. — Где же вы это прочли?

Лиловые букли княгини Абамелек-Лазаревой обиженно тряхнулись.

— В газете, я же говорю, — в газете!

— Если я не ошибаюсь, это — "Новое Время"? Прошу почтительно извинить меня, но у вас газета 1914 года.

— У всякой порядочной газеты дата проставлена старым стилем.

— Что??

— Я говорю, старым стилем. 1914 год, по старому стилю, 1927 год — по новому. Что же тут не понять-то, государь мой?

Княгиня вытащила из ридикюля коробочку мятных лепешек и предложила лакомство Куковерову.

Он поклонился и прошел в свой кабинет.

— Какой идиот доставил Струку таких безнадежных кретинов? Неужели для отвода глаз? И что это за ахиня с Бахметьевым и Лебабом? Впрочем...

Тут взгляд Куковерова упал на стол, и он заметил, что каждая бумажка, каждая вещичка лежат в неприкосновенном порядке, как он положил их, уходя от Струка.

— Что бы это могло означать? Слежка прекращена? Или было недосуг? Если так, то...

Куковеров закрыл глаза и, как на экране, вспыхивая в крупных планах молниеносного монтажа, перед ним замелькали лица обитателей струковского дома. Выплыло обрюзгшее лицо Струка, на мгновение повисли липовые букли кня-

гини Абамелек-Лазаревой, похотливо захихикал барон Менгден, проволочился неуклюжий и, как известно, затейливо расчесанный парень, вопросительным знаком мелькнула мисс Элита, и вот — разом освобождаясь от сомнений, точно зная, какую карту вытащить из колоды, — Куковеров подводит итог и делает резкое резюме.

— Это парень!

Парня нет... беспорядка нет... барон Менгден — в швейцарах... кончено...

* * *

Берлога вскочил и осмотрелся.

Герой, если он вообще герой — лапидарен и смел. Каждый его шаг — событие, каждое слово — тезис.

Куда идти? Погибла целая ночь. Вырвавшись из коттеджа и побежав в город, Берлога в изнеможении упал на песок и проспал до утра. Нельзя было терять ни минуты.

Острый голод — хороший рулевой.

Резолюция: в квартиру Мигунова, милого Варнавия Мигунова! К огнедышащей, роскошной Ефросинии!

Ефросинья! Этот опыт, откованный на шестке, это олицетворение соусов и маринадов! Она стоит, прислонившись к косяку, и с умилением смотрит, как исчезают в пасти Берлоги жирные куски бифштекса. Она решается заговорить, когда вздох облегчения вылетает из потрудившейся глотки Берлоги.

— А вас тут с полчаса назад барышня какая-то спрашивала...

— Что же вы мне раньше не сказали? — взревел Берлога. — Где она?

— Хорошо, что не сказала! Убегли бы голодешенек, а ведь...

— Где-е она-а!

— Барышня-то? Славная, можно сказать, барышня, из теперешних. Поговорила, значит, о вас и прийти наказывала...

— Прийти? Куда?

— Да в это самое, как его? "Бюльве", что ли, гостиница, в 23-й номер как будто...

Берлога был уже за дверью. Колючими пальцами он взъерошил лохмы волос и обтянул их кепкой, выхваченной на ходу из кармана.

Портье гостиницы "Бельвю" не успел открыть рта, чтобы предложить этому дикому человеку снять его невозможное клетчатое пальто и вытереть ноги.

Берлога взлетел по лестнице в бельэтаж, скользнул по голубой дорожке коридора, в каком-то тумане нажал ручку двери № 23, забыв даже постучать, и разом провалился в комнату, в два ярких окна, в насмешливо-сияющие глаза... мисс Элиты Струк, в просторечьи Дины Каменецкой, киноактрисы, личной секретарши и внучки таинственного Струка.

— Добрый день, Берлога! — тихо сказала женщина и спрыгнула с дивана навстречу оторопевшему журналисту. Он неловко пожал ей руку.

Итак, я не могла дольше выносить. Роль содержанки была мне отвратительна. Я бежала от наших режиссеров и попала через Менгдена к Струку. Я сумела прибрать его к рукам, но это было не то: он оставался сильнее меня. Он мог запереть меня, мог заморить голодом. Впрочем, он не мог решиться на одно — выгнать меня. Я уже была ему опасна. Мы согласились на вооруженный мир, причем я каждый час боялась за свою жизнь: им нужно было избавиться от меня, и они сделали такую попытку, послав меня на границу, якобы ждать там какого-то человека. Моим побуждением было выполнить поручение Струка, но — в вашу пользу, то есть вернуться к вам. Перед отъездом меня решили проверить. Заметьте: никаких личных объяснений, — я не знаю, кто мной руководит. Обычно я получала приказания по почте или по телефону. Испытанием для меня были вы, — лишение вас свободы. Утром я получила письменный приказ, днем — разговор по телефону, — меня провоцируют...

— Я знаю этот разговор, — коротко сказал Берлога.

— Знаете? Тем лучше. Ну вот. Я посадила вас в сумасшедший дом и сама уехала. За свое возвращение я выговорила вашу жизнь.

— Да, но у меня ее хотели отобрать, — вставил Берлога.

— Нет сомнения. Под Минском было совершено нападение на дилижанс, выехавший незадолго до меня. Была убита девушка... страшно на меня похожая, я видела ее... то есть... убитую, и немедленно бежала. Я поняла характер моей командировки.

— Вы врете, — грубо сказал Берлога и заходил по комнате. — Что за совпадение? Я ни секунды не верю в "убитую, страшно на меня похожую девушку"! Никаких случайностей! Вы! Вот в чем вопрос! Кто вы сами? Авантюристка? Преступница? Психопатка? Сфинкс?

— Элита съежилась и внезапно жалобно, как обиженный ребенок, заплакала.

— Берлога!.. Берло-женька!!! Да я и есть та самая убитая девушка, я только... чуть-чуть передернула!

— Что за черт! Вы считаете меня ду-раком? Н-ну, знаете...

Элита быстро встала и расстегнула платье на своем узеньком плече. Повернувшись к Берлоге, она показала ему длинный, чуть зарубцевавшийся шрам на левой лопатке.

— Думаете... мне приятно показывать эту гадость?.. — говорила она через силу.

— Что это? Кто? — забормотал Берлога, вспыхнув и потянувшись к Элите, точно желая закрыть чем-нибудь ее плечо.

— Берлога, — грустно сказала Элита, — я знаю, что не могу рассчитывать на ваше доверие. Может быть, вам надо... ощупать этот безобразный рубец? Пожалуйста! Боже мой! Делайте, что хотите, я умоляю вас! — голос ее сорвался и перешел в отрывистый шепот, — делайте, что хотите, но я больше не могу! Я прошу вас! Берлога! Меня погубят, меня убьют, Берлога!.. Я сама наделала ошибок. Но я не виновата, Берлога. Эти противные лапы, которые тянулись за мной, за моей душой, за моим... Я сопротивлялась, меня запугивали, меня гнали, и под конец, как негодной собаке, как опасной, строптивой твари — нож в спину!.. Берлога!..

Дина Каменецкая приближается к журналисту, кладет ему на плечи свои руки, заглядывает в глаза.

— Берлога! Мои славный, рыжий, веснушчатый грубиян! Разве я не сдала всех своих преступных позиций? Разве...

Теплая волна ударила в лицо Берлоге.

Этот сухой блокнот, эта черная вездесущая автоматическая ручка, в клетчатом пальто, репортер, газетчик — разве он видел, слышал, переживал что-либо подобное?! Он чуть подался вперед и своими жесткими губами встретил пахучие, жирные от помады губы Элиты.

Тоска! Печаль! На этом месте никак нельзя замкнуть кольцо лирической американской диафрагмы... Голос скрипучий и резкий, как горящая букса, рвет сладкую концовку:

— Нет, гражданка! Вы еще не сдали всех своих преступных позиций.

В дверях стоял Куковеров.

Берлога бросился к нему.

— Вы сума сошли!

— У кого что болит, тот про то и говорит, Берлога.

— Вы — дурак!

— А вы — арестованы!

* * *

Итоги и перспективы?

Вот приходо-расходная ведомость. Арестованная Дина Каменецкая, она же Элита, тщательно изолирована в камере Допра. Камера заботливо обита асбестовым картоном.

Берлога реабилитирован. Советы и пожелания серьезного Куковерова вынудили его законсервировать внезапную, как златогорские пожары, страсть к бедной Элите. Установлен регламент его свиданий с Диной. Профилактический метод...

Затем открылись и сошлись в окончательный расход два лица.

Первое —

Человек, убитый Куковеровым и погубивший за минуту до своей смерти Ленку Вздох, был опознан Берлогой и оказался врачом сумасшедшего дома.

Второе —

Уединенный дом, в котором являл свою силу Берлога, был заботливо оцеплен милицией. Со всяческими предосторожностями прошли в кабинет. Медленно откидывается сиденье дивана, и Куковеров видит труп похожего на себя человека. Грим, вероятно, стерся с его лица во время борьбы с Берлогой. Куковеров с секунду всматривается в лицо трупа, потом неторопливо сдирает ненужные более усы с губы мертвеца, и новое, несомненное сходство проступает полностью.

Затейливо расчесанный парень, простофиля и шляпа — швейцар и дворник Струковского особняка!

Враг хитрый, ловкий, организованный, начинал сдавать свои позиции. Но — как жалко! — мертвые молчат, мертвые всегда молчат.

С трудом Берлога узнает свою жертву, лишенную грима — человека, с которым он не так давно мчался в автомобиле. Счет сведен.

Да, счет сведен, но не пора ли увеличивать итоги? Ведь дело № 1057 спрятано где-то Ленкой? Почему погибла она? Не дикий ли бред — эта история с бабочками? Где Горбачев? Фальшивый ли, настоящий — где он? Где оба Горбачева, наконец? Где человек с бородавкой и шрамом на мочке уха?

Где, где они?!

Н. ЛЯШКО

Глава шестнадцатая

САРОЧКА МЕБЕЛЬ

Ваня фомичев совершил поступок, поразивший многие трезвые головы. Особенно ошеломлен был златогорский проповедник вольной любви, бывший мистик, ныне неврастеник и какой-то сверх-коммунист-индивидуалист, а по-нашему — просто "ист". Он позеленел от удивления, окутался туманом тайны и сказал:

— Не верю! Чтоб живой комсомолец, футболист, да так поступил? Это клевета на молодежь! Не верю!

И пусть не верит. Началось все с того, что Ваня прочитал в заводском клубе свою пьесу. Не ахти какая пьеса вышла у него, но драмкружок клуба ухватился за нее, долго репетировал, готовился. За два дня до спектакля один из актеров вывихнул ногу, и Ване пришлось заменить его.

На сцене он очутился в роли своего собственного героя-красноармейца, парня добродушного. Роль его невесты играла бывшая делопроизводительница союза металлистов Сарочка Мебель.

В конце пьесы действие разворачивалось так: город окружили, белые, герой-красноармеец отступил с полком, белые заняли город, в дом невесты красноармейца ворвался офицер, девушка понравилась ему, он начал увиваться за нею и давать волю рукам и губам... Насилие уже готово было встать в ряд бывших до него бесчисленных насилий. Но затрещали пулеметы, зацокали копыта, взрыв, — и на пороге красноармеец, т.е. Ваня. Он вырвал из рук насильника невесту, т.е. Сарочку Мебель. Он обнял ее и прижал к себе крепко, по-настоящему, как винтовку, и заговорил так, как надо было говорить, — вопреки пьесе и злomu шипенью суфлера.

Сарочка тоже волновалась, но была в миллионе верст от мысли, будто Ваня не жених ее, а олицетворение свободы и

мести всех угнетенных. Наоборот, — она чувствовала, что Ваня обнимает ее, единственную, и обнимает так, как никто не обнимал, так, как она не мечтала.

Роду она была древнего и богатого. Папаша ее, Самуил Мебель, при царе имел в Златогорске мельницу, дом, семью и несколько гнездышек на стороне. Доканала его национализация. Он плакал, дергая большую бороду и твердил:

— Кто я теперь? Кто теперь хозяин на земле? Скажите, чтоб я так жил... Или не моя мельница кормила вас?

Улицы молчали, люди отмалчивались, только Ленин шурился с дверей комитетов, комиссий, совещаний.

Старик отводил ненавидящий взгляд и скулил яростнее, семейка подскуливала ему, а Сарочка, — о, она такая умная! — она не скулила.

Бегала, бегала и выбегала местечко, и не где-нибудь — в союзе металлистов. А от тоски начала в клуб ходить, в драмкружок вошла. А тут ее жизнь опять по спине. И чем? Комсомольцем, молотобойцем Ваней Фомичевым. Начала Сарочка встреч с Ваней искать, — нет его: то на собрании, то в кружке. Два раза письмами приглашала его чай пить, о пьесе потолковать. Ваня не пришел, не ответил.

В ночь, когда на море горела нефть, Ваня дежурил у склада моделей. Через город перелетали багровые сполохи и бились о стекла и крыши. По двору и за цехами метались тени столбов, будок и труб.

— Товарищ Фомичев, какое несчастье, ужасное несчастье! Здравствуйте. Я положительно не могу успокоиться. И вы, вижу, извелись. Идемте отсюда. В такие минуты так поражает бессилие...

Сарочка пылко рассказала, где была, когда начался пожар, как кинулась в гавань, как ей перехватило дыхание. Потом запнулась и шепнула:

— Почему вы на мои письма не ответили?

Ваня поехал было, но тут же тряхнул головой и отрезал:

— Не пара мы с вами, товарищ Мебель, чтоб переписываться.

Сарочка возмущенно вскинула "живой мрамор" плеч:

— Стыдитесь, товарищ Фомичев! Разве совласть не уравняла нас? Разве мы не равноправны с вами? Я не пара вам, это верно. Ну, кто я? А вы, — вы талантливы. Ваша пьеса... она положительно даровита... в ней...

Сарочка говорила с чувством и незаметно управляла Ваней. Они уже шли по окраине, из прорезаемой вспышками нефти тьмы на них глядела чернота степи, забеленная вдалеке фонарями завода.

— В общем, стыдно сказать, устала я, ох, как устала. Давайте отдохнем вот тут...

Сарочка указала в темноту, и там, у косых ворот, как бы выросла скамейка. Надо садиться.

Ваня мялся, не зная, что сказать. Она взяла его руку, положила на себя, и он ощутил пальцами тепло плотного овала руки выше локтя.

— Слышите? — шепнула Сарочка. — Меня это положительно из себя выводит. Так хочется поговорить, а эта противная дрожь... Вы понимаете меня?

Ваня дакнул, отстранил руку, но Сарочка задержала ее:

— Нет, не отнимайте, прошу вас... Может быть, я так успокоюсь.

Ваня перекосил рот. — "Чего она крутит?" — и заговорил о пожарах, о том, что его и Величко выбрали на съезд, что он заедет в Москву, увидит там златогорских ребят и Ленина в мавзолее. Сарочка соглашалась, одобряла, а когда он умолк, подалась к нему и резко поймала другую руку:

— Давайте силами меряться. Подниму я вас или нет? Вот давайте...

— Да что вы, товарищ Мебель, постойте, — запротестовал Ваня, но Сарочка обхватила его руками и, всхрипев, задышала в щеку: — Нет, нет, боюсь, что не подниму... Вы такой сильный...

Сарочка обняла Ваню, прижала его к своему боку, хищно вжала в свои губы Ванин рот и как-то чудно провела языком по его губам. Это ожгло Ваню. В руки его ринулась жадная цепкость, глаза ослепли, уши заткнул шум крови. Он уже припал к Сарочке и летел с нею в туман.

Но вдруг он ощутил, что рядом огонь. Земля под ногами внезапно стала золотой, мрак прыгнул с нее к горизонту, и ослепленный Ваня, как днем, увидел и завод, и рабочий поселок. "Опять пожар?" Не успел он понять, в какой части города горит, как из ближайшей улицы с похожим на заливчатый лай набатом донеслись крики:

— А-а-а! Держи!

Ване представилось, что он сейчас увидит бегущую Сарочку,

но вместо нее из улицы выбежал мужчина и метнулся в степь. Полы его не то пальто, не то плаща развевались, падавшая от него на багровую землю огромная тень, казалось, подвывала набату. Он подпрыгивал и за ручку, на отлете, держал небольшой ящик. Ваня ринулся ему наперерез.

Затихающее дымное пожарище гнало на степь толпы теней. Убегавший пропадал в них, но Ваня вновь и вновь находил его: "Врешь, догоню". Ему уже рисовалось, как с завода выбегут дежурные, как убегающий метнется назад, на него, как он схватит его, поведет в контору завода, вызовет ЗУР и сдаст:

— Нат, черти полосатые.

Убегавший, должно быть, тоже рисовал себе, как Ваня сдаст его агентам ЗУРа, и неожиданно повернул к задней стороне завода. Ваня в ярости поднял подвернувшийся под ногу камень, закричал: "Стой! Стой!" — кинул его и попал в ящик.

Ящик зарокотал, оглушающе охнул, и Ваню швырнуло назад. Кружась, он хватался за землю и, теряя сознание, похолодел: в воздухе кружилось пальто убежавшего, из-под пальто роями выпархивали ослепительные огни, неслись на угол заводского забора и тот ярко, как бумага, вспыхнул.

...Очнулся Ваня на ворохе бурьяна. Угол забора будто скосило. Рабочие, сверкая в свете зари лопатами, выкапывали обгоревшие столбы и вкапывали новые. Рядом, посвистывая носом, спал милиционер.

— Завод-то уцелел, товарищ снегирь? — хлопнул его по плечу Ваня.

Испуганный милиционер забормотал что-то, но Ваня не слушал его и недоумевающе пучил глаза: перед ним лежало то самое прорезиненное пальто, которое после взрыва ящика кружилось в воздухе. Он сдернул его с бурьяна, метнулся к рабочим, но милиционер задержал его:

— Куда? Стой!!

На шум подошли рабочие, и Ваня, вырываясь из рук милиционера, спросил:

— А где тот, что в этом пальте был?

— Да это ж пальто твое!

— Мое?

Ваня покраснел, заговорил о том, что было с ним ночью, замахал руками, но Клим Величко дернул его сзади за пиджак и оборвал:

— Заткни балалайку, едят тебя мухи!

Из-за земли молодым светом брызнуло солнце. Рабочие, прикрывая глаза, глядели на удаляющихся Ваню, милиционера и качали головами:

— Ну-ну, дела-а-а.

Глава семнадцатая

БАБОЧКИ

Алексей ТОЛСТОЙ

Боже ты мой, чего только не наворотили шестнадцать авторов! У читателя голова кругом идет. "Сбились! — думает он, — завязли, засыпались, сами уж не знают, как распутать сумасшедшую историю с пожарами, бабочками, переодеваниями, двойниками, убийствами, прыжками в окно..." и так далее.

Например: при чем в этой истории. Пантелеймон Иванович Кулаков? Или — кто такой на самом деле Струк? Для каких адских замыслов привлечена к делу несчастная актриса Дина Каменецкая, она же Элита, она же?.. Много, очень много неясного. Что знает паралитик Иван Иванович Кулаков, попавший за свое знание в сумасшедший дом? Какие его отношения были к погибшей Ленке Вздох? О чем совещались за коньячком Пантелеймон Кулаков и Струк? О чем говорили они с Ленкой?

Кто такой Куковеров (настоящий), выдвинувшийся как будто на первый план в романе? Или что это за таинственная, неуловимая личность (в прорезиненном пальто), со рваным ухом и зверским подбородком? Уж не в нем ли главный центр романа? Не он ли говорил с Элитой Струк по телефону из редакции "Красного Златогорья"? Не он ли, намяв бока Берлоге и лишив его самого дорого на свете, — самопишущего пера, — засадил его посредством какой-то еще не вскрытой интриги в сумасшедший дом к Ивану Кулакову и несчастному Варвию?

А самое главное, — бабочки? Пожары? Цель их?..

Фу ты, черт! Тысячи неразрешенных вопросов. Иного читателя возьмет сомнение (и ничего с ним не поделаешь)... "Постойте, голубчики (то есть, авторы романа), уж не дурачите ли вы попросту друг друга и меня в том числе?..

Нет, читатель, успокойся и отложи сомнения. Верь, — ни одна мелочь в этом романе не сказана зря или брошена и не поднята. Все будет приведено в порядок, все события и лица разовьются в великолепную закономерность. Все тайны будут разрешены, узлы развязаны.

* * *

— Вот, тов. Мишин, телеграмма, — сказал Куковеров, подавая начальнику ЗУРа шифр, — в Москве чрезвычайно серьезно смотрят на златогорские пожары. Поворот к этому делу произошел недавно, — причиной была одна заметочка в нью-йоркской газете.

— Что именно?

— Покуда я принужден молчать. Так вот, следствие по этому делу поручено мне, и вы и весь следственный аппарат передается в мое распоряжение.

Собрав складки лба, Мишин прочел шифр. Холодные глаза его скользнули на секунду по лицу Куковерова. Он коротко кивнул головой:

— Хорошо. Ваши распоряжения?

Куковеров вынул блокнот.

— Приняты меры к разысканию Петьки Козыря и Андрея Варнавина?

— Приняты. Их ищут на Стругапевке. Посланы телеграммы на все железнодорожные узлы.

— Был обыск в трактире "Венеция"?

— Был. Обыскана сверху донизу комната, которую занимала Ленка Вздох. Есть данные, что за час до обыска туда проник кто-то через подполье, отодрав половицу. Ни белья, ни дела № 1057 не обнаружено.

— Слежка за домом Пантелеймона Кулакова продолжается, я надеюсь?

— Да. Ничего нового. В вечер, когда была подожжена баржа, Кулаков скрылся. Домашние его, видимо, не посвящены в дело. Передачи между ними и Кулаковым нет. Мы допросили цыган из табора, где, по нашим сведениям, кутил Кулаков, допрошены официанты в ресторанах и загородных садах.

Обнаружилось, что никаких кутежей у Кулакова не было. Правда, он занимал кабинеты, спрашивал вино, иногда звал хор... Но все это были ширмы. Кутежей не было. Под видом гостей приходили люди, с которыми он совещался.

— Очень ценные данные, — сказал Куковеров задумчиво, — очень ценные. Я так и предполагал, что кутежей не было. Был страх, вечный страх у этого человека, доходящий до паники. Хорошо. Что Варвий Мигунов?

— Выпущен из больницы под домашнее наблюдение. Все попытки пробудить в нем память ни к чему не привели.

— Иван Кулаков?

— Безнадежен. Он содержался в отдельной палате, и, видимо, по ночам с ним что-то делали. Служители рассказывают, что каждый раз под утро на него приходилось надевать смирительную рубашку, — так он кричал и бился. Его мозг совершенно помрачен. Когда мы допрашивали больничный персонал, выяснилось, что, кроме старшего врача, сообщника поджигателей, была еще приходящая сестра. Она три раза в неделю оставалась на ночь с Кулаковым. В день убийства врача она скрылась.

— Старуха с большим носом?

— О носе сведений нет, — Мишин улыбнулся, — но старая, 63 года, Марья Митрофановна Брыкина по документам.

— Превосходно, превосходно, — Куковеров шибко потер руки, — Брыкина, она же...

Мишин, как кот на мышь, уставился на Куковерова, готовый проглотить это "она же". Но Куковеров захлопнул блокнот, куда записывал сведения. Закурил. Взял телефонную трубку. Жуя папироску, нетерпеливо сморщился:

— Пожалуйста номер... Благодарю... Княгиня? Это я, Куковеров. Прошу извиниться за меня перед Струком, — я опоздаю на час. По его же делу. Кстати, передайте, что вышла неприятность. Мне сообщили в "Белью", что внезапно арестована мисс Элита... Что? Барышня, нас разъединили...

Усмехаясь, он положил трубку. Встал.

— Еду в Допр к мисс Элите. Попробуем поговорить. Но я начинаю опасаться, что поторопился с ее арестом. Этого именно им было и нужно, чтобы Элита раскаялась и наивно откровенничала со следователем.

В высокое окошечко тюремной камеры бил солнечный луч. Элита, лежа на койке, на животе, подперев кулачками щеки, глядела на луч, где плясали пылинки.

Когда загремел дверной засов и в камеру вошел Куковеров, приятно улыбаясь. Элита не пошевелилась, покосилась. Он сел на табурет и тоже принялся разглядывать пылинки. После долгого молчания Элита спросила настороженно:

— Ну?

— Мисс Элита, я пришел за двумя, тремя сведениями, чисто техническими... Вы не откажетесь... Хотя...

Элита сказала:

— Вы подозреваете меня черт знает в чем, я знаю. Я Берлоге, чудному моему Берлоге, сказала и вам повторяю: конечно, виновата, не скрываю... Сама в руки далась... Втянули в какую-то кошмарную историю... Обещали миллионы, удочерили... И всякая на моем бы месте на это пошла: старому черту жить недолго. Конечно, я не дура, понимаю, — хорош отец, сладострастник, слюнявый... И вот, пожалуйста, тюрьма... Не забываете, все-таки я — американская подданная... Чем я в самом деле виновата... что я о многом догадывалась...

Элита чуточку перевела дыхание, словно ожидая, что Куковеров сейчас же подхватит: "А о чем, мол, вы догадывались?" Но он продолжал глядеть на пылинки в луче. Тогда она сердито вытащила откуда-то из-под себя носовой платок, притомпонила им хорошенький носик.

— Зарезать меня хотели, как овцу, — не удалось. Я знаю, у меня здесь один есть друг... душечка моя, Берлога. — Она хныкнула и опять покосилась. — А махинации старого черта очень просто открываются. Он хочет взять в Москве концессию на постройку небоскребов, — первым делом в Златогорске... И к нему обратилась шайка — Петька Козырь, Ленка Вздох, ну, словом, компания из Стругалевки. И они стали грозиться, что сожгут его особняк, потому что они отчаянные хулиганы. И он дал им денег, чтобы они не жгли. А они так поняли, что можно кругом все жечь и грабить, и за это их наградят...

"Ох, ловка девчонка, — думал Куковеров, и сердце его прыгало от радости, — притворяется дурой и как осторожно топит Струка, красота!.. Ну-ка, теперь — вопросик..."

— Мисс Струк, я все же не могу поверить, чтобы мистер Струк сознательно поддерживал эту шайку... Такой почтенный господин...

— А что вы думали, — конечно, мошенник, но на редкость осторожный...

"Топит, топит, значит, старик, видимо, не виновен", — отмечал Куковеров.

— Скажите, мисс Струк, насколько известно, американские предприятия мистера Струка ликвидированы, превращены в капитал и находятся в одном из американских банков. В Россию переведена сравнительно небольшая наличность? (Элита посмотрела на него темными глазами, не ответила, пожала плечом)... Скажем проще: вам желательно как можно скорее вступить в наследство капиталом приемного отца?..

— Да... (настороженно, затем простодушно). А что вы думали, я какая-нибудь идеалистка?..

— Скажите, мисс, — когда у вас в особняке был Берлога, вы, кажется, воткнули ему в петлицу лиловый цветок с очень сильным запахом. Был такой факт?

— Не помню... Мало ли я кому дарю цветы...

— Не вспомните название этого цветка? Не была ли это тропическая орхидея, так называемая "Ночная смерть", не знаю, как по-латыни... Не удивляйтесь, что я спрашиваю. Я сам большой любитель...

— Слушайте, — сказала Элита, — что вы дурака валяете!.. Ведь все равно — ничего не скажу. Ни на одном вопросе меня не собьете.

— Если бы даже, — Куковеров встал и сейчас же раскаялся: слишком дешевый прием, — если бы даже я спросил вас о гражданине со рваным ухом...

Но это само вылетело. И, разумеется, Элита, не задерживаясь, легко, как по маслу, ответила:

— У меня у самой резаная спина, очень меня интересуют ваши рваные уши...

* * *

Когда внутри человека работает мотор в сто двадцать лошадиных сил, — трудно сидеть в продолжении двух с половиной часов неподвижно в тишине лаборатории, на стуле у окошка, держа на коленях портфель, блокнот, чернильный карандаш (ах, хорошо было самопишущее перо!) и шапку.

Берлога рассматривал гербарии в стеклянных ящиках на стенах, препараты в банках, где в лиловатом спирту лежали чудовищные пауки, кольца змей, какие-то зародыши, порожденные, казалось, бредовой фантазией. Прозрачные, как мыльные пузыри, реторты, медные приборы, микроскопы, из-

мерители, стеклянные шкафы в стене, где гудели газовые горелки и варилось, парилось какое-то снадобье, — все это приводило Берлогу в почтительное изумление.

Высокая, очень тонкая девушка в белом халате, в белой косыночке, повязанной очипком — профессор Валентина Афанасьевна Озерова (про нее еще недавно Берлога писал в "Красном Златогорье": "Восходящая звезда советской науки, профессор биологии, будущий академик, и при этом — 26 лет, и красива, как утренняя заря"), — работала в глубине этой тихой лаборатории. Она то подходила и наклонялась над микроскопом, то включала рубильник, и тогда мягко взывало динамо, соединенное с каким-то очень сложным прибором.

Валентина Афанасьевна, казалось, совсем забыла про Берлогу. Ее красивое лицо было спокойно и сосредоточенно. Она работала над крылышком таинственной бабочки, доставленным ей два дня тому назад.

Крылышко было, как крылышко, огненно-желтого цвета с лиловой каемкой. И хотя Берлога принес его с величайшими предосторожностями, в жестяной коробке от монпасье, никаких необычных реакций оно не возбуждало. Химическое и микроскопическое исследования показали обычный состав крыла насекомого — клетчатка, пыльца и прочее.

Любопытные данные дал спектральный анализ. Им было обнаружено присутствие остатков какого-то легко распадающегося вещества. Оно давало три линии в зеленой, одну в оранжевой и одну в фиолетовой части спектра. Вот тогда-то Валентина Афанасьевна и замолчала, перестав отвечать на робкие — шепотком — вопросы Берлоги, судорожно сжимавшего чернильный карандаш.

Микроскопические доли таинственного вещества были извлечены (вместе с пылью), и Валентина Афанасьевна подвергла его действию переменных токов, очень высокого напряжения. Но по-прежнему, — в спектре оставались те же линии. Она увеличила вольтаж. Помещала пыльцу в вакуум с высокой температурой. Было только одно — несомненное возмущение катодных лучей, но вещество оставалось неизменным, никакая химическая реакция на него не действовала. Валентина Афанасьевна выключила рубильник. Подошла к окну и задумчиво глядела на лужайку парка.

Деревья уже покрылись золотом, багровел клен, осыпалась темная листва с каштанов. Над осенними астрами клумбы

толклись две запоздалые зелено-желтенькие бабочки-капустницы. "Баба, баба и видно, — с отчаянием думал Берлога, — бросила все к чертям, любитесь на бабочек, изволите ли видеть". Он даже зубами скрипнул.

— Скорее, послушайте, как вас, бегите, прыгайте в окно, — неожиданно крикнула Валентина Афанасьевна, и вся покрылась румянцем. Берлога, не рассуждая, рванулся к окну, раскрыл, прыгнул в сад, упал, встал, обернулся с раскрытым ртом. Валентина Афанасьевна топала ногой от нетерпения:

— Ловите, да скорее же! Слепой вы, не видите, вон они. Да бабочки же, капустницы...

Тогда Берлога припустился на длинных ногах по лужайке, размахивая шляпой, гоняясь за бабочкой. Валентина Афанасьевна кричала:

— Не задавите. Мне живую нужно.

Может быть, никогда еще не был так гениален Берлога, как в это осеннее утро. Он перепрыгивал через кусты, проносился по клумбам, подскакивал на высоту, немыслимую для нормального человека. И бабочку живую поймал. Подал ее Валентине Афанасьевне.

Тогда произошло то именно, чего она и ожидала. На крыло бабочки насыпаны были остатки пыльцы. Бабочка помещена под спектроскопом. Берлоге приказано считать секунды. (Он удивлялся потом, как не лопнуло сердце от этого ожидания.)

И вот, в свинцовой коробке, где помещена была бабочка, что-то с треском вспыхнуло. Прошел еще миллиард секунд, — и Валентина Афанасьевна оторвала глаз от окуляра спектроскопа. Лицо ее, глаза — сияли так, как ни у одной девушки даже в величайший миг любовного счастья.

— Восемь линий газового спектра: линия гелия... линии эманации радия... и три линии того элемента... Того...

Она не могла говорить, положила руку на горло:

— Слушайте, как жалко, что вы ничего не понимаете... Ну, да поймите же, что я открыла новый элемент...

.....
— Ах, вы про эти пожары... Да, да, вам нужно для газетной заметки... Ну, пишите... Видимо...

— Видимо, — прошептал Берлога, полетев чернильным карандашом по блокноту.

— ...жизненная энергия бабочек в ту минуту, когда бабочка находится в полете, то есть выделяет в изобилии жизненную

энергию, производит чрезвычайно интенсивный атомный распад элемента, до сих пор нам неизвестного, а теперь известного... И, в свою очередь, эманация при распадении этого элемента разлагает азот воздуха, причем происходят выделения атомов водорода и воспламенение его... Поняли, записали?..

— Постойте, постойте, я немного запутался, тут такие слова, специальные... Валентина Афанасьевна, поедомте лучше в редакцию, у нас там сидит спец по водороду...

Глава восемнадцатая

СУМАСШЕДШИЙ ДОМ

Михаил СЛОНИМСКИЙ

Спец по водороду, он же заведующий научным отделом "Красного Златогорья", выслушав разъяснения Озеровой, сунул конец галстука в рот, пожевал задумчиво, выплюнул, многозначительно кивнул своей рыжеватой, длинной, как огурец, головой и склонился над блокнотом.

— Энергия, — бормотал он, — да... гм... А эманация?

Он с сожалением пожал плечами, перечитал исписанный листок, отложил его в сторону и придвинул блокнот профессору.

— Прошу все так же записать. Вы не беспокойтесь в смысле стилистики. Я сам потом пройду по вас карандашиком.

И он снисходительно улыбнулся.

Берлога, сдав профессорше водородному спецу, направился к редактору.

Кабинет провинциального редактора был не слишком обширен. Стол, заваленный гранками, рукописями, газетами, занимал половину комнаты. Табачный дым уходил в открытое окно. Пускал дым не один Пожидаев. Беренс, шагая от окна к двери и обратно, ожесточенно курил папиросу за папиросой.

Когда Берлога отворил дверь, он лицом к лицу столкнулся с предисполкома и на всякий случай проговорил:

— Извиняюсь.

Беренс поглядел на него невидящими глазами, повернулся и вновь зашагал по кабинету. Берлога не решился зайти к редактору: может быть, беседа с предисполкома — секретная? Он остался за дверью.

В кабинете зазвонил телефон. Берлога услышал бас Пожидаева:

— Товарищ Корт? Да, сейчас едем. С Беренсом, да.

И редактор с предисполкома прошли мимо репортера, не заметив его.

Автомобиль примчал их к ЗУРу.

Беренс был мрачен. На запросы из Москвы он не мог ответить ничего точного. Причины и цели пожаров оставались тайной. А Пожидаев, покачиваясь, мечтал. Он воображал на первой странице "Красного Златогорья" жирный заголовок: "Тайна пожаров разоблачена!" или лучше: "Конец большим пожарам! Красный петух — прочь от Златогорья!" или что-нибудь вроде.

А затем подробнейшая статья, разъясняющая все решительно: преступников, мнения общественных деятелей...

Тут Пожидаева бросило на Беренса, и только он успел стукнуться лбом о плечо приятеля, как машина накренилась на другой бок, — и Беренс навалился на редактора всей своей тяжестью. Это перед самым ЗУРом машина, рванув, взяла максимальную скорость.

— Стой! Куда? — крикнул было Беренс и замолк, чуть не откусив язык. Его так же, как и редактора, завертело на ухабах и колеях, толкало о стенки автомобиля, стучало, било.

Машина, дрожа, бешено мчалась, неизвестно куда. Машина (или шофер) сошла с ума. Проскочив мимо ЗУРа, автомобиль вылетел за город, унося в пустынные поля двух ответственных работников Златогорска.

И вдруг автомобиль замедлил ход. Теперь легче выскочить. Но автомобиль уже остановился. Сильные руки выбросили Беренса и Пожидаева на землю. Редактор, оглушенный, растерянный, был сразу же опрокинут и связан. Беренс боролся. На него навалилось четверо, но он дрался яростно и упорно. Удар сзади в затылок сбил его с ног. На миг ясный солнечный день превратился для председателя исполкома в темную ночь. А когда он, связанный уже, открыл глаза, он увидел над собой человека в прорезиненном пальто. Холеное, с прямым но-

сом, лицо этого человека было мучительно знакомым Беренсу. Где он видал эти колючие желтые глаза? Эту бородавку около левой ноздри? Шрам на мочке правого уха? Все это напоминало почему-то Беренсу запах конюшни. Конюшни? Значит, цирк? Почему цирк? Парад-алле? Где он видел это лицо?

Шофер предисполкома подошел к желтоглазому человеку. Это был тот шофер, которого месяц тому назад Беренс взял на службу, которого Беренс считал верным и честным парнем.

— Деньги на бочку! — сказал этот "честный" парень. Гони червяки!

— Сейчас, — отвечал спокойно желтоглазый, вынул из кармана своего резинового пальто револьвер и быстро (шофер только мигнуть успел) выстрелил верному парню в лицо.

— Этот нам не нужен, — объяснил он.

— Уберите его.

И обратился к Беренсу.

— Не беспокойтесь. С вами и с приятелем вашим мы так поступим только в крайнем случае.

* * *

Княгиня Абаменек-Лазарева приняла Фомичева охотно. Она усадила его на диван, сама села рядом и даже попыталась взять молотобойца за руку.

— Ах, я так люблю пролетариат! — восклицала княгиня, — ведь чистая случайность помешала мне быть лицом пролетарского происхождения, — и она вздохнула, — чистая случайность! Я так не люблю буржуазии. Буржуазия такая неприятная, капиталистическая, гнилая! Вы — председатель нашего исполкома? Не правда ли?

— Нет, — возразил Фомичев, — я златогорский рабочий. Комса.

Княгиня на миг нахмурилась. Потом снова лицо ее стало ласковым.

— И такой молодой, красивый рабочий! — воскликнула она. — Женщины вас, наверное, очень любят. Да, любая женщина с радостью отдалась бы вам! Любая!

При этом старуха так недвусмысленно подмигнула, что Фомичеву стало противно.

— Я пришел просить вас, — сказал он, — принять меня на службу сторожем, полотером — кем хотите. Жрать нечего.

Княгиня оглядела его с ног до головы.

— Нужно сначала испытать ваши способности! — многозначительно промолвила она. — Обязанности слуги в нашем доме очень сложны и утомительны. Хотите с сегодняшнего же дня?

И она ощупала бицепсы на правой руке молотобойца.

— С завтрашнего дня, — отвечал Фомичев (его чуть не стошнило от прикосновения руки княгини). — Бывайте здоровы.

И он быстро удалился, оттолкнув выскочившего навстречу барона Менгдена.

Фомичев дико хохотал всю дорогу до ближайшей пивной. Он воображал себя слугой княгини. Но он был доволен результатом своего визита. Он убедился, что сестра милосердия Брыкина, которую он выследил у сумасшедшего дома, действительно, княгиня Абамелек-Лазарева.

В пивной ему нужен был только телефон. Когда на другом конце провода отозвался Корт, Фомичев сообщил кратко:

— Предположение правильное. Она самая. А больной (он подозревал Куковерова)?

— Пришел в себя. Но очень слаб.

— Иду по условию, — отвечал Фомичев и повесил трубку.

В пивной было много народа. Поэтому, на всякий случай, Фомичев говорил с осторожностью, не называя фамилий.

Директор сумасшедшего дома без всяких споров мгновенно велел пропустить Фомичева к Ивану Кулакову по предъявленному молотобойцем документу. Это показалось Фомичеву подозрительным. Нащупав в кармане наган, он пошел след за служителем. И вот он один на один с сумасшедшим.

Иван Кулаков глядел на него пустыми неживыми глазами. Страдальческим, лишенным всяких интонаций, почти осмысленным голосом сказал:

— Оставьте меня. Я больше не могу.

Тем временем по городу из уст в уста шел потрясающий, невероятный слух о пленении предисполкома Беренса и редактора "Красного Златогорья" Пожидаева. Корт, первый установивший с точностью предательство шофера, сообщил об этом печальном событии в исполком, еще не зная, в какой форме решено будет оповестить граждан города Златогорска о постигшем несчастье. Но уже весь город говорил о гибели, именно о гибели, а не пленении Беренса и Пожидаева: многие видели сумасшедший бег исполкомского автомобиля.

Враг явно обнаглел. Враг наступал на самый центр златогорской жизни. Исполком готовил к выпуску экстренное воззвание, призывающее граждан к сохранению спокойствия. Воззвание составлял Берлога.

Фомичев ничего не подозревал. Корт ни слова не сказал ему об исчезновении предисполкома и редактора, чтобы не сбить молотобойца с толку перед исполнением ответственного поручения. Фомичев глядел на Кулакова с любопытством. Потом, нагнувшись к нему, промолвил:

— Ну, так как же — скажете?

— Оставьте меня! — взмолился паралитик. — Я не хочу быть торговцем!

— Она вас очень мучила? — спросил Фомичев.

Человеческое выражение появилось в глаза Кулакова. Он ответил тихо голосом, полным ужаса:

— Очень.

И крикнул:

— Огнемучители! Я не хочу огнемучителей!

Он замолк, потух.

Фомичев вышел из камеры, кликнул служителя. Вместо Служителя он увидел самого директора. Директор стоял в коридоре с самым равнодушным видом.

— Подслушивал! — подумал Фомичев и вспомнил, что старший врач сумасшедшего дома оказался сообщником поджигателей.

Он вынул из кармана бумагу и подал ее директору.

— Вам этого предписания достаточно? Дайте в сопровождение двух служителей. Кулаков поступает отныне в ведение ЗУРа.

Он предъявил бумагу только теперь — после свидания с паралитиком: он боялся, что Кулаков будет умерщвлен мгновенно, если не поторопиться с предъявлением требования губздравотдела, исполкома и ЗУРа.

Директор спокойно прочел бумагу.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас распоряжусь. Подождите.

И он пошел прочь.

Фомичев тихо следовал за ним, Остановился. Пошел дальше. Навстречу ему попался скромный человек с интеллигентской бородкой и в пенсне. Человек с восторгом взглянул на Фомичева.

— Как я счастлив! — воскликнул он. — Наконец-то я дождался вас. Только вам могу я раскрыть тайну!

— Какую тайну? — удивился Фомичев, не знавший, следовать ли ему за директором или оставаться с Кулаковым.

— Странно, — думал он, — Вряд ли принято пропускать здорового человека без служителей к сумасшедшему в камеру.

Человечек в песне с такой силой жал руку Фомичева, что молотобоец раздраженно оттолкнул его.

— Что вам угодно?

Сумасшедший глядел в упор на рабочего. Лицо его искривлено было неслышным внутренним смехом. Слюна текла с левого угла губ.

— Дурак, — бормотал он, — пустая голова!

И он стал тихо надвигаться на Фомичева, растопырив пальцы вытянутых вперед рук. Фомичеву стало жутко. Он бросился вслед за директором, путаясь по коридорам и комнатам. Он увидел директора на лестнице в сад. Директор смеялся, глядя вверх, в окно кулаковской камеры. Из окна шел дым. Фомичев вынул наган, прицелился...

Труп директора не докатился еще по лестнице до низу, когда Фомичев был у камеры Кулакова.

Дым застилал коридор. Желто-красное пламя рвало стены, полы, потолки. Фомичев схватил на руки паралитика и сквозь дым и пламя устремился к выходу. Он спасал человека, который хранил в своем потраченном мозгу тайну златогорских пожаров.

Восторженные крики раздавались в дыму. Это сумасшедшие радовались пожару.

— Ура!

Тонкий визг Кулакова врывался в эту ахию:

— Огнетушители! Огнемучители! Спасайте. Банда!

Фомичев вырвался в конец коридора, и тут же в дыму, разъедающем глаза и легкие, спокойный голос остановил его:

— В очередь, граждане! Куда вне очереди лезете?

Женщина средних лет стояла, загораживая проход. Человек, стоявший перед ней, обернулся и спросил строго:

— А у вас билет есть, гражданин?

— В очередь! — загалдели кругом, и Фомичев, ослепленный, полузадушенный, очутился в сумасшедшей очереди. Очередь не двигалась с места.

Фомичев отбросил Кулакова и вырвался из удерживавших его рук. Он спасал свою жизнь. Ноги сами несли его к окну. Сумасшедшие толпой бросились за ним,

— Держи вора!

Фомичев прыгнул в окно. Упал, больно зашиб ногу и руку. И сразу же несколько сумасшедших свалились на него сверху.

— Бей его!

Фомичев — молотобоец, форвард футбольной команды — не мог справиться с разъяренными, потерявшими разум людьми. Он задыхался, ожесточенно защищая свою жизнь, он боролся до тех пор, пока тяжелый каблук не ударил с силой ему в лицо. Кровь залила лицо рабочего. Новый удар в разбитое уже лицо лишил Фомичева сознания.

Пожарная команда подкатила с грохотом к сумасшедшему дому. Но деревянное строение спасти было невозможно.

Когда огонь был сбит, пожарные под одним из окон, в саду, нашли труп директора. Невдалеке лежало изуродованное тело, в котором был с трудом опознан Ванька Фомичев, приятель дяди Клима.

Глава девятнадцатая

"ЗЛАТОГОРСКАЯ, КАЧАЙ!"

Михаил ЗОЩЕНКО

Это был простой двухэтажный дом. Он ничем почти не отличался от прочих златогорских строений. Только что у ворот дома стояла будка. Да еще на стене, над окнами, висела вывеска: "Златогорская пожарная часть имени тов.Цыпулина".

От будки до угла дома ходил дежурный пожарный. Он, время от времени притопывая ногами, не от холода, но от скуки мурлыкал про себя: "Кари глазки, куда вы скрылись".

Было три часа дня.

В первом этаже в казармах было светло и тихо.

На койке у окна сидел старый пожарный Григорий Ефимович Дубинин. Вокруг него сидели, кто на чем попало, златогорские серые герои.

— А я люблю быть пожарным, — говорил Григорий Ефимович. Я тридцать пять лет на борьбе с этой стихией и от этого не устаю. А что часто меня на пожар тревожат, или, может быть, редко — это мне спать не мешает.

— Вы, Григорий Иванович, человек, как бы сказать, пожилой, — сказал молодой пожарный Вавилов. — У вас, кроме пожаров, и запросов, может, никаких не сохранилось. А нам, как бы сказать, неинтересно два раза в сутки выезжать.

— Это, действительно, верно! — подхватили другие пожарные. — Они поджигать будут, а мы им туши по два раза в сутки. Это абсурд с ихней стороны поджигать.

— Поджигать! — сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать? Это не может того быть, чтоб пожары поджигали. Это чистая абстракция — поджигать. Ну, может, неосторожное обращение с огнем. Или, опять-таки, чрезмерная топка. Но поджигать — с этим я не согласен. Это того быть не может.

— Это, Григорий Ефимович, не проверено, — сказал молодой Вавилов, — хотя, говорят, все-таки...

— Говорят! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Это к чему же поджигать, сообрази своей дырявой головой. Это кому же польза поджигать? Я, может, тридцать пять лет работаю на пожарную стихию. Действительно, верно, бывают поджоги — слов нет. В девятом году купец Великанов магазин свой поджег. А почему он магазин свой поджег? Потому он магазин свой поджег, что хотел он через это страховую сумму получить. Вот почему он свой магазин поджег. А теперь, предположим, горит дом. И страхованья, положим, на нем нету. Это к чему же его поджигать? Это чистая абстракция.

— Говорят, Григорий Ефимович, таких специальных бабочек выпускают — они и поджигают.

— Бабочек! — сказал Григорий Ефимович. — Бабочка, это — насекомая. Животная. Порхать она может, но огня она не может из себя давать. Откуда она может огня давать? Или она со спичками, думаешь, летает?

— А если, Григорий Ефимович, химическая бабочка, — неуверенно сказал Вавилов. — Если это химическая бабочка?

— Химическая бабочка? — сказал Григорий Ефимович с полным знанием дела, — это, опять-таки, я вам скажу, чистая абстракция. Химическая бабочка не может выше одного аршина подниматься.

Тут Григорий Ефимович, проработавший тридцать пять лет на борьбе со стихийными бедствиями, несколько осекся. За тридцать пять лет ему не приходилось разговаривать на такие сложные химические темы. К тому же он никогда и не слышал о химических бабочках. Он только презрительно махнул рукой, желая прекратить досадный разговор, разговор, который мог бы подорвать авторитет старого пожарного спеца.

Однако живой интерес к химическим бабочкам пересилил мелкие ощущения Григория Ефимовича.

— Ну, хорошо, ну, химическая бабочка, ладно, — сказал он равнодушно, — но, опять-таки, какая это химическая бабочка? Химическая бабочка не всегда подает огонь. Или как ты думаешь?

— Я думаю, — мечтательно сказал Вавилов, — что, может, при общем движении науки и техники какие-нибудь, может, профессора удумали какую-нибудь сложную материальную бабочку...

— Ну? — сказал Григорий Ефимович.

— Может быть, они удумали механическую бабочку, которая летит и вращается и искру из себя выпускает. Может быть, при ней вроде, как бы сказать, зажигалка такая пристроена. Искра и выпускается...

— Искра! — сердито сказал Григорий Ефимович. — Чистая абстракция. Зачем ученые профессора будут удумывать такие искры?

В это время по Златогорской улице бежал человек в расстегнутом пальто и без шапки. Человек был явно не в себе. Лицо его было бледное и испуганное.

Он добежал до пожарной части и, сильно размахивая руками, начал что-то говорить дежурному пожарному. Тот подошел к будке и нехотя стал за веревку дергать небольшой колокол.

Тотчас во втором этаже открылось окно, и супруга брендмейстера, высунувшись по пояс, спросила:

— Захарыч, горит, что ли? Где?

— Да, на Шоссейной, Елена Дмитриевна.

Во дворе уже суетились пожарные. Они бегали по двору, подтягивая руками свои широкие парусиновые штаны.

Пестрый, плотный брандмейстер, с крепкими стоячими усами, зычно кричал:

— Жива! Запрягай...

Минут не больше как через десять златогорская пожарная команда в полной боевой готовности выехала за ворота.

Впереди ехала линейка с пожарными. Несколько позади — платформа с рукавами и пожарной помпой.

Выезд был — нельзя сказать, чтоб удачный, Заднее колесо платформы делало восьмерку. И через два квартала это колесо вовсе отвалилось. Обычно это колесо всякий раз отваливалось, но, по большей части, вблизи пожара. На этот же раз, как на грех, оно отвалилось вблизи самой пожарной части.

Но тут надо отдать должное златогорским героям — колесо было изумительно быстро прилажено. И пожарная процессия снова двинулась дальше.

На Шоссейной улице уже стояла огромная толпа. Все с крайним любопытством глядели на окна второго этажа. Одно окно было разбито. И из разбитого окна валил дым. Дым валил не особенно густо. Ну примерно, как из самоварной трубы.

— Это буржуйка с третьего номера, — говорил какой-то парень» чувствуя себя героем. — В третьем номере от чрезмерной топки стена затлела. Все кончено. Потушили.

Вокруг парня стала собираться публика. Парень воодушевился и начал что-то сильно привирать.

Народ на улице собирался все гуще и гуще. Пожарные с трудом протискались к дому.

— Полундра! — восторженно кричали мальчишки. — Златогорская, качай!

Перепуганные жильцы и соседи, на всякий пожарный случай, выволокли из квартир свое барахло на улицу. И теперь сидели, каждый на своей куче, пересчитывая то и дело кастрюли и перины.

Вокруг суетились какие-то молодые люди и с жадным любопытством разглядывали домашнюю утварь.

Толпа прибывала. Все соседние улицы были забиты народом.

Старый пожарный спец Григорий Ефимович стоял на линейке и, махая рукой кричал:

— Расходися, граждане. Никакого себе пожару... Чрезмерная топка... Нетути поджога... Иди по своим делам... Тоже — химические бабочки! Говорил — чистая абстракция...

Однако, толпа не расходилась.

И уже уперли где-то подушку. По крайней мере, домашняя хозяйка истощным голосом вопила об этом происшествии.

Уже кое-где произошла давка. И кого-то помяли.

Толпа все стояла и глядела на окна второго этажа.

И можно было видеть в этой толпе всех наших, оставшихся в живых, героев. Одни, потрясенные разными событиями, стояли молча, испуганно покачивая головами, другие оживленно беседовали.

У самого злополучного дома, у ворот, стоял наш дорогой приятель, товарищ Мишин, начальник уголовного розыска. Он мрачно глядел на толпу и неопределенно пожимал плечами.

Тут же стоял Берлога. Вернее, он не стоял, он бегал с места на место. Он нырял в толпу и в толпе прислушивался к разговорам и толкам.

Вдруг в толпе, в том месте, где нырнул Берлога, раздался отчаянный вопль.

— Ложи назад! — кричал кто-то. — Вот я тебе по морде сейчас дам!

И в эту минуту Берлога, сильно потрепанный, вынырнул из толпы.

В руках его был какой-то сверток, какие-то бумаги.

Берлога дышал тяжело и прерывисто. Глаза его блуждали. Он, видимо, кого-то искал.

Сейчас, в куче домашнего скарба, на одной из перин, он случайно увидел сверток. Это был какой-то грязный, потрепанный сверток. Однако до боли знакомые цифры на нем — 1057 — потрясли Берлогу. Он схватил с перины сверток с бумагами, нырнул сквозь толпу, и теперь, прижимая бумаги к груди, стоял в некоторой неподвижности.

Но вот он увидел товарища Мишина и ринулся к нему. Он подбежал к начальнику уголовного розыска и, несколько отдышавшись, торопливо развернул бумаги. Трепет прошел по телу Берлоги. Это было украденное дело № 1057.

Глава двадцатая

**ДОШЕЛ ДО
РУЧКИ!**

Вера ИНБЕР

Фаршированная рыба (щука), кротко прильнув щекой к вареной картофелине, казалось, отдыхала от фаршированных мучений. Отец же Сарочки Мебель, старый патриархообразный папа Мебель, многоуважаемый Самуил Мебель, изучая в пятницу вечером строение рыбьего (щучьего) хвоста, думал о жизни. Он думал о том, что три магазина, которые он, приютившись под крылышком нэпа, открыл: один на свое имя, другой на имя жены, третий на имя вдового сына, что эти три магазина, говорим мы, приносят ему меньше прибылей и радостей, чем он ожидал. Особенно неорганизованно вела себя колониально-галантерейная торговля, третья по счету, где хозяйничал овдовевший Мирон Мебель.

— Я понимаю, размышлял старый Самуил, глядя в упор на фарш, как подушка из тесной наволочки, выпирающий из щучьего бока, — я допускаю, что магазин стоит не на веселом месте. Слева — кладбище, справа — бойня, в анфас — сумасшедший дом, а на горизонте пороховой склад. Такой район не улыбается. Но это же еще не причина, чтобы три месяца мариновать на складе боченок бывших королевских сельдей. Ведь это же разорение! Подсолнечное масло — так оно прогоркло, вакса высохла на мою голову, что же касается чернослива... В этом месте Самуил Мебель схватился за лысину и поник над щукой.

— Самуил, — заныл в дверях голос мадам, — Самуил, это же нельзя выдержать — то — то, то — се. То царь, то коммуна, то нет лавки, то есть лавки, то Сарочка, то Мирон!

— А что Мирон? — запросил Самуил Мебель с тревогой.

— Самуил, — снова заныла мадам Мебель, взявшись за глаз, — разве ты не видишь, что Мирон крутит?!

— Крутит? Не может быть. И все-таки с кем?

— Сиделка из сумасшедшего дома. Так он ей и миндаль, и ваниль, и кокосовые пуговицы, Самуил.

— Жаль, что не подсолнечное масло. Очень жаль.

— А чернослив, Самуил, чернослив прямо пачками!

Самуил Мебель опять ухватившись за лысину, подошел к окну. А за окном стояла ночь. Город был полон ею до краев, налит ею, как стакан — водой. Внизу, под окном, в черных, смятых и жарких кустах, вздрагивал женский голос, покашливал бас, белели руки, и алая точка папиросы висела в воздухе, как птичий глаз.

— Ты — слишишь, Самуил, — застонала мадам Мебель, — ведь это наша Сарочка с каким-то новым прохвостом. Совершенно пропала. Я ей: — Сарочка, куда ты себя так пудришь? — А она мне: — Оставьте, мамаша, это теперь в моде. Я ей; — Сарочка, смотри, как ты себя ведешь! — А она мне: — Мамаша, это теперь в моде.

— Знаете, товарищ Брындза, — ворковала в темноте невидимая Сарочка, — я живу в абсолютной пустоте. Мои родители — отрывки старого быта. Я рвусь к новой жизни, но не могу же я одна. Я тоскую. Я просто в отчаяние прихожу.

— Действительно, — сочувственно зарокотал в темноте товарищ Брындза, — так можно до ручки дойти.

— Самуил, — заволновалась наверху мадам Мебель, — что это за разговор? Может быть, он хочет на ней жениться, так ни в коем случае. Ни ручки, ни сердца, ни колониальной торговли он не получит.

— Аннета, — зашипел Самуил Мебель, — не понимаешь, так не вмешивайся. Это просто такое выражение русского народа. Но я со всеми своими делами: с Мироном, с Сарой, с сумасшедшим домом и черносливом, я-таки дойду до этой ручки, я это чувствую.

Он еще не договорил последнего слова, как черный бархат ночи стал светлеть и светлея таять. Вся комната оранжево осветилась. Вещи, выступая из мрака, как бы рождались наново. Полустолетний подсвечник на комод заиграл веселым серебром, комод помолодел, и даже фаршированная щука сверкнула золотой рыбкой.

— Кончено! — воскликнул Самуил Мебель, опускаясь в изнеможении на стул. — Опять горит. Горит. И где горит? На Водопроводной улице, у скорняка Мошковича, я вижу по расположению огня. Людям счастье. В понедельник застраховался, а в пятницу уже горит.

Тут мадам Мебель посмотрела на мужа зорко и сказала медленно:

— Людям счастье... А ты о чем думаешь? Чем ты хуже? Или ты не застрахован? А что, например, если сгорит лавка, где сидит Мирон? Кто может что-нибудь иметь против, раз это стихийное бедствие!

* * *

Благодаря коллекции пожаров Златогорск из невыразительно бледного города превратился в мировой центр, введенный на карте многозначительным кольцом. "В Златогорске пожары!" "Пожары в Златогорске!" — зарокотали в типографиях ротационные машины. Защелкали телеграфные аппараты, провода, если вслушаться, загудели в лесах и полях о том же. И радио-приемники чутко настроенным ухом подхватили и разнесли по всему свету весть о златогорских пожарах.

Изображение репортера Берлоги, случайно уловленное чьим-то объективом, пошло гулять по всем иллюстрированным еженедельникам Европы, Америки и Австралии. Подписи под ним становились все страннее, все причудливее. То это был пожарный маниак, то поджигатель, то подожженный, то сгоревший заживо, то неуязвимый для огня. Одна американская фирма, выпустив в свет новую разновидность спасательных поясов, довела до сведения публики, что только благодаря такому поясу известный писатель Берлога, друг покойного Толстого, не захлебнулся в наводненной пожарными кишками комнате. И что в самом скором времени выйдут в свет его мемуары с подробным описанием чудесного прибора.

Уже начали поговаривать о какой-то гигантской международной провокации. Керенский написал по этому поводу открытое письмо в "Руль". Таинственное судно появилось у берегов Камчатки, обстреляло рыбные промыслы и сгнуло. Дина Каменецкая получила приглашение сниматься в Голливуде с Чарли Чаплиным. Словом, шум, поднятый вокруг златогорских пожаров, был так велик, столько интернациональных интересов было затронуто в связи с ним, что личный интерес Самуила Мебель к его третьей лавке во всем этом хаосе был совершенно незаметен...

На ранней заре, когда весь город спал, Самуил Мебель вышел из дому. Он шел неторопливой походкой почтенного советского гражданина, которому не спится. Подходя по тихой кривой улочке к району боен и кладбища, он рассуждал так: "Мирона я разбужу и велю ему убираться, на чем свет стоит.

Пусть идет, куда хочет, хоть в сумасшедший дом; кстати, у него есть там готовая сиделка. А я между прочим опрокину бутылку с керосином в ящик с макаронами и полью это все подсолнечным маслом. Спички лежат тут же на полке, рядом с яичным мылом. Одна минута, чик... и готово. Я иду домой спать, а завтра Госстрах платит мне деньги. Ничего не поделаешь: стихийное бедствие настигает всех, без различия пола и возраста. Здесь все нормально: я никого и ничего не боюсь, за исключением порохового склада. Хотя он и далек от лавки, но кто его знает... Все зависит от ветра". Самуил Мебель остановился, протянул нос по ветру и задумался. Ветер был слаб, но кто его знает...

Ветер был слаб. Он благоухал зарей, свежестью, водой и травами. Он сулил удачу. Он был тепел, как мед, и сладок, как беспроегрышная лотерея. Но вдруг Самуил Мебель замер. В стаю очаровательных и неопределенных ароматов ворвался один совершенно определенный ужасный запах: запах дыма. Самуил Мебель, весь дрожа, внимательно принялся. Близость порохового склада предстала перед ним во всей своей грозной очевидности. "Дурак, дурак, — сказал самому себе старый Самуил, — как я мог думать, что этот склад на горизонте! Он тут рядом, рукой подать. Он даже гораздо ближе, чем бойни. Что будет, если взлетит весь город, а с ним вместе мои другие две лавки? Но главное, если дознаются, что я прогуливался тут утром, так этому придадут общественное значение, и я пропал. Ведь это действительно пахнет поджогом. Что делать... что делать... Дошел-таки до ручки!"

— Тесс, — зашипел внезапно у невзрачной калитки чей-то голос и продолжал шепотом: — Вы что же это, гражданин!.. Разве не видите, что человеку мешаете? Человек делом занят, а вы надвигаетесь. — И тут над калиткой воздвиглась фигура "человека" лет двенадцати, у которого вместо носа было просто небольшое возвышение из веснушек.

— Простите, тоже шепотом и необычайно сладко ответил папа Мебель. — Я вовсе не надвигаюсь. Не спится, знаете, дай, думаю, пройду по окраине города.

— Тссс, — снова зашипел "человек", — летят. Ложитесь, пригнитесь по диагонали. Летят, слышите? — И он с такой силой прихлопнул Самуила к земле, что тот невольно сел. В тишине послышался шорох, чириканье, чьи-то небольшие крылышки рассекали воздух все ближе и ближе. И все это закон-

чилося ликующим и уже вполне громким воплем восторга "человека" с веснушками: — Поймал! Два щегла и одна синица. Можете встать. Скажите, а как у вас обстоит дело с мухами?

— А что? — с осторожностью спросил Мебель, подымаясь с земли.

— Почему вас интересуют мухи, молодой человек?

— Я своих птиц мухами кормлю: питательно и дешево. То есть раньше я кормил их бабочками. От бабочек щеглы делаются гладкими и поют замечательно. Но бабочки-то пропали....

— Скажите... Так-таки пропали?

— Как в воду провалились. Думаю перейти на червей. Посмотрите, чувствуете, как дымом пахнет?

— Или я чувствую, молодой человек, — застонал Самуил Мебель, совершенно зеленый от переживаний этого ужасного утра. — Я только это и чувствую. Но дыма я не вижу.

— Сейчас мы все это устроим. Огня без дыма не бывает. Вот я только отнесу птиц, и мы разойдемся с вами в разные стороны: вы на север, я на юг. Кто первый заметит пламя, издаст павлиний крик.

— Павлиний я не умею, дорогой мой юноша. Я к этому вообще не привык.

— Пустяки, вам надо поступить в наше звено: сразу научитесь. Ну, идите на север.

Трясущийся и бледный отправился Самуил Мебель на поиски дыма. Эта тишина сонного города, одиночество, таинственное и грозное бедствие, с которым он сейчас очутится лицом к лицу — все это потрясало его. На одном из перекрестков он остановился. Отсюда он прекрасно видел все: сумасшедший дом, кладбище, бойни и страшный пороховой склад. Видел он и свою злополучную лавку. Но что это? Самуил Мебель крепко обхватил соседнее дерево и застыл. Да, да, дым шел именно из его, да, да, лавки. Да, да, дым шел именно из его лавки.

Лелеять у себя дома всяческие пожарные замыслы — это одно. Но совсем другое — увидеть густой щетинистый дым верблюжьего цвета, обильно и медленно ползущий из окна. Все показалось иным в этот миг папе Мебелю. Торговля — не такой уж бездоходной, место — не таким угрюмым и даже злополучное подсолнечное масло — менее горьким. Что де-

лать? Звать людей, бежать самому, издать павлиний крик?!.. Позвать пожарных?!.. Но они налетят, как коршуны, все затопчут, все зальют водой, а товар — вещь деликатная! Нет, надо посмотреть самому, разбудить Мирона. Может быть, можно потушить домашними средствами. А пороховой склад... Нет, надо будить людей, звать пожарных. А товар... Нет, надо сначала посмотреть самому.

И Самуил Мебель, ежеминутно теряя дыхание и вновь нисходя его где-то в глубине диафрагмы, ринулся по направлению к лавке. "А Мирон спит!" — мелькало у него в голове во время бега. Добежав до двери, он обрушился на нее всем телом. Дверь безмолствовала. С непостижимой для его возраста силой он налег на нее: она крякнула и распахнулась. Лавка была пуста. Успокоительно пахли сельди, пуговицы всех сортов глазели из-под непромытого стекла. Подле банки с мелким сахаром, на кипе оберточной бумаги, густо алело рваное пятно, сгусток черно-красной крови.

— Мирон убит, — подумал старый Самуил, и остатки седых волос зашевелились на его лысине. — Убит Мирон. Он, правда, был неважный сын и плохой коммерсант: мариновал сельди, разбазаривал чернослив и бегал в сумасшедший дом, но все же это был настоящий Мебель. И теперь, боже мой, как я скажу об этом Аннете...

Запах дыма становился все ощутительнее, все страшнее. Самуил Мебель, роняя по дороге голландский сыр и стопку мыла, ворвался в заднюю комнату, где, очевидно, лежал труп, и откуда валил дым. Мирон, совершенно живой, без пиджака, низко склонялся над примусом, над кастрюлей, где что-то всхлипывало и ворчало.

— Мирон, — изможденно воскликнул папа Мебель, — сын мой, что это значит? Почему такой дым? Ты жив?

Мирон багрово покраснел, схватился за огонь, обжег пальцы, хотел потушить примус и, очевидно, забыл, как это делается.

— Папаша, — с дрожью в голосе сказал он, — вы не думайте, честное слово, я отдам вам все до одной копейки, чтобы вы не говорили, что я вор. Я не вор, только я влюблен, папаша, как мальчик, как дитя. Делайте со мной, что хотите.

— Что? В чем дело? Смотри, у тебя что-то пригорает. Что это за стряпня в пять часов утра, когда весь город спит? И почему такой дым? Что тут происходит, ты можешь мне наконец ответить?

— Могу, отвечаю вам, что это повидло из чернослива, которое я варю для любимой девушки. Сахар у меня подгорел, вот что; оттого и дым. Присядьте, папаша, что вы стоите? Пошел я с ложкой за сахарным песком и всюду там накапал, так вы не обращайтесь внимания. Я сам все вытру. Главное, не волнуйтесь.

Самуил Мебель посмотрел на стены, на потолок, где обитало семейство пауков, на стол, где в кастрюле жалостно всхлипывало варево, на закопченную медную кастрюлю с длинной деревянной ручкой, — посмотрел на все это отец Сарочки Мебель, старый патриархообразный папа Мебель, многоуважаемый Самуил Мебель, посмотрел на все это, и молвил с горькой, как подсолнечное масло, усмешкой:

— Кончено. Вот я и дошел до ручки!

Глава двадцать первая

ПАВЛИНЫИ КРИКИ

Н. ОГНЕВ

Дежурный агент ЗУРа Сусов десятый раз за ночь обошел дом, удостоверился в наличии в кабинете начальника — самого Мишина и Корта, заглянул в сад и в двадцать пятый раз вступил в разговор с красноармейцами охраны у ворот ЗУРа.

— Кто ее знает, — промолвил Сусов. — Это как сказать... Если внешность интеллигентная, то всегда подозрительней. Теперь, взять прорезиневшее пальто. В таких польтах многие ходят, но больше — интеллигенты: осень. А разве грузчик или ракло наденет прорезиневшее? Дулички!

Внезапно и мягко прорезав предутреннюю сумеречь, вдоль улицы закачалась неслышная полоса света, и Сусов судорожно сжал щеки браунинга:

— Вира!!

Красноармейцы встрепенулись, застучали винтовками по тротуару. Ослепительно сияя, прямо к воротам ЗУРа подка-

тил санитарный автомобиль. Дверца хлопнулась в сторону, и человек в прорезиненном пальто тяжело полез на Сурова.

— Стой, гражданин! — задохнулся Сусов, наведя браунинг. — Ребята, загибай шоферу салазки, дулички он убежит теперь.

— Что ты, спятил, товарищ? — сердито ответил в прорезиненном, отталкивая браунинг и показывая значок за отворотом пальто. — Начальник в кабинете?

— Начальник в кабинете, — ответил Сусов. — А только вы, гражданин, под арестом до личного распоряжения. Ребята, вы отвечаете! Я пойду, доложу. Как сказать?

— Скажи — Куковеров.

Мишин вышел очень скоро, взял Куковерова под руку, повел в дом.

— А здорово изнервничалась братва, — тяжело задышал на лестнице Куковеров. — Корт здесь?

— Согласно вашего распоряжения, Корт здесь. А что ребята нервные, так ведь это каждый день — чудеса за чудесами, изматываешься...

— А как с Беренсом?

— Не нашли покуда. Ни того, ни другого.

— Берлога?

— Куда-то пропал с утра. Ходят слухи, будто его видели с делом № 1057 в руках.

Слабый осенний шестой час утра с трудом вступал в борьбу с единственной лампочкой над Мишиным столом; у стола высился безмолвный Корт.

— Фффу, — грузно опустился Куковеров в кожаное кресло. — Ослаб. Ну вот что, товарищи. — Куковеров открыл портфель. — Вы оба хорошо знаете, кто я такой. За последнее время я вас тоже узнал. Опасность велика. Главные враги до сих пор неуловимы. Новых сюрпризов можно ожидать с минуты на минуту. Дальше — в прятки играть нечего. Будем действовать сообща, не распыляя сил. Собираться будем по ночам, каждый раз — в новом месте. Что вы скажете, товарищи?

— Что ж, это можно, — буркнул Мишин.

— Товарищ Мишин, какая-то в драповом там заявлялась, — сообщил Сусов, просунув бритую голову в дверь.

— А чего ей?

— Говорит — вызванная. Прилично одета, высокого роста, в руках ничего подозрительного не содержится, лицо чистое, в глаза глядит прямо, держится спокойно, под пальтом белый халат.

— Фамилия?

— Фамилии не говорит. Разрешите обыскать? Интеллигентная внешность.

— Тьфу ты, черт! — крикнул Куковеров. — Какая там, к шуту, в драповом! Это, наверно, Озерова, ученая, химик Озерова. Я ее вызвал. Мишин, ее нужно сюда. С ума вы сошли — обыскивать, товарищ агент?!

В кабинет вошла Озерова.

— Пожалуйста, Валентина Афанасьевна, — с трудом приподнялся навстречу Куковеров. — Я знаю про вас от Берлоги. Вы меня извините, что так рано и... в такое место. Мы принуждены собираться по ночам. В последнее время, знаете, мы так окружены опасностями...

— Я по утрам работаю, — перебила Озерова. — В чем дело?

— Я вас и как эксперта просил явиться, и как переводчицу. Чем меньше народу — тем лучше. Сможете вы точно перевести вот это место?

И Куковеров разложив на столе газету, показал отмеченное красным карандашом место. Озерова близоруко нагнулась:

— "Нью-Йорк Стар"? Да. Ну вот. Здесь написано:

"Один миллиард долларов на постановку!!!

Только эта страна способна!!!

Таинственная экспедиция.

Вашингтон заинтересован.

Совершенно небывалый фильм проектируется киноконцерном "Короли экрана". На осуществление фильма ассигнован 1 миллиард долларов. Фильм будет посвящен агитации за борьбу с красными. Весь фильм будет заснят с натуры. Съемки на павильонах совершенно исключены. Для осуществления фильма снаряжается грандиозная экспедиция в одну из стран. Как мы слышали, Белый Дом дал согласие на экспедицию. Подробности сценария и маршрут экспедиции держатся в строжайшем секрете".

— Вот и все, — рассеянно рассматривая газету, заключила Озерова. — Еще что-нибудь нужно?

— Да, видите ли... нас интересует вопрос... насчет этих бабочек... Берлога говорил, что вы изволили делать опыты.

— Двести сорок три! — крикнула внезапно Озерова, с силой и страстно ударив рукой по столу. — Я так и знала!

— Что двести сорок три? — встревожился Куковеров.

— Восьмая группа, двенадцатый ряд, — в страстном порыве продолжала Озерова, блестя глазами. — Вот где объяснение эманации!

— Еще одна кандидатка в сумасшедший дом, — беспокоило подумал Мишин. — Должно быть, эпидемия в связи с пожарами... Крикнуть агентов, что ли?

— Успокойтесь, милая Валентина Афанасьевна, — поднялся между тем Куковеров.

— Видите, найденный вами номер, конечно, важен. Но для нас в данный момент гораздо важнее жизнь и безопасность всего города, в том числе и ваша.

— Чудаки вы, — ответила совершенно спокойно Озерова. — Какой там номер? Двести сорок три — это атомный вес нового элемента. Я вам сейчас объясню, это касается и ваших бабочек.

— Пожалуй, не вызывать агентов, — подумал Мишин.

— Или вы понимаете в химии столько же, сколько репортер Берлога? — холодно продолжала Озерова. — В таком случае лучше, пожалуй, не стоит.

— Я инженер, — скромно сообщил Куковеров.

— Аа-аа, инженер... Ну, видите, коллега, что происходит. Я думала, что ошиблась, но маленькая заметка в этой газете опять заставила меня взволноваться. В присутствии этого Берлога я, действительно, делала опыты, показавшие какой-то новый элемент. Главное свойство этого элемента — в выделении эманации при распадении...

— Виноват: что такое эманация? — перебил Корт.

— Эманация, это, видите ли, нечто, ну, газ, скажем, — вообще, невидимая сила, исходящая из некоторых элементов. Коротко говоря, эта сила, исходя из данного элемента, вызывает воспламенение водорода в воздухе. Но все дело в элементе! Он уже открыт и даже назван. А я-то думала, что его открыла я!.. Ах, вам не понять этого, граждане! Смотрите, что тут, в той же газете, написано в отделе "Научные новости".

"Новый элемент. В этой стране, в этом городе выдающимся ученым открыт новый химический элемент, названный струцием (St). Атомный вес элемента равняется 243. В таблице Менделеева элемент помещается в одном ряду с радием, торием и ураном (группа VIII, ряд 12) Свойства нового элемента незаменимы при военных действиях и крайне опасны для мирных жителей".

— Вот где объяснение эманации... — а также ваших бабочек, — хотела было продолжать Озерова, но остановилась. Настояжились и все.

За окном, в саду, раздался длительный, странный звук, похожий отчасти на визг прижатого поросенка, а отчасти на скрип вилки по стеклу. И тотчас же стало ясно, что давно настал рассвет, взошло солнце и пришла вместе с солнцем уже привычная, набившая оскомину, тревога.

— Что такое? — рванулся к окну Корт, всей пятерней срывая пуговку кобуры. Крик въелся в уши снова — и ближе. Мишин дернул шпингалет и ударом кулака распахнул окно. И он, и Крот разом высунулись в окно,

— Тьфу, погоди, Корт, — сейчас же откинувшись, сказал Мишин. — Это же Кимка! Погоди, отойди от окна!

Корт, облегченно вздохнув, застегнул кобуру и сел на место.

— Ты что здесь делаешь, Кима? — смущенно спросил Мишин в окно. — Иди домой, здесь нельзя.

— Тебя вызываю, — ответил звонкий голос за окном, — Ты мне нужен. А через ворота не пустят.

— Извиняюсь, товарищи, — совершенно смущенно сказал Мишин в комнату, и снова в окно: — Ты что же, через забор перелез? Зачем я тебе, говори скорей? От мамы, что ли?

— Станет тебе мама вставать в пять часов утра. Нет, я по делу. Ты ведь, кажется, интересовался бабочками?

— Ну и что же, что? — нетерпеливо спросил Мишин.

— А то, что и я ими интересуюсь, как тебе известно. Ну, и вот. Я их видел.

— Кого?

— Бабочек. И очень много,

— Товарищ Мишин, немедленно позовите сына сюда, — властно сказал Куковеров.

В окно взлетела веревка, Мишин ее поймал, и через пять секунд на окне начальника ЗУРа стоял уже известный нам по предыдущей главе двенадцатилетний гражданин.

— Позвольте представить, — и смущенно, и с гордостью сказал Мишин. — Сын мой, Ким, пионер и любитель птиц.

— Здорово я издаю павлиний крик? — спросил Ким. — Похлеще всего звена! Здравствуйте, товарищи!

— Слушайте, товарищ, — очень вежливо сказал Куковеров. — Чрезвычайно важно, где и когда вы видели бабочек.

— Только сейчас, — знаете, за Боевской улицей, по дороге к кладбищу, там еще много пасикуш растет.

— Каких пасикуш? — не понял Корт.

— Да это неважно, Корт! — торопил Куковеров, а сам весь так и ходил от волнения, — Скажите, тов. Ким, при каких обстоятельствах вы видели бабочек?

— Да их много летело, и все одна за одной, и все в одном направлении. Тогда-то я и решил провентилировать вопрос.

— В каком направлении, — вы не можете определить?

— А, по-вашему, я пионер — или кто? В юго-восточном направлении.

— Ну, а как же ты вентилировал? — внезапно перешел на "ты" Куковеров.

— Ну вот, понимаешь, — невозмутимо ответил пионер. — Я встретил одного гражданина, и мы с ним оба почувствовали дым.

— Дым? — встревоженно переспросил Корт.

— Ну да, дым. Тогда мы решили исследовать происхождение этого дыма, он пошел на север, а я — на юг.

— Да кто был этот гражданин-то? — спросил Мишин.

— Перебиваешь и задерживаешь. Это был торговец Мебель, он меня очень испугался, но я его успокоил. А потом я пошел на юг, и вдруг вижу — бабочки. Все одной породы. Я обратил внимание, потому что их давно нигде нету. Но я не стал их ловить, а стал искать место, откуда они летят — может, их там сразу много.

Куковеров, лихорадочно рассматривавший план города на стене, круто повернулся:

— А ты уверен, что в юго-восточном направлении?

— Могу дать честное пионерское!

— Товарищ Корт! — вне себя от волнения крикнул Куковеров. — Возьмите мой автомобиль, сколько можете красноармейцев и дуйте на Воинскую: они хотят взорвать пороховой склад.

— Это еще не все, товарищ Корт, — добавил пионер. — Бабочки дисциплинированно летели из окна одного дома.

— А какой это был дом? — спросил Мишин.

— Степана Горбачева дом. Там такой маленький Боевский переулок есть, — с одной стороны дома, а с другой просто поле.

Корт рванулся к двери, но в тот же момент качнулся дом,

потемнели окна, стекла со звоном посыпались на пол, лопнул воздух, лопнул весь мир.

В комнату вбежал агент Сулов и, размахивая руками, быстро-быстро заработал ртом.

Куковеров слышал только отчаянный звон в ушах, силился вспомнить, сообразить район действия воспламенившегося пороха, но ощутил внезапную слабость, головокружение — и тихо тюкнулся головой в стол.

Мишин схватил Кима за руку, сунул ее в руку Озеровой, показал размашистым жестом на комнату и вместе с Коротом выбежал вон.

Через окно Валентина Афанасьевна видела, как на горизонте встал гигантский столб огня, мгновенно вслед за огнем черный дым закрыл полнеба — и новый невысказанно-грозового удара сотряс дом, воздух, все существо. Валентина Афанасьевна инстинктивно прижала к себе Кима, но Ким освободился из ее рук, вскочил на подоконник, нахмурил брови, схватил ее голову, прижал ухо к своим губам и прокричал, пустив в дело всю силу двенадцати летних легких:

— Я же говорил, что в юго-восточном направлении!

Глава двадцать вторая

ВОЗВРАЩЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Валентин КАТАЕВ

Весь этот день Варвий Мигунов чувствовал странное беспокойство. Бормоча что-то, он неутомимо шагал из угла в угол, огромный красный платок торчал из заднего кармана его брюк, как перевернутый флаг или знамя армии, понесшей поражение. Бабочки, вырезанные из папиросных коробок, из архивных дел, висели во всех углах, аккуратными стопочками лежали на подоконниках, и он подолгу, не отрываясь, смотрел на них.

Самый лучший экземпляр бабочки, вырезанный особенно тщательно, висел на нитке посередине комнаты. Прекрасные

пушистые брандмейстерские усы торчали на этом экземпляре, большой запачканный ваксой хвост с некоторой величием плыл в воздухе.

Над этой бабочкой Мигунов работал с того самого дня, как он был выпущен из сумасшедшего дома и снова поступил под присмотр Ефросиньи. Он был тих, молчалив, почти спокоен. Старуха подчас забывала, что рассудок покинул его, Бесконечная работа Варвия над бабочками начинала казаться ей службой, едва ли не важным делом, имеющим государственное значение. Иногда она даже принимала участие в этой работе, — например, именно она запачкала хвост самой лучшей бабочке ваксой.

Быть может, так бы и окончил свою жизнь бедный архивариус с ножницами в руке и странной задумчивостью в глазах, лишенных разумного выражения, если бы не этот день...

В этот день с самого утра он почувствовал беспокойство.

Пошатываясь, заложив руку за спину, пожевывая губами, он шагал по комнате.

Утомившись, наконец, он сел на подоконник и уставился, напряженно раскрывая глаза на стену соседнего дома. Вдоль стены, раскинув руки, приподнявшись на носках, осторожнейшим образом крался мальчик лет двенадцати; красный галстук болтался у него на шее, он шел, высоко поднимая ноги, совершенно таким же образом, как крадется сыщик за преступником в каком-нибудь авантюрном кинофильме.

— Пио... пионер... — смутно припоминая, что-то пробормотал Варвий.

Он распахнул окно и сел, свесив ноги с подоконника. Пионер, не обращая на него ни малейшего внимания, остановился, вытащил из кармана какой-то маленький круглый предмет и внимательно посмотрел на него.

— Так я и думал, в юго-восточном направлении, — внятно сказал он.

— Часы... нет компас, — мучительно морща лоб, вспоминал Варвий.

Он соскочил с подоконника на улицу и, подражая пионеру, пошел вдоль стены. Так он прошел одну и другую улицу. Мелькнул фонарь, мигнул зеленый шар аптеки. Деревянные помосты золотогорских панелей скрипели под его ногами, как скрипят мачты корабля, в ненастную ночь отплывающего от незадачливой бухты. Он, пугаясь, шел вперед, красный гал-

стух пионера давно уже исчез за углом, а он все шел и шел: улицы лежали перед ним, как разбитое зеркало — в каждом осколке его помраченная голова видела его самого, архивариуса Варвия Мигунова, уходящего от кого-то, следящего за кем-то...

Наконец, от уткнулся в глухую стену порохового склада на окраине города. Слепое предчувствие заставило его отбежать в сторону, к забору. В то же мгновение гигантский столб огня встал над мгновенно озарившимся зданием, черные клубы дыма ринулись в разные стороны, мощное дыхание подхватило Варвия. Как футбольный мяч, подхваченный сильным ударом, он взлетел на воздух и, перелетев через забор, упал на землю. Он очнулся через несколько минут и вскочил на ноги, бледный, как полотно, с горящими глазами. Весь мир вокруг него пылал, плыл и пел, небо было ярко-красного цвета. Он дрожащими руками прикрыл глаза и, шатаясь, сделал пять-десять шагов вперед.

— Я вспомнил, я вспомнил все, наконец! — крикнул он хрипло.

С лицом, принявшим внезапно осмысленное и живое выражение, он бросился бежать по направлению к горящему зданию. Только теперь, уткнувшись в забор, через который был переброшен силой взрыва, Варвий увидел, что находится в каком-то заброшенном огороде — полусгнившие кочаны капусты попадались на каждом шагу, земля была рыхлая и вязкая.

Дырявое, ветхое зданище стояло на противоположном конце огорода, шаткая лестница вела на мезонин, и Варвию причудилось, что он видит на этой лестнице смутные очертания человеческой фигуры.

Тяжело дыша, с трудом удерживая непонятное желание кричать, прыгать, петь — как-то отпраздновать возвращение времени, пространства, сознания — Варвий обошел зданище кругом и хотел было уже приблизиться к лестнице, когда чья-то рука осторожно коснулась его и знакомый голос произнес изумленным шепотом.

— Варвий? Как ты сюда попал, дружище? Ш-ш-ш... говори тише, не то нас обоих в два счета прихлопнут...

Худой человек в кепке и коричневом клетчатом пальто...

Берлога, несомненно, Берлога, не кто иной, как Берлога, старый друг и самоотверженнейший репортер "Красного Златогорья" стоял перед ним.

— Берлога! — едва мог он выговорить.

— Ты очень кстати, — сказал репортер, внимательно взглянув в лицо Мигунова, — история, брат, запуталась и затянулась с того времени, как мы с тобой искали дело в архивах суда. Еще домов двадцать пять сгорело. Никто ни черта понять не может.

Он помолчал и прибавил нерешительно:

— Кроме меня, пожалуй. Я кое о чем начинаю догадываться.

Варвий неожиданно для себя самого весело подмигнул ему.

— И кроме меня, дружище, — прошептал он, — я тоже кое о чем догадался.

Берлога собрался было что-то спросить, как вдруг какой-то шорох, шум, шуршанье послышалось над ними. Варвий невольно поднял голову — он увидел тень.

— Опять! — пробормотал Берлога.

— Что опять?

— Как что?! Это Струк, — с досадой сказал Берлога, — ты его не знаешь...

Он не окончил фразы; тень, ожившая и превратившаяся в бритого старика с рыхлым животом и большим носом, спускалась по лестнице.

Не успел Варвий разобраться в непонятных словах, как Берлога пригнул его к земле и сам присел на корточки.

Старик, кряхтя, спускался с лестницы. Он спустился на землю и, ворча что-то пошел напрямик через развороченные грядки огорода.

Берлога и Мигунов переждали несколько секунд и, едва он свернул за угол здания, крадучись пошли вслед за ним.

Когда они прошли вслед за стариком в узкую дыру, замаскированную чахлыми кустиками сирени, которая росла тут и там вдоль забора, старик заворачивал уже за угол. Он, казалось, заметил преследование и старался скорее исчезнуть.

— Ну, надо бежать, — скомандовал Берлога.

Никогда еще за всю свою жизнь Варвий Мигунов, архивариус Златогорского суда, не бежал с такой радостной быстротой, как в это утро. Веселый сухой песок, как акробат, взлетал под его ногами. Берлога сразу остался позади, — и все-таки старик убегал. Как неуклюжая птица, еще не научившаяся летать, он тяжело подпрыгивал, мотался — и все-таки убегал от него, Варвия Мигунова, с какой-то неестественной невероятной быстротой.

И только когда перед глазами замелькала затейливая ограда Струковского особняка, старик замедлил шаги, пытаясь на ходу достать что-то из кармана.

В это мгновение маленький широкоплечий обезьяноподобный человек, — как позднее узнал Мигунов, это был кузнец, дядя Клим, по фамилии Величко, — откуда-то бросился под ноги старику.

Старик упал, что-то в нем глухо звякнуло о камни, и минуту спустя Мигунов и Берлога уже держали старика за руки, а дядя Клим, ворча и ругаясь, собирал какие-то стеклышки и гайки.

— Гражданин Струк, вы арестованы, — твердо сказал Берлога.

* * *

Ни Мишин, ни Корт еще не вернулись с пожара пороховых складов. Один Куковеров, насилу оправившийся от обморока, сидел за столом в кабинете начальника ЗУРа.

Он был поражен, увидев Струка стоящим между Мигуновым и Берлогой — в разорванном пиджаке, со связанными на спине руками.

— Развяжите руки, — коротко приказал он.

Дядя Клим, ворча, что "как такого преступника словили, его нужно не то что развязать, а прямо нужно поперек пупа скрутить канатом", — сдернул, однако ж, веревку и освободил Струка.

Старик пошевелил в воздухе пальцами, потер руки и хмуро уселся.

Спустя четверть часа Куковеров остался с ним наедине.

— Ну что, Мистер Струк, — спросил он весело, — так, значит, вы из мещан города Белостока, Гродненской губернии, а? Так вы получили в концессию пуговичную фабрику? Так состояние свое вы нажили на военных поставках в Америке?

Струк уныло посмотрел на него и грустно повел носом.

— Мне ничего не удастся за последние пять-десять лет, — печально объяснил он, — за что я ни берусь, все летит вверх тормашками и, кажется, скоро я пойду чистить ботинки уличным шалопаем. О чем вы хотите спросить меня? Говорите прямо.

Куковеров вытащил из кармана портсигар, закурил и предложил закурить Струку. Струк отказался от папирос и, выта-

щив из жилетного кармана сигаретку, долго чиркал спичкой о стертый коробок.

Струк откинулся на спинку стула, рот его медленно открывался, сигаретка скатилась на колени, на пол.

— Вы нашли дело? — растерянно спросил он.

Куковеров встал, оглянулся, нашел глазами графин с водой, стоявший на подоконнике.

— Хотите воды? — коротко спросил он.

— Ко всем свиньям воду, — дергая руками объявил Струк, — почему я знаю, может быть, вы меня отравить собрались.

— Нет, мы что-то пропустили мимо глаз при чтении этого дела, — подумал Куковеров, — что за черт, он прямо места себе не находит... Отравить! Черта с три мне тебя травить, старая галоша.

— Мы знаем все, — решительно сказал он, — все, вплоть до того, как звали вашу мамку...

— Да у меня не было мамки, я до трех лет искусственным молоком питался, — яростно пробормотал Струк.

— Это все равно, я сказал для примера. Не старайтесь скрывать... попытаетесь утаить — вам же хуже будет.

Струк фыркнул и сел на стул.

— Ну, что ж, — сказал он, — если вы говорите мне такие вещи, так, может быть, вы и в самом деле знаете, как звали мою мамку, хотя бы я и питался до трех лет искусственным молоком. Ну, что ж, если на то пошло, поговорим начистоту, гражданин Куковеров.

Глава двадцать третья

"МАРСИАНИН"

А.АПОЧЕВ

В этом году очень красный Марс. Просто багровый. Посмотрите, если не верите, сами в ясный день на небо — увидите на западе кровавую ранку в небе.

На севере Финляндии (тогда еще небезызвестный монарх

Николай Романов именовался "великим князем Финляндским") у города Торнео, поезд остановился как раз в такую ясную морозную ночь, когда красный Марс бился в небе, как сердце солнечной системы, как рваная рана неба, застегнутого на все бриллиантовые пуговицы своих звезд.

В поезде, среди других, был и этот большеголовый, большеглазый человек. Тут, в Торнео, была русско-шведская граница. Кондуктор отобрал билеты. Пассажиры вышли на перрон. Большеголовый имел в руках маленький чемоданчик. Руки его были красными от мороза и без перчаток. От холода он сутулился, делался еще меньше, и мятая весенняя шляпа в такой северный финский мороз придавала ему совсем жалкий вид.

Большеголовый посмотрел на небо. Увидел далекий Марс. Дотронулся рукой до уха, поежился от мороза. И в общем не знал, что ему делать. Собственно, он знал, что ему делать, только не знал, как это сделать.

Ему надо было из российских пределов выбраться за границу. И надо это делать быстро, иначе — пропала его большая голова.

Внутри вокзала зайти — значит показать свое лицо при полном свете вокзальном пограничным жандармам. Идти в городок, — но куда? К кому?

Большеголовый отвернулся от Марса и сделал два шага по какому-то направлению, увидел трех или четырех финских возчиков, которые у длинных саней своих, немного похожих на наши русские розвальни, трудились с погрузкой чемоданов и корзин пассажиров, намеревающихся переехать границу.

Вспомнил большеголовый, что бабушка его говорила, что он родился под счастливой звездой. Подошел на этом основании к возчику и спросил, куда они везут пассажиров. На плохом русском языке возчик объявил, что пассажиров везут в Швецию, за границу. Если он тоже хочет, то может, но нужно иметь заграничный паспорт, который требуется предъявлять при переезде через замерзшую реку Торнео.

— Это у меня есть, — соврал возчику большеголовый. У него не было не только заграничного, но и вообще никакого паспорта.

Сказав так, большеголовый шлепнулся в сани, густо усталые соломой.

А на границе все пассажиры вышли из саней и вошли в по-

граничную избушку. Большеголовый воровато вместе со своим чемоданом забился, как собака, под солому.

Его не заметили, потому что он родился под счастливой звездой.

К утру возчики взвалили опять багаж на сани и на немного изнывшее от холода тело большеголового и двинулись дальше, уже по шведской территории.

Большеголовый только тут подумал:

— Проехал или не проехал я границу?

Ответил на этот вопрос большой дом, к которому подъехали сани. Из дома вышли высокие бритые шведы. Они не интересовались паспортами. Их беспокоило, не везут ли пассажиры табак.

Совсем уже под утро большеголовый подъехал к отелю, крепко сложенному из красного кирпича, с белой каймой по углам, расплатился с возчиками (попробовал поторговаться по русской манере, но возчики, хоть и понимали по-русски, однако не могли хорошенько в толк взять, чего хочет странный пассажир и почему он вместо цены, названной ими, называет какую-то другую цену) и нанял комнату. Уверенно и тихо замкнулась дверь. Большеголовый остался наедине в мягком уюте настоящего заграничного отеля. Ощупал все стены: нет ли потайной двери. Прислушался. Все было так тихо, что, казалось, время остановилось. Большеголовый отдернул штопу у окна. Загородил руками свет, падающий на него сзади из комнаты. Прижался лбом к стеклу. Ночь светлая, вся как в белом саване мертвец, отходила, таяла, меркла, чтобы уступить место другому, золотому свету.

Вдруг ему стало жалко этой ночи. Так, ни с того, ни с сего.

"Ночь, за что я люблю тебя?.." — спросил себя большеголовый.

От вопроса, навернувшегося само собой, стало до боли жалко ночь, оставленную там. Как-то холодно показалось большеголовому в жарко натопленной комнате.

Глаза свои серые он закрыл, чтоб обернуть их, как щупальцы, вокруг себя, чтоб разобраться в нахлынувшем хаосе. От стальных его щупальцев хаос закачался и отошел тихо в неизмеренные глубины необъятной человеческой души. И в то же время руки свои он осторожно просунул в задние потайные карманы. Из одного вынул револьвер, из другого тугую связку денег. И то, и другое он быстро положил обратно и лег, не раздеваясь, спать.

Он спал долго.

К полудню он рассчитался за комнату и вышел искать попутчиков, чтоб добраться до места, где начинаются железные дороги.

Походил по местечку взад-вперед несколько раз, изучил его закоулки, узнал цены на проезд до железной дороги и расстояние в километрах.

В одном из окраинных его домов большеголовый увидал свет жестяной керосиновой лампы. Окна были не занавешены. Однако, дверь тотчас же отворилась, и большеголовый очутился в темной прихожей перед каким-то женским существом. Она отступила перед ним, как бы предлагая идти дальше. Он переступил порог и очутился в кухне, которая освещалась светом, падающим из комнаты налево. Женщина отступила в эту освещенную комнату. Большеголовый последовал за ней и увидел при тусклом свете керосиновой лампы двух евреев — одного старого, другого молодого, — играющих в карты.

На старом для тепла было накинуто пальто. С ними сидела и старая седая еврейка. У нее в руках тоже были карты. Прямо перед вошедшими была та, которая ему отперла. Это была очень молодая еврейка, красавица, с нежным, немного болезненным румянцем на щеках и с удивительно нежными выющимися локонами. Большеголовому так и захотелось их потрепать, прильнуть к ним губами. Хотелось это не только потому, что локоны были прекрасны, но и потому, что в глазах девушки был испуг, и хотелось ее утешить, сказать что-нибудь хорошее, прогнать с ее глаз непонятный страх.

Не бросая из рук карт, молодой, но не по летам полный, неопрятный, еврей спросил по-шведски, еле глядя на вошедшего:

— Вам что?

— Я не понимаю по-шведски, — ответил большеголовый по-немецки.

— Говорите по-немецки, все равно, — ответил на жаргоне еврей. — Вы по какому делу здесь?

— Я — часовщик, бедный бродячий часовщик. Хочу добраться до железнодорожной станции. Ищу попутчиков.

— Мы едем завтра. Можете с нами, — сказал молодой, чтобы выручить большеголового из неловкого молчания.

— Сколько возьмете? — спросил большеголовый.

— Восемьдесят крон.

— А на русские деньги можно дешевле, — вставил старик. — Вы, — русский? — он не давал опомниться вошедшему.

— Я — немец, — упорно твердил большеголовый..

— Пусть так, — ответил старик, и улыбка, как бледный свет северного сияния, скользнула по его лицу и по библейской бороде.

— А ночевать у вас можно? — спросил большеголовый.

— Роня, — сказал вставая старик, — проводи квартиранта наверх.

"Квартирант" не спал всю ночь... Старик еврей под утро лег в той же комнате, но на полу, у противоположной стены. Лег, не раздеваясь, и тихо дышал во сне и лежал спокойно, не двигаясь, как мертвый. Утром старик встал, подошел к большеголовому и, положив ему на грудь свою волосатую руку, спросил нежно, по отечески:

— Вы, наверное, русский? И, вероятно, экспроприатор? Максималист или анархист какой-нибудь? Голова у вас способная. Карманы ваши — не скудные. Если ваша голова понимает меня, то не покусится поделиться с нами счастьем, а мы доставим вас быстро до станции. Так мы доставляли многих русских экспроприаторов. Не вы первый, не вы последний.

— Вы меня намерены убить или ограбить? — спросил большеголовый.

— Нет, мы не варвары. Если мы что берем, то так, чтобы было легко. Жизнь человека, это — чудо. Уничтожать ее нельзя. И я предостерегаю вас, что если вы поедете без нас, то по дороге ваша чудесная жизнь кончится. Если вы отправитесь с нами, то подарите нам вашего счастья хоть двадцать пять процентов. Помогите бедному контрабандисту, и за это судьба пошлет вам в Америке счастье.

— Откуда вы знаете, что я еду в Америку?

— Так, оттого что я очень стар. И вот височки ваши какие-то очень стремительные, и жилки на висках, как стрелы, и направление их я вижу через океан.

Все, что говорил старик-еврей, было правдой. Большеголовый был раздавлен ясновидением библейской бороды.

И большеголовый сделал так, как рекомендовал ему старик. Сделал так и уехал в Америку. Старик за отдельную плату продал ему паспорт Казимира Струка.

Глава двадцать четвертая

**ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
РОМАНА***Ефим ЗОЗУЛЯ*

Редакция журнала "Огонек", того самого, номер которого купил Куковеров в Златогорске и перелистывал на улице, находится, как известно, в Москве. Помещение редакции состоит из ряда комнат, в которых работают разнообразные отделы журнала. Посетители принимаются в определенные часы и удовлетворяются всевозможными справками.

В начале июня, в двадцать четвертую неделю печатания коллективного романа, в горячий полдень, когда солнце разлеглось в синем небе, как в саду у отца, широко разбросав золотые руки и ноги, в редакцию явился плохо одетый человек, чрезвычайно взволнованный.

Его лицо было, точно пригородный огород капустными листьями, густо утыкано гримасами вежливости, любезности и необычайной предупредительности. Извинившись, что он пришел не в часы, предназначенные для приема посетителей, он, задыхаясь, попросил все же разрешения переговорить с секретарем.

В комнате секретаря, усевшись и отчаянно вздохнув — вздохом человека спасенного после океанской бури с затонувшего корабля, вытасченного на берег и напоенного коньяком, — спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ, как вы смотрите на пожары, происходящие в Златогорске?

— Мы считаем их бедствием, — ответил не задумываясь секретарь.

— Бедствием?!

— Да, бедствием.

Из левого глаза посетителя бенгальской ракетой выстрельнул длинный луч надежды и завернулся на конце вопроситель-

ным щупальцем. Из другого глаза параллельно заструилась умоляющая муть.

— Бедствием?!

— Да, бедствием, — повторил секретарь. — Если принять во внимание, что погибло столько имущества и что все это — советское добро, то, знаете ли, прямо становится жутко.

— Жутко?!

Несчастный от нервности начал глотать слюну и не мог остановить этого занятия. Затем он вытащил из карманов большие красные руки и стал тереть их друг о дружку.

— Вы говорите — жутко? Значит, вы отдаете себе отчет в размере бедствия? — выговорил он, все еще глотая.

— Еще бы... Мы сейчас заняты главным образом тем, чтобы найти виновных и чтобы эти пожары, наконец, прекратились.

— Прекратились?!

Бенгальский луч из глаза посетителя еще более удлинился, а умоляющая муть стала мерцать, как пожар сумасшедшего дома в Златогорске.

— Значит, вы хотите, чтобы эти пожары прекратились?

— Естественно. А что вы можете предложить в этом отношении? Кто вы, гражданин?

— Я, — ответил посетитель, — я... моя фамилия Желатинов. Я — член московской ассоциации изобретателей.

Тут из глаз Желатинова исчезли и бенгальский луч, и умоляющая муть, — все это исчезло и остался один болезненный блеск, какой бывает у людей, когда они очень боятся, что их перебьют, не дослушают и прогонят раньше, чем они успеют сказать самое важное.

Он быстро встал со стула, неуверенно простер вперед руки, беспомощно открыл рот, полувысунул язык. Человек замедлался, засуетился, оглянулся на дверь, скомканно спросил: "Можно запереть ее?" Но не запер, а опять уселся и опять встал и, путаясь, быстро заговорил, сам себя перебивая и рассыпая во все стороны с измученного лица, как балерина цветы в заключительном танце, все свои гримасы вежливости и любезности:

— Вы понимаете... Эх, если б вы знали... Вы только послушайте, послушайте до конца... Умоляю — выслушайте... Я хочу сказать, я...

— Успокойтесь, в чем дело? — ласково спросил секретарь.

— Отчего вы волнуетесь?

Этого простого вопроса, сказанного, правда, участливым тоном, было вполне достаточно, чтобы все отлетевшие куски лица опять прилетели на свои места, а из левого глаза опять выстрельнул луч надежды.

— Спасибо, спасибо. Сейчас, сейчас. Понимаете... Понимаете... Я могу прекратить пожары! Все пожары!! В одну секунду! Нет больше пожаров! Кончено!

Он нагнулся, втянул голову в плечи, закрыл глаза и зашипел:

— Выпишите мой огнетушитель.

И секретарь видел, как красный его кулак бухнулся об его грудь.

— Мое изобретение! Выпишите! Выпишите! Прошу!!

В это мгновение открылась дверь и вошел Корт, начальник златогорской милиции, в сопровождении одного из деятелей московской милиции. Решительным шагом оба направились к посетителю и заявили ему, что он арестован.

— В чем дело? — спросил секретарь, поднимаясь из-за стола.

Деятели милиции выражением лиц отчетливо показали, что они могли бы не давать отчета в данном случае в своих действиях, но в виду важности дела и широкой его общественности они ответили:

— Мы следим за этим гражданином уже несколько дней. Его поведение крайне подозрительно. Он не только читает роман "Большие пожары", но и изучает его. У него дома обнаружены все номера журнала, в которых печатается роман, и всюду, где говорится о пожарах в Златогорске, пестрят всевозможные значки, подчеркивания и непонятные, явно шифрованного характера, знаки. Мало того, этот гражданин ходит по всем пожарным командам, ходит по всем учреждениям, имеющим отношение к пожарному делу, и даже посылает телеграммы в Златогорск с запросами о размерах пожаров, их количестве и прочем. Нам нужно выяснить, какое отношение имеет сей гражданин к златогорскому бедствию.

Изобретатель смотрел на деятелей милиции непонимающим взглядом шахматиста, которому в самом трудном положении перед победой над крупным противником суют мармелад или говорят о погоде.

Насмотревшись вдоволь, он подошел к ним и махнул перед их лицами рукой, точно командующий на параде:

— Слушайте, так же ничего не выйдет, — сказал он. — Ведь

так же невозможно! Я уже три года хожу с планами и чертежами и не могу добиться, чтобы мое изобретение испробовали! Самая чудовищная волокита стоит на нашем пути, на тяжком пути изобретателей. А в довершение всего еще вы за мной ходите! Стыдно! Ну, конечно, я ходил по пожарным учреждениям и буду ходить. Ведь я же изобретатель! А что такое изобретатель без настойчивости?! Я читал роман и делал значки. Верно, но я ведь хочу прекратить пожары в Златогорске и, если вы мне поможете, это будет сделано. Что же преступного в том, что я изучал условия возникновения пожаров в этом злополучном городе?!

Изобретатель вдруг вскочил, взглянул на печку, на шкаф с рукописями и крикнул:

— Хотите, я поставлю здесь свой огнетушитель, подожгу редакцию, и пожар немедленно прекратится?!

Секретарь подумал и спокойно сказал:

— Спасибо, не стоит. Лучше давайте придумаем что-либо насчет Златогорска.

Корт отозвал в угол московского деятеля милиции и стал в чем-то убеждать его. Секретарь обдумывал трудное положение и поглядывал на изобретателя. А изобретатель вытянул из кармана план Златогорска, быстро развернул его, положил на стол и стал водить по нем спичкой, шепча что-то и заглядывая в свою записную книжку.

Но какой-то перелом произошел. Где-то незримо утвердилось победа изобретателя. Несчастье упало с него с быстротой платья с плеч трансформатора. Он стал спокойнее. Он выпрямился, его голос стал увереннее и властные нотки зазвучали в нем. Он занимал без боя, точно в уличной борьбе, угол за углом. Не прошло и двух-трех минут, как он — уже с жестами равного собеседника — говорил, даже приподнимая плечи от удивления перед непонятливостью своих собеседников:

— Ну, чем вы рискуете? Не понимаю! Вы можете меня любым конвоем отправить в Златогорск. Все мои огнетушители могут быть готовы через две недели. Вы можете меня держать в Златогорске под неусыпным наблюдением. Мне нужно только расставить в домах мои огнетушители, и потом пусть Струк, и сам дьявол жгут, как хотят, дома. Пускай поджигают всеми средствами — гореть не будет! Если при моем огнетушителе будет хотя бы один пожар, — расстреляйте меня! Пожалуйста! Высшая мера социальной защиты! Ничего не имею против.

И Желатинов молодцевато, даже чуть-чуть подпрыгивая, прошелся по комнате.

* * *

Конечно, можно было все сделать без шума. Но это не удалось. Приезд Желатинова в Златогорск был замечен. Его встретили на вокзале. Берлога попытался получить у него интервью. Его окружили вниманием и почетом, имевшим, может быть, целью помешать в чем-либо. И, по-видимому, Желатинов это понял. Grimасы любезности, предупредительности и вежливости опять закрыли его лицо непроницаемой путаницей. Он кивал головой, произносил невнятные слова, но думал об огнетушителях. Они прибывали в Златогорск небольшими частями, — на этом настаивал Желатинов, — и он немедленно расставлял их сначала по наиболее ценным и важным учреждениям Златогорска, а затем по обыкновенным жилищам.

Приблизительно с этого времени в Златогорске и начало наблюдаться странное явление: кто бы вечером ни подходил к окну — он пожаров больше не видел.

Все были точно смущены чем-то. Куковеров подходил к окну своего номера в гостинице, смотрел внимательно и разводил руками от глубокого удивления: пожаров не было. Берлога, освобожденный из сумасшедшего дома, бегал по всему городу, стараясь найти хоть какой-нибудь пожар. Просто даже неудобно было: в хронике газеты было все, что угодно, кроме пожаров. Пожаромания заметно овладевала Берлогой, и его товарищи в связи с этим уже серьезно подумывали о психиатрической лечебнице для переутомившегося Берлоги. Старик Струк внезапно умер, успев, однако, написать путаное завещание с целым рядом совершенно непонятных параграфов. Дина Каменецкая поступила на службу в качестве машинистки и с первой же недели подняла, как говорят сейчас, бузу из-за спецодежды. Учитель Горбачев, с лица которого в уголовном розыске так ловко стянули бороду, уединился и стал отпускать бороду по-настоящему. Какую цель он преследовал этой мерой, конечно, неизвестно было, так как прошлое у него было, несомненно, темное, но ясно, что делал он это для усиленной самозащиты. Корт, ездивший в Москву и вернувшийся в Златогорск вместе с Куковеровым, написал научно-технический журнал "Хочу все знать", чтобы там

прочитать что-либо о новых изобретениях советских изобретателей и, в частности, об изобретении Желатинова. Читал он много и добросовестно, журнал получал аккуратно, но об огнетушителях Желатинова ничего не было. Как хороший читатель, он послал в редакцию запрос, почему ничего не напечатано о таком ценном изобретении, на что получил ответ не от журнала, а от ассоциации советских изобретателей, куда корректная редакция "Хочу все знать" переслала без замедления запрос своего читателя. Ассоциация ответила Карту, что изобретение Желатинова еще находится в разных инстанциях, от которых зависит введение огнетушителей в жизнь. Ассоциация в конце письма выражала уверенность, что, вероятно, через год-два судьба изобретения уже будет известна. Корт прочитал это письмо, задумался, пожал плечами и махнул рукой. Человек он был маленький, и ничего больше сделать не мог.

В сравнительно короткое время огнетушители системы Желатинова появились во всех домах Златогорска и даже на пароходах. Когда стало ясно, что Желатинову в Златогорске больше делать нечего, Куковеров как-то приехал к нему, чтобы намекнуть, что он может не задерживаться и вернуться в Москву — почему-то Куковеров об этом очень заботился. Но Желатинов и сам собирался это сделать, причем его творческая выдумка и здесь нашла себе достойное применение.

В Златогорске, как известно, находится огромная ватная фабрика. Войдя в тесный деловой контакт с красным директором этой фабрики, Желатинов сумел получить сделанные по особому заказу рыхлые ватные квадраты. При помощи этого недорогостоящего материала и тонко вибрирующих спиралей, опускающихся в фтористо-водородную и еще другие — восьми сортов — кислоты, Желатинов изобрел изумительный аппарат, который, несомненно, станет настольной принадлежностью большинства советских учреждений: неслыханный аппарат механически сокращал штаты. В основу его была заложена конструкция обыкновенного арифмометра, в котором, однако, был сделан извилистый вырез, через который в процессе работы аппарата проходили списки личного состава.

Это свое второе, не менее важное и полезное изобретение Желатинов отвез тоже в редакцию.

Изобретатель, уже более уверенный, менее смущающийся, значительно пополневший и выравнявший на лице своем все морщины и впадины, в которых, как сумерки в долинах, сто-

яла настороженная вынужденная вежливость, более спокойно предложил секретарю первую пробу нового изобретения про-извести на персонажах коллективного романа "Большие по-жары":

— Я нахожу, — сказал он, между прочим, — что штаты пер-сонажей вашего, несомненно интересного, романа необычайно разрослись. Это вполне понятно. Это обычное явление. И в этом нет беды — мой аппарат совершенно безболезненно сок-ратит нужное количество героев этого предприятия...

При испытании огнетушителя Желатинова в редакции тре-бовалось, как помнит читатель, редакцию поджечь, от чего се-кретарь отказался. Для испробования второго изобретения Желатинова никаких жертв не требовалось, и секретарь, ра-зумеется, согласился.

Составив наскоро список персонажей романа, Желатинов сунул его в извилистую щель. Аппарат тихо застучал, издавая плачущие звуки и чуть-чуть побрызгивая по сторонам кис-лотой.

Минут через двадцать из другого конца гениального аппа-рата выполз помятый и смоченный кислотами список, на ко-тором, однако, четко видно было, кто сокращен из числа действующих лиц романа.

Правда, аппарат был еще далеко не усовершенствован — несомненно, что квалификация его работы поднимется по ме-ре совершенствования. Но пока было все же сокращено за не-надобностью довольно большое количество народу: сокраще-на была Дина Каменецкая, служащие редакции, Берлога и его приятель, вся пожарная команда Златогорска, ни разу не упо-минавшаяся в романе, несмотря на то, что в каждой главе бы-ло не меньше одного пожара, — значит, она была явно беспо-лезна; сокращен был также учитель Горбачев, неизвестно для чего носивший приставную бороду и пробовавший запустить новую, настоящую. Корт и многие другие.

К сожалению, аппарат, как видит читатель, сокращал главным образом маленьких работников, начиная с маши-нистки. Но такова уж, по-видимому, психология всякого со-кращения. Так сокращают люди, так сокращают и машины.

Глава двадцать пятая

ПРИБЫЛИ И УБЫТКИ

Михаил КОЛЬЦОВ

Комиссия для выяснения настоящих корней и причин зла-тогорских пожаров прибыла из Москвы, как водится, с боль-шим опозданием. Члены комиссии высадились на Златогор-ском вокзале во вторник, а накануне, в ночь на воскресенье, в городе отшумел последний пожар — сгорел диковинный и замечательный особняк Струка.

Загадочного в этом заключительном бедствии ничего не было. Да и бедствием гибель струковой постройки от огня никто из горожан не считал. Радостно, именинно, как о празд-нике избавления, рассказывали друг другу златогорцы под-робности субботней ночи в белом доме с загипнотизированны-ми змеями знаменитой ограды. Разговора о бабочках не было, а если и был, то совсем не о тех бархатистых, желтого цвета с синей каймой, какие полыхали по Златогорску во все вре-мя печатания коллективного романа, вызывая в самых спо-койных людях зловещие позывы к бегству и крикам.

Особняк после неожиданной смерти Струка был сдан От-комхозу в аренду, и взяли его сообща, для поправления дел своих, два человека с репутациями чернее ваксы — известные читателю нэпачи — Пантелеймон Иванович Кулаков и Соло-мон Абрамович Прейтман.

К особняку привесили большую полотняную вывеску:

**Семейное казино
"ЭЛИТА"**

Общедоступная рулетка!

Различные американские салонные игры

Железка! Стуколка! Лото!

Шмен де фер и баккара!

**Первоклассная кухня под управлением бывшего повара
бывшего преосвященного Авессалома, бывшего**

архиепископа златогорского
ПИВО! РАКИ!
Просим лично убедиться!

Львиная доля доходов с казино по договору отходила в пользу Деткомиссии. Но доходов никаких не было. У дома была худая слава, туда боялись ходить. Редкие златогорцы, если и ходили в казино предаваться излишества, то больше у лотошки, переживая сильные ощущения на одной карте за двугривенный. В буфете спрашивали чай с лимоном покрепче, и только раза два самые отчаянные златогорские гуляки, придя с дамами, потребовали три порции битков по-казацки да бутылку наливки.

Почти каждый вечер оба компаньона сидели друг против друга среди снежной пустыни белых накрытых столиков в большом стеклянном павильоне, некогда, во второй главе, ослепившем скромного Берлогу. Между ними, выпрямившись, как офицер, сидела сокращенная из романа Элита Струк. На стройных ногах свободно держались совсем уже разношенные туфли металлического цвета. Жемчуг герцогини беррийской, в свое время полученный в придачу к настоящим шелковым чулкам у старой дамы в Москве на Петровке — еще держался, хотя жемчужины все были уже в туберкулезе, обнажившем их нежемчужное происхождение.

Элита должна была смотреть прямо перед собой, потому что всякий взгляд на правого или левого кавалера вызывал бешенство у другого. Каждый из влюбленных, совсем ополумевший от коньяка и убытков, готов был растерзать кино-красавицу за малейшее предпочтение другому. Она пила в равной доле с обоими поклонниками, все время грозно молчала, и только нюхнув белого порошку из маленькой трубочки, начинала нести длинную канитель о каких-то, не признавших ее талантов, московских режиссерах.

Несчастье случилось поздней ночью, когда Пантелеймон Кулаков, придравшись к тому, что Элита якобы чокается больше с Соломоном Прейтманом, чем с ним, опрокинул напитки, поджог в дикой сибирской ярости скатерти и занавеси, пламя которых в минуту было разнесено и раздуто пронзительными сквозняками чудовищной постройки.

Так сгорел особняк, и Элита уехала в жестком вагоне искать в Москве новых побед, и разоренные нэпачи с разбитыми женщиной сердцами сели в тюрьму за невыплаченные налоги

и, идя с лопатами на принудительные работы, слышали сзади себя специальную частушку златогорских ребятишек:

Бабочки да рюмочки
Доведут до сумочки.

Как видит читатель, последняя вспышка версии о бабочках как виновницах пожаров, давала вопросу совсем другое смысловое освещение.

В точности неизвестно было, от кого именно приехала московская комиссия. Вид у нее был не особенно грозный, а, скорей, задумчиво-психологический. Председатель — маленький человечек, бритый, взъерошенный, в клетчатом костюме — выслушивал всех людей с очень одобрительным видом, почему-то громко хохоча почти после каждой фразы. Второй член комиссии, с рыжей бородой и с веснушками, обсыпавшими всего его вплоть до рук, с крепкой бычьей шеей, слушал рассеянн и нетерпеливо, расстегивал посреди заседания толстовку и свирепо скреб ногтями широкую, волосатую грудь, затем незаметно уходил, якобы на минутку, а очутившись на улице, мчался к морю, одним взмахом снимал с себя все верхнее платье, обнаруживал никогда не сменяемые трусики, почему-то подвязанные широким кожаным ремнем, и блаженно бултыхался в воду, причем борода его издала казалась плывущей по реке мочалкой. Третий — высокий, сухопарый, лысый, в синих военных галифе — называл всех без исключения посетителей "мал-ладой человек" и расспрашивал почему-то преимущественно о постановке рыболовного дела в Златогорске.

Целый ряд жалобщиков обращал внимание расследователей на историю возникновения первого крупного пожара — в губернском суде, определенно указывая на его вдохновителя. Запрошенный в связи с этим проживающий в Крыму член профсоюза печатников Александр Степанович Грин письменно показал, что хотя им действительно был учинен в первой главе коллективного романа пожар в суде, но не его, Грина, вина в том, что этот пожар географически состоялся в советском городе Златогорске, а не в некотором безымянном городе за границей, как это было предложено в рукописи Грина. Сверка документов, действительно, подтвердила, что А.С. Грином действие первой главы было указано не в СССР, и даже первые герои романа — делопроизводитель Варвий Мигу-

нов и репортер Берлога — первоначально, по Грину, именовались "архивариус Варвий Гизель" и "репортер Вакельберг",

Женщины жаловались преимущественно на Льва Никулина. Привод в Златогорск обольстительной красавицы Элиты, взбаламутившей всех, даже самых скромных мужчин города, расценивался ими как общественно безнравственный акт:

— Хорошо еще, товарищ председатель, что Лидин, Владимир Германович, ее, вертихвостку паршивую, на чистую воду вывел, показал, что никакая она не Элита, а самая что ни на есть последняя Дина Каменецкая, даже сейчас в Посредрабисе на учете не состоит! Ведь это что же такое — подобную публику в роман напускать!

Прентензии* на контрабандную, через роман, доставку в Златогорск нетрудового и контрреволюционного элемента касались также Бабеля.

— В один присест он и бывшего барона Менгдена, и бывшую княгиню Абамелек-Лазареву, и бывшего генерала Духовского привез! Сидят они, наш советский хлеб едят, по-французски разговаривают! Какого, спрашивается, рожна?

Посетители трудового облика обращали внимание на несправедливости и жестокости, учиненные рядом лиц в отношении шести пролетарских героев, зарегистрированных в романе товарищем Юрием Либединским.

В самом деле, всем шестерым пришлось плохо, Комсомолец Ваня Фомичев, стойко выдержавший ряд тяжелых испытаний, из которых едва ли не самым мучительным был роман с нэпманской дочкой, был, в конце концов, подвергнут мучительной смерти через растерзание обитателями сумасшедшего дома.

Андрюша Варнавин, показанный его творцом, как хороший в сущности парень, был безжалостно брошен в темную среду уголовных преступников, а оттуда — за решетку, где пробыл без движения почти до конца всей пожарной завирušки.

Дядя Клим, выдвинутый Либединским на выдающуюся роль, пожал судьбу многих рабочих выдвиженцев, затиснутых бюрократизмом, непониманием и косностью. Его превосходные возможности не были использованы, и только В.Каверин, в поисках пары крепких мозолистых рук, могущих связать преступника, мобилизовал дядю Клима для ничтожной роли, которую мог бы исполнить любой милиционер, дворник или просто безымянный прохожий.

*Так в оригинале (Д. Т.)

Больше всего негодовали трудящиеся на Михаила Слонимского, единым росчерком пера оставившего Златогорск без председателя исполкома и редактора местной газеты, куда-то невероятно и загадочно исчезнувших.

Но хороши и последующие авторы! Пальцем о палец не ударили, чтобы спешно вернуть в осиротевший город представителя власти и руководителя общественного мнения!

Нечего и говорить, насколько было велико возмущение всех посещавших комиссию против авторов, связанных с отдельными пожарами в разных частях города.

Стругалевская беднота негодовала на Георгия Никифорова с его "молодым, ярко-рыжим конем". Много домов на Стругалевке было не застраховано, и Никифоровский конь вышел стругалевцам боком.

Рабкоры негодовали на Николая Ляшко, возмущаясь его легкомысленным поведением:

— А еще свой, пролетарский писатель! Чуть завод не спалил, и рабочий поселок в придачу.

Тихие служащие пришли поговорить об Александре Яковлеве. Зачем это ему понадобилось поджечь дом на углу Шоссейной улицы и Крутого тупика? Что, другого места не нашел? И, к тому же, со стрельбой! С милицией, с карабинами, с велосипедами, с червячками!

А Борис Лавренев! Ему сердобольные люди не могли простить мучительной смерти Ленки Вздох, живым факелом сгоревшей в тюремной камере. Многие граждане ставили Лавреневу в пример деликатную заботливость Конст. Федина, предусмотрительно обившего асбестовым картоном местоположение Элиты Струк в Додре.

А Каверин, подкинувший к обугленным развалинам еще целых двадцать пять свежих сгоревших домов!

А Новиков-Прибой, с его жуткой огненной кутерьмой в порту! Ведь при чтении его — сердце падает в ледник и в глазах от страха муть!

Златогорцы относились терпимо только к Березовскому, Зоценко и Вере Инбер. У первого герои тихонько сошлись, выпили, закусили и так же тихонько разошлись. У второго — скромные герои труда пожарные, делают свое дело и некоторым образом косвенно содействуют получению таинственного, неуловимого, загадочного дела № 1057. Правда, находка таинственной пачки бумаг ничего не объяснила, ибо дело

№ 1057 оказалось после внимательного прочтения его, никакого отношения к нынешним златогорским пожарам не имеющим. Но приятно и утешительно, что дело все-таки нашлось. У Веры Инбер пущено на полтора квартала густого дыму. Но дым оказался без огня, и на том спасибо. Одним пожаром меньше — одним волнением и сердцебиением меньше!

Зато, что сказать о ненасытном Н.Огневе, которому всех пожаров оказалось мало, и он в придачу пороховые погреба взорвал?!

Посетители приходили часто и помногу, они иногда окружали стол комиссии густым кольцом и оглашали воздух нестройными жалобами, доводя суету до такой степени, что член комиссии с бычьей шеей начинал сморкаться, как верблюд, а другой, в синих галифе, вспыльчивый, в раздражении лазил в задний карман, где у него шесть лет назад, в гражданскую войну, был револьвер.

Посетители перебивали друг друга.

— К чему эти разговоры о пожарах и взрывах? Ведь ничего подобного на самом деле нет!

И не бывает! Не может быть!

— Какие там белогвардейцы?! Какие иностранные шпионы?! Литераторам нашим делать нечего, вот и мерещатся им разные ужасы! Только зря вас беспокоят.

Обыватели не на шутку сердились. Среди них были представители разных людских категорий и групп. Стояли посреди комнаты и стучали о землю палками черного дерева с резными набалдашниками упитанные коммерсанты. Нервничали солидные спецы в технических фуражках и с портфелями. Визжали бледные девушки студенческого вида. Волновались партийные работники, некогда подвижные и громокипящие, а ныне обросшие квартирами, мягкой мебелью, толстыми мешанистыми женами, ролями и канарейками.

Все они уже давно обрели вкус к жизни мирной и безмятежной, не поколебимой никакими настоящими потрясениями. И всем им была невыносима самая мысль о событиях резких и необычных, могущих нарушить их уже налаженный затвердевающий покой.

Председатель комиссии, веселый и добродушный, сначала слушал все жалобы и брюзжания безропотно. Но понемногу и он стал выходить из себя. Медленно накапливалось его нетерпение и наконец прорвалось. Он незаметно для себя встал,

начал громко отвечать собравшимся, и громадные, не по росту, очки его запрыгали на переносице, и голос его, басистый, с хрипотцой голос молодого, но выдавшего виды и покричавшего на своем веку человека, гремел на всю комнату.

— Так вы, уважаемые граждане и товарищи, недовольны? Вам причинили беспокойство? Вас потревожили? Нарушили ваш покой! Вы, можно сказать, только расположились отдыхать, только кругом вас затихли ветерки, замолкли птичек хоры и прилегли стада... а в это время вас ерошат какими-то там пожарами, взрывами, злыми кознями международного капитала, всем тем, о чем вы успели забыть, что вы вспоминать не хотите? И, главное, — кто! Безответственные литераторы, советские сочинители, всякие Бабели и Либединские грозят покушениями, иностранной террористической техникой и прочей ерундой.

В самом деле, стоит ли время терять на разговоры о взрывах и пожарах, если есть у вас настоящие заботы — о мебели, о налогах, о поездках на курорт!

Но если вы не хотите верить литературным выдумщикам, если до вас не дошла искренняя и чуткая тревога этих всегда беспокойных людей — теперь пусть вас обухом по голове бьют газеты!

Из телеграмм и правительственных сообщений, — от них нельзя вам спрятать голову под подушку, как от писательского вымысла! — Из газетных твердых строк вы не знаете разве, что рано еще почивать на лаврах беспечности трудящегося в Советской стране?! Рано думать, что уже отшумели великие грозы революции, что уже совсем потухли большие пожары! Тянется к нам враг, настойчивыми, длинными, цепкими, умелыми своими руками подбирается он к каждому заводу, к каждому дому.

— И писатели в журналах, и телеграммы в газетах зовут не к панике, — позор тому, кто теряет голову и пускается по волнам трусливых сплетен и слухов! Но каждый из нас, если он не Струк, должен запомнить и спокойно, без паники, исполнить обращенные к нему слова:

"Правительство призывает все трудящееся население Союза ответить на бешеные усилия врагов рабочего класса и крестьянства повышением трудовой активности и исключительным сплочением своих рядов.

"Правительство призывает всех честных тружеников стра-

ны к еще более энергичной работе по строительству социализма и к еще более энергичной работе по укреплению обороноспособности страны,

"Правительство обращается к рабочему классу с призывом охранять фабрики, заводы, склады, станции, охранять все то, что выстроено и создано трудящимися, одержавшими в нашей стране победу над помещиками и капиталистами".

— Где же основания к мещанской спячке? Где причины к ленивому отрицанию самой возможности новых нападений и вмешательства в мирную спокойную жизнь нашей страны?!

Председатель оглядел все сборище, немножко остыл, почти про себя улыбнулся, и добавил уже совсем простым, деловым тоном:

— Объявляю работу ликвидационной комиссии по роману "Большие пожары" законченной. Всех героев романа, а равно население города Златогорска считаю распущенными. Самый Златогорск, за минованием надобности, упраздняю. Продолжение событий — читайте в газетах, ищите в жизни! Не отрывайтесь от нее! Не спите! "Большие пожары" позади, великие пожары — впереди.

"СТРАНА И МИР"

Ежемесячный журнал. Издается в Мюнхене

Журнал освещает события политической, экономической и духовной жизни в Советском Союзе и во всем мире.

Журнал обращен ко всем читающим по-русски, вне зависимости от их политической, национальной или религиозной принадлежности, — живущим в СССР и за рубежом.

Наряду с авторами-эмигрантами в журнале сотрудничают публицисты, общественные деятели, философы и журналисты многих стран мира, в том числе Америки, Франции, Германии. На страницах журнала читатель увидит также и материалы, полученные по каналам самиздата из СССР.

Объем журнала 96 страниц большого формата.

Цена одного номера 6 немецких марок.

Стоимость годовой подписки 60 немецких марок.

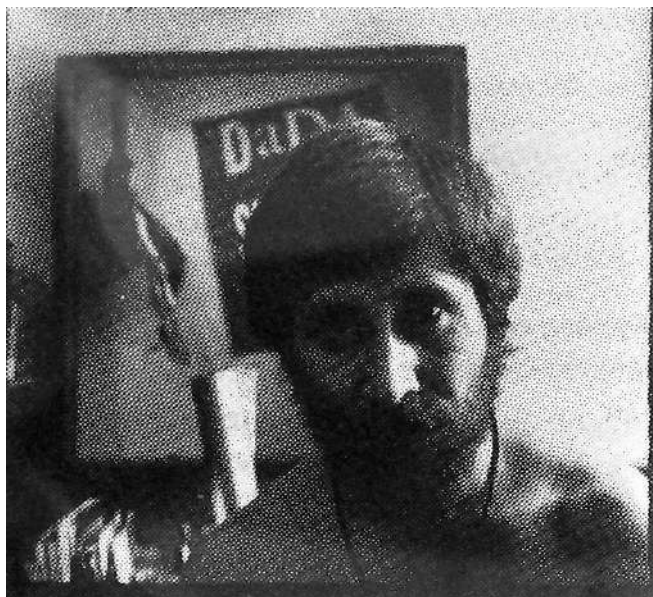
Пересылка за счет редакции.

Подписка производится по адресу:

Das Land und die Welt e. V., Schellingstr. 48, 8000 Munchen 40,
BRD

Подписная плата принимается в виде чека, почтовым

переводом или перечислением на банковский счет:
Deutsche Bank BLZ 700 700 10, Konto-Nr.331 9613 или
Postgiroamt Munchen BLZ 700 100 80, Konto-Nr. 223981 804.
Справки по телефону (089) 272 18 99.

МОМЕНТ ЖИЗНИ

Собственно вся жизнь Виталия Длуги укладывается в несколько фраз: родился в 1943 году, в Москве, учился... Впрочем, своим учителем он считает московского живописца Владимира Немухина. Сейчас Виталий Длуги живет в Нью-Йорке...

"О художнике должны говорить его работы, его философия и мироощущение, а не сухие факты биографии", — говорит Виталий. И на вопрос о его стиле отвечает, что то, чем он занимается, представляется ему синтезом московской и парижской школ. Московская школа — это Фальк, Эльконин, Немухин; парижская — Пьер Сулаж, Анри Ланской, Никола Десталь, Поляков.

По словам художника, раньше его более всего волновала форма, в его воображении шла трансформация образов. Теперь его привлекают цветовые решения или, как он сам говорит, его притягивают большие массы цвета и их отношения в квадрате холста.

Основное для него — это момент жизни, то самое "чуждое мгновение", которое успевает уловить художник и по которому он восстанавливает явление, событие, образы, да, если хотите, весь окружающий мир. Похоже, что эта "художническая индукция" и есть,

по мнению Длуги, творчество живописца. "Представьте, — говорит он, — что вы смотрите в окно и видите пронесшийся автомобиль, например, "Скорую помощь". Ваше зрение фиксирует лишь синее пятно, но ваш жизненный опыт достраивает, дорисовывает, договаривает то, что осталось неувиденным, — куда и зачем мчится эта на мгновение взблеснувшая перед вами синим пятном "Скорая".

Темп окружающей жизни оставляет нам возможность уловить лишь какой-то ее момент, один только предмет. Но этот предмет таит в себе Невероятное количество информации, эмоций, способных создать у зрителя представление о целом мире. "Портрет отдельного человека, — продолжает Виталий Длуги, — это портрет эпохи. Впрочем, как и изображение любого предмета. Нарисованный мной стул — это существо, которое прожило определенную жизнь и имеет память. Мой "Штопор" — это не тривиальный штопор, а живой и танцующий в одиночестве..."

— А что значат ваши забинтованные головы-манекены?

— В манекене, точнее в голове манекена, — отвечает Виталий Длуги, — есть некий важный метафизический момент. Это не просто подставки для шляп. Мои манекены живут, страдают, то есть это опять мир, в который для меня важно проникнуть.

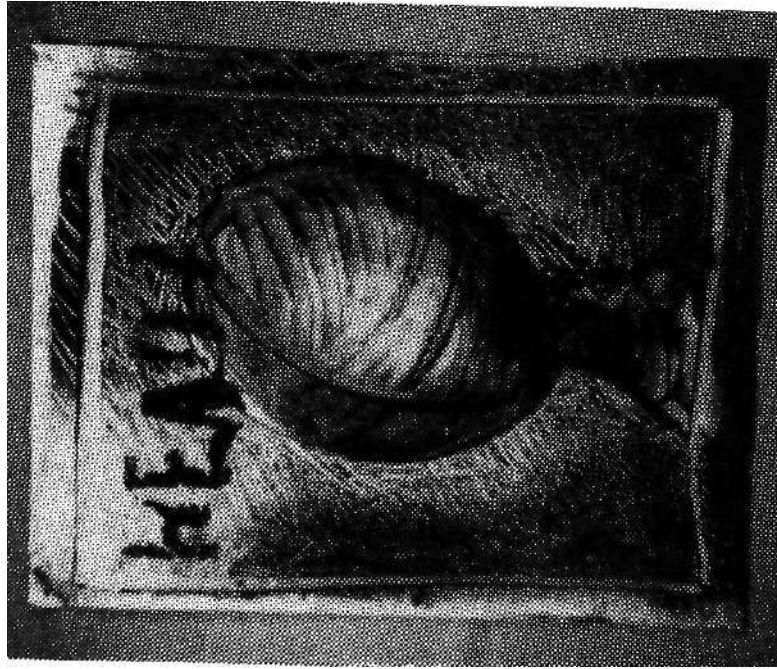
В. ПЕТРОВСКИЙ

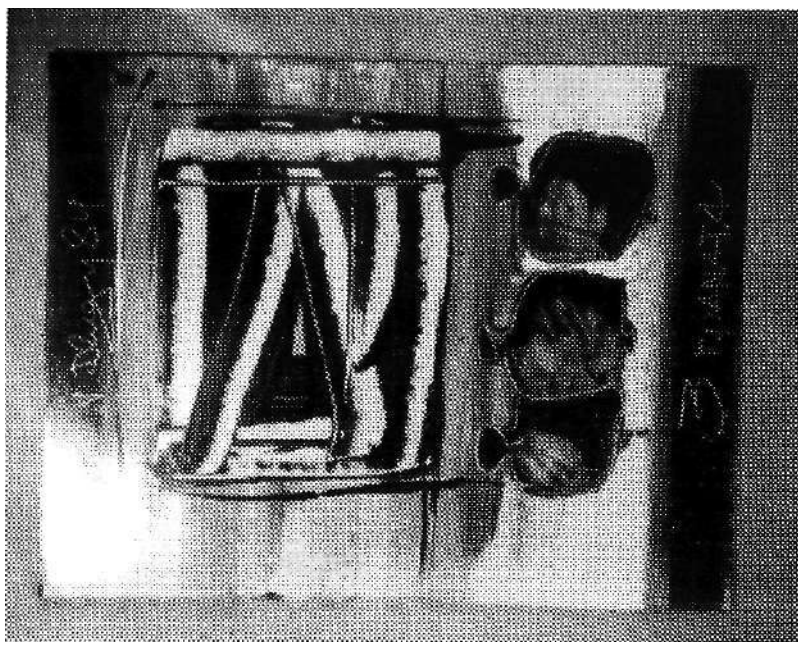
Художник. Картон, темпера, 1970

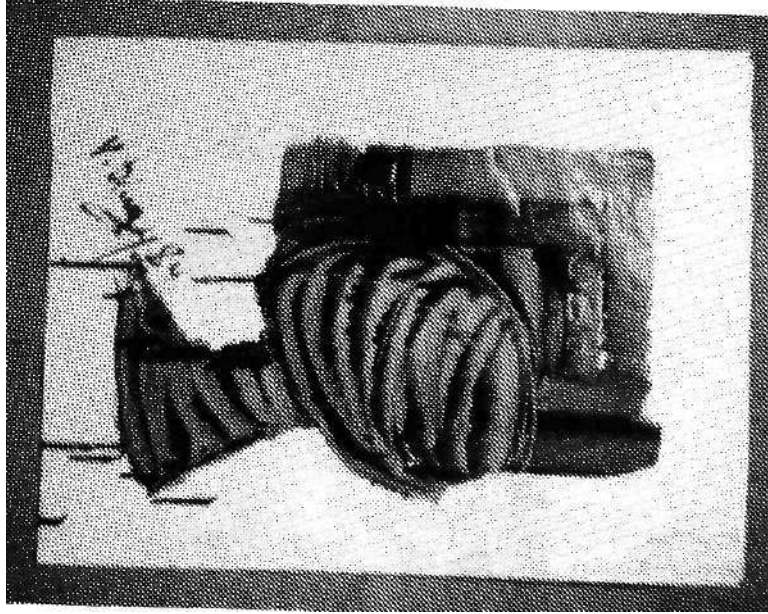
Дуализм рождения. Холст, масло, 1977

Из цикла "Гранаты". Бумага, масло. 1984

Из цикла "Гранаты". Бумага, масло, 1984

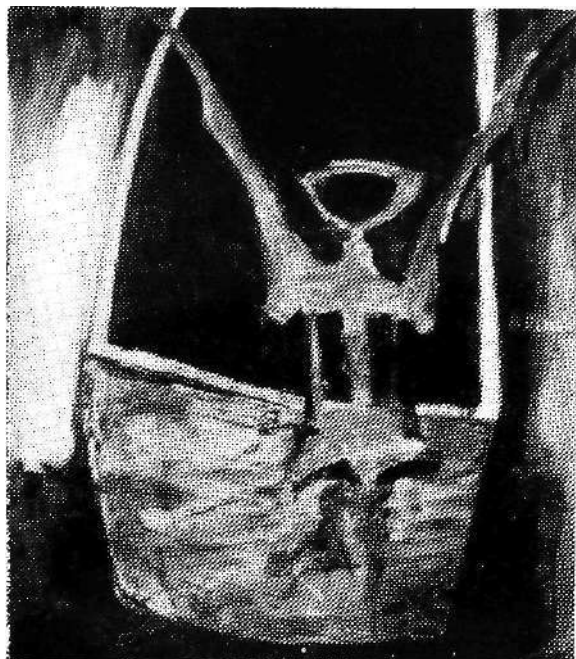

Из цикла "Головы". Бумага, масло, 1984

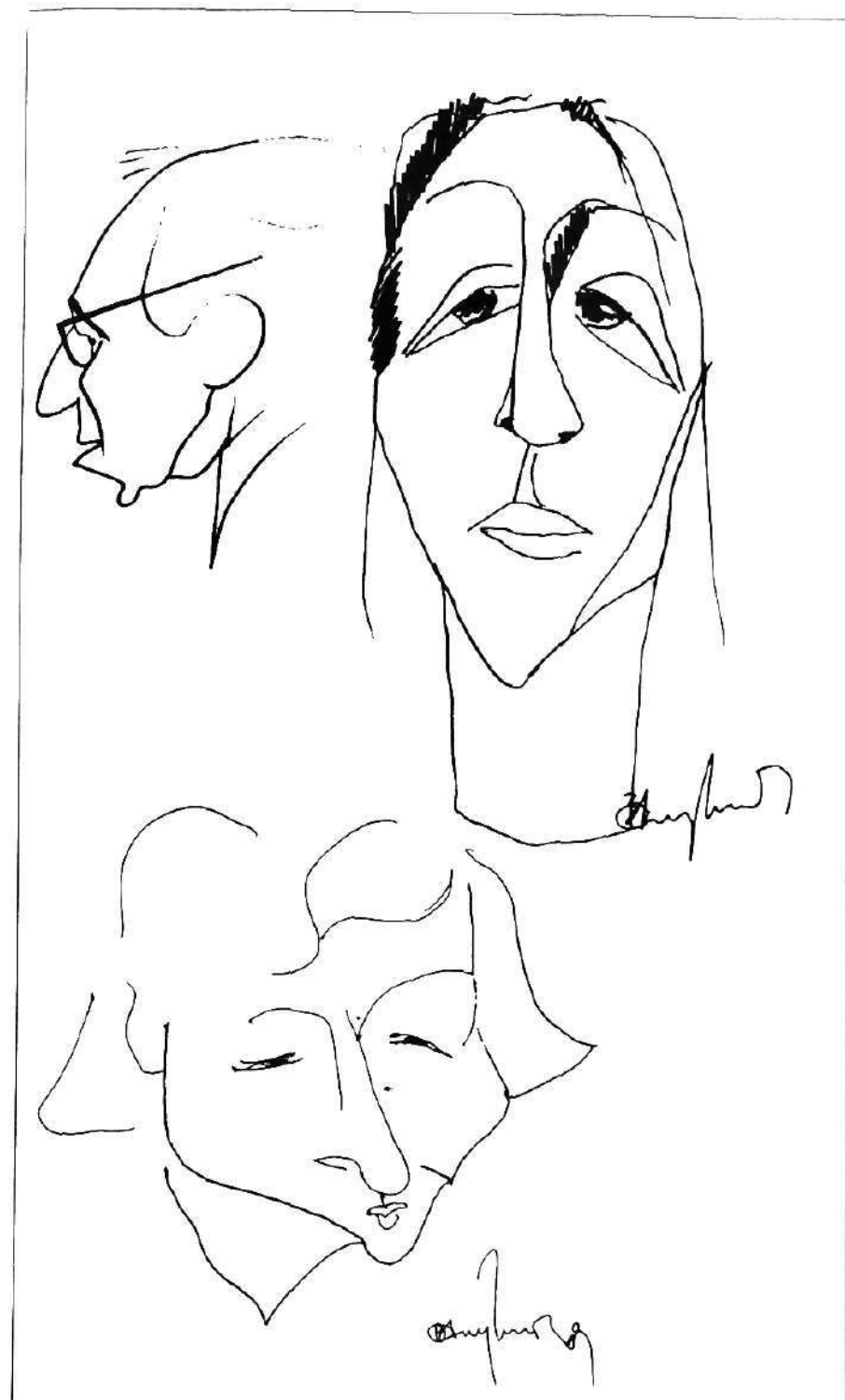
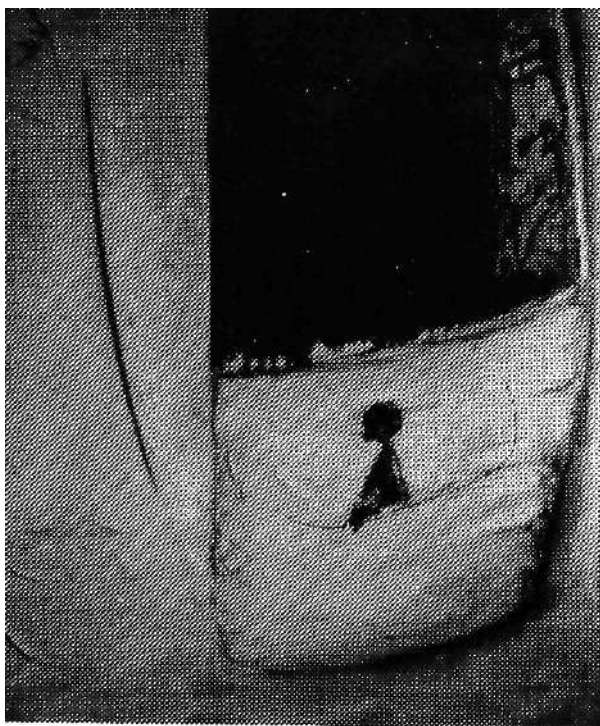

Портрет жены. Холст, масло, 1982

Танцующий
штопор. Холст,
масло, 1984

...И корабль
отплывает. Холст,
масло, 1984

Лист из блокнота художника

- Владимир ВОЙНОВИЧ. Трибунал. Судебная комедия в 3-х действиях. Юмор и сатира на высоком художественном уровне. 76 стр. — 2 ф.ст.
- Вольфганг ЛЕОНГАРД. Революция отвергает своих детей. 590 с. — 7 ф.ст.
- Михаил ВОСЛЕНСКИЙ. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Предисловие Милована Джиласа. 556 с. — 12 ф.ст.
- Ален БЕЗАНСОН. Русское прошлое и советское настоящее. Перевод с франц. А. Бабица. Предисловие М. Геллера. 388 с. — 7 ф.ст.
- Вадим ДЕЛОНЕ. Портреты в колючей раме. Предисловие В.Буковского. 217с. — 4.50ф.ст.
- Книге присуждена премия им.Даля за 1984 г.
- Павел ТИГРИД. Рабочие против пролетарского государства. Сопровождение в Восточной Европе со смерти Сталина до наших дней. Перевод с франц. В. Рыбакова. 176 с. — 4 ф.ст.
- Евгений НИКОЛАЕВ. Предавшие Гиппократу. 328 с. — 8 ф. ст.
- Книга представляет собой ценное свидетельство о злоупотреблении психиатрией в борьбе с инакомыслящими.
- Сергей СОЛДАТОВ. Зарницы возрождения. Опыт политической борьбы и нравственного просветительства. Предисловие А.Авторханова. Вст.статья Мартина Дьюхерста. 464 с. — 10 ф.ст.
- Жорж НИВА. Солженицын. Перевод с франц. С.Маркиша в сотрудничестве с автором. 248 с. Альбом фотографий, библиография — 8 ф.ст.
- Михаил ГЕЛЛЕР. Машина и винтики. История формирования советского человека. 320 с. — 8 ф.ст.
- Дора ШТУРМАН. Мертвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого. 380 с. — 9 ф.ст.
- Анатолий ФЕДОСЕЕВ. О новой России. Альтернатива. 335 с. — 7.50 ф. ст.
- Феликс РОЗИНЕР. Некто Финкельмайер. 600 с. — 6 ф.ст. в мягком переплете, 7.50 ф.ст. в твердом
- Книга удостоена премии им.Даля за 1980 г.

КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ ВО ВСЕХ РУССКИХ
КНИЖНЫХ МАГАЗИНАХ И В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ:
Overseas Publications Interchange Ltd. 8, Queen Anne's Gardens,
London W4 1TU, England
ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО НАШ НОВЫЙ КАТАЛОГ

КАТАЛОГ иерусалимского МАГАЗИНА РУССКОЙ КНИГИ "малер"

*Вакансия
антикварности
иерусалим
израиль
"Малер"
каболог
русский
1985*

1985 (1)

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Израэль ШАМИР — родился в 1947 году в Новосибирске. Занимался в университете на юридическом и математическом факультетах. В 1969 году приехал в Израиль. Журналист, публицист, переводчик. Публиковался во многих израильских и зарубежных изданиях.

Вадим ДЕЛОНЕ — см. вступительную статью к публикации стихов.

Марина КОСТАЛЕВСКАЯ — музыкант по образованию. Поэтесса. Публиковалась в журнале "Время и мы" № 75.

Юрий ГЛАЗОВ — родился в 1929 году в Москве. По образованию востоковед, кандидат наук, специализировался по индийским языкам. Работал в Институте Востоковедения АН СССР и преподавал индологию в МГУ. Опубликовал ряд книг, включая переводы "Тирукурала" и "Повести о Браслете". За подписание "Письма Двенадцати" в Будапешт весной 1968 года был лишен возможности заниматься научной и преподавательской работой. В 1972 г. вместе с семьей эмигрировал. С 1975 года до недавнего времени возглавлял кафедру русского языка и литературы в Университете Дальхаузи, Галифакс, Новая Шотландия (Канада). Сейчас продолжает преподавать в том же университете. Автор книги "Тесные Врата", изданной в 1973 году в Лондоне.

Марк ПОПОВСКИЙ — см. № 78.

Доналд РЕЙФИЛД — см. № 78.

ОБ АВТОРАХ РОМАНА "БОЛЬШИЕ ПОЖАРЫ"

Александр ЯКОВЛЕВ (наст. фамилия Трифонов-Яковлев). Родился в 1886 г. в семье маляра. С 15-ти лет служил на телеграфе, был почтовым чиновником. Первым значительным произведением была повесть "Октябрь", посвященная событиям революции. Яковлев много путешествовал по стране, принимал участие в спасении экспедиций Нобиле и поисках Р.Амундсена. Автор романов "Человек и пустыня" и "Ступени". Яковлеву также принадлежат написанные в жанре очерка книги "Ледовый поход Малыгина", "Большая Волга" и др. Умер в 1953 г.

Борис ЛАВРЕНЕВ — Родился в 1891 году в Херсоне, в семье учителя. Окончил Юридический факультет МГУ. Участвовал в первой мировой войне и в гражданской. Впервые выступил со стихами в 1911 г., а первая повесть "Ветер" опубликована в 1924 году. Лавренев — один из наиболее талантливых представителей так называемого романтического направления в советской литературе. Его драмы "Разлом" (1928) и "За тех, кто в море" (1945), повесть "Большая земля", ро-

ман "Крушение республики Итль" и мн. другие получили широкое признание у официальной советской критики. Лавренев — лауреат государственной премии. Умер в 1959 г.

Константин ФЕДИН — один из наиболее известных и талантливых советских писателей. Родился в Саратове, в 1892 году. Участвовал в гражданской войне. Ранние литературные опыты Федина относятся к 1913-1914 годам. В 1921 г. вступает в литературную группу "Серапионовы братья". В 1924 году выходит один из наиболее талантливых романов Федина "Города и годы" — о путях интеллигенции в революции и гражданской войне. В довоенные годы Федин приобретает широкую популярность и признание советской официальной критики. В годы войны выходит его пьеса "Испытание чувств". Тогда же начинает работать над задуманной еще до войны трилогией "Первые радости" (1945) и "Необыкновенное лето" (1947-48), удостоенной государственной премии. В послевоенные годы Федину было присвоено звание Героя социалистического труда, он был академиком АН СССР, возглавлял Союз советских писателей. Умер в 1977 г.

Николай ЛЯШКО (наст. фамилия Лященко). Родился в 1884 году в Харьковской губернии, в семье солдата. Окончил церковно-приходскую школу. Первые рассказы опубликовал в 1904-1905 годах. В 1920 году стал одним из руководителей литературной группы "Кузница". Наибольшую известность получили его романы и повести "Доменная печь", "Крушение сладкой каторги", "Никола из Лебедина". Умер в 1953 г.

Алексей ТОЛСТОЙ — крупнейший советский писатель. Родился в 1882 году в Саратовской области, окончил Петербургский Технологический институт. В 1907 году выпустил первый поэтический сборник "Лирика". Еще до революции опубликовал романы "Две жизни" (1911) и "Хромой барин" (1912), принесшие писателю широкую известность. Сразу после революции эмигрирует. В эмиграции примыкает к сменовеховцам, пишет автобиографическую повесть "Детство Никиты", а вскоре романы "Сестры" (1922 г.) и "Хождение по мукам" (1925 год, после возвращения из эмиграции). Оба романа принесли Толстому признание советской критики. Из эмиграции вернулся в 1923 году. В 20-е годы пишет романы "Эмигранты", "Черное золото", "Аэлита", "Гиперболоид инженера Гарина". В 30-х и 40-х годах активно сотрудничает со сталинским режимом, много выступает в советских газетах. Академик АН СССР, депутат Верховного Совета СССР первого созыва. Умер в Москве в 1945 г.

Михаил СЛОНИМСКИЙ — родился в 1897 году в Петербурге, в семье литератора. Участник первой мировой войны. В 20-х годах входил в группу "Серапионовы братья". Первые романы "Лавровы", "Средний проспект", "Братья Клешиевы" публикует в 30-е годы. В годы Отечественной войны выходят сборники Слонимского "Родной дом" и "Председатель горсовета". Самое крупное послевоенное произведе-

ние — трилогия "Инженеры", "Друзья" и "Ровесники века". Умер в 1972 г.

Михаил ЗОЩЕНКО — крупнейший писатель-сатирик советской эпохи. Родился в 1895 году, в семье художника. В 1913 году поступил в Петербургский университет, а в 1918 году пошел добровольцем в Красную Армию. В послереволюционные годы сменил много профессий: был сапожником, актером, телефонистом, агентом Уголовного розыска, счетоводом. В 1921 году вступил в литературную группу "Серапионовы братья", а в 1932 — выходит первая книга юмористических рассказов Зощенко: "Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова", в которой проявился замечательный талант автора. В 30-е и 40-е годы Зощенко выступает с многочисленными сатирическими рассказами, пишет повесть "Перед восходом солнца". В эти годы Зощенко приобретает широчайшую популярность среди читателей. После войны в 1948 году подвергается вместе с А.Ахматовой жестокой критике в постановлении ЦК КПСС "О журналах "Звезда" и "Ленинград" и с этих пор попадает в опалу. Умер в 1958 году в Ленинграде.

Вера ИНБЕР — советская поэтесса. Родилась в 1890 году, в семье издателя. Впервые начала печататься в одесских газетах. Ранние сборники стихов относятся к 1914-1922 годам. В 30-е годы выпускает один за другим поэтические сборники, посвященные советской действительности. Наибольшую известность получила поэма "Пулковский меридиан" (1943), удостоенная государственной премии. Умерла в 1972 г.

Н.ОГНЕВ (наст. имя и фамилия Михаил Григорьевич Розанов). Родился в 1888 году в Москве. С юношеских лет участвовал в революционном движении. Наибольший успех приобрела повесть Н. Огнева "Дневник Кости Рябцева". В 30-х годах пишет свой широко известный роман "Три измерения Калерии Липской". В 1938 году был арестован и расстрелян как враг народа.

Вениамин КАВЕРИН — один из наиболее известных советских писателей. Родился в 1902 году, в семье музыканта. Впервые напечатался в альманахе "Серапионовы братья" в 1922 году. Автор многих произведений о жизни советской молодежи. В послевоенные годы наибольшей популярностью пользовались романы "Два капитана" и "Открытая книга". В 1962 году опубликовал повести "Семь пар нечистых" и "Косой дождь". В настоящее время живет в Москве.

Александр АРОСЕВ — родился в 1890 году в состоятельной семье. В 1908-1911 годах учился в Льежском университете на факультете философии и литературы. Участник Октябрьской революции. В 1920 году — председатель Верховного ревтрибунала на Украине. Полпред СССР в Литве и Чехословакии. Первый сборник рассказов "Революционные наброски" опубликовал в 1916 году. Наибольшую известность

получили повести "Страда", "Председатель", "Никита Шорнев", "Корни". В 1938 году был арестован и расстрелян как враг народа.

Ефим ЗОЗУЛЯ — родился в 1891 году, в семье мелкого служащего. С 1914 года печатался в петербургских журналах "Солнце России" и "Новый Сатирикон". Автор ряда сатирических сказок. В начале 30-х годов пишет романы "Мастерская человека" и "Собственность", которые ему не удалось закончить. Погиб на фронте в 1941 году.

Михаил КОЛЬЦОВ — родился в 1898 году в семье ремесленника. Участник Февральской революции. Первый очерк Кольцова вышел в "Правде" в 1920 году. С 1922 года — постоянный сотрудник "Правды". Много путешествует по стране и за границей. Корреспондент "Правды" в Испании. Гражданская война в Испании — главная тема Кольцова-журналиста. В 1938 году выходит его знаменитый "Испанский дневник". Михаил Кольцов был основателем и редактором журнала "Огонек", редактором журнала "Крокодил". В течение многих лет возглавлял иностранную комиссию Союза писателей, в 1935 году участвовал в Конгрессе писателей в Париже, был депутатом Верховного Совета РСФСР. В 1938 году арестован и расстрелян как враг народа.

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

ДЖОН БАРРОН "КГБ СЕГОДНЯ"

Большинство наших читателей знакомо с именем Джона Баррона — автора нашумевшей книги "КГБ", переведенной на многие языки мира, в том числе и на русский.

Книга "КГБ сегодня" — новейшее исследование того же автора, рассказывающее о самых зловещих сторонах и тайных пружинах деятельности советской секретной полиции в наши дни.

На примерах подрывной деятельности КГБ в Соединенных Штатах и Японии Джон Баррон рисует широкую картину политического бандитизма, инспирируемого Москвой во всех странах мира.

В книге подробно раскрывается механизм деятельности КГБ. Джон Баррон рассказывает о том,

КАК ДЕЙСТВУЕТ КГБ СЕГОДНЯ — И В СССР, И В ОСОБЕННОСТИ ЗА ЕГО ПРЕДЕЛАМИ,

КАК ГОТОВЯТСЯ КАДРЫ БУДУЩИХ РАЗВЕДЧИКОВ И ВЕРБУЕТСЯ АГЕНТУРА НА ЗАПАДЕ, В ТОМ ЧИСЛЕ ИЗ СРЕДЫ САМЫХ КРУПНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ,

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ КРАЖА ПЕРЕДОВОЙ ЗАПАДНОЙ ТЕХНОЛОГИИ,

КАК КГБ ВЛИЯЕТ СЕГОДНЯ НА ВНЕШНЮЮ И ВНУТРЕННЮЮ ПОЛИТИКУ ЗАПАДНЫХ ГОСУДАРСТВ И О МНОГОМ ДРУГОМ.

Книга написана в форме захватывающего детектива. В то же время она является важнейшим обличающим документом нашего века.

Объем книги — 432 страницы. Цена — 22 доллара.

Заказы и чеки высылайте по адресу:

Time and We
475 Fifth ave, suite 511-A
New York, New York
10017

Ел.ГЛЕЗ

НЕВИДИМЫЕ ПИСЬМА

(223 стр.)

Ел.Глез (Илья Исаакович Глезер) — по профессии и по призванию прежде всего биолог. Большую часть своей жизни он провел в Москве, и его труды в области строения нервной системы получили международное признание.

В 1972 г. Глезер был арестован и как сионист получил шесть лет лагерей и ссылки.

Книга "Невидимые письма" — это воспоминания Глезера об этих шести годах. Однако воспоминания не совсем обычные. Лагерная тема, уже так много раз присутствовавшая в нашей литературе, в его книге получила неожиданное освещение.

Ее первая часть "Лефортовские сказания" — это прежде всего раздумья автора над судьбой еврея вообще. Потому так логичны библейские реминисценции и мотивы, которые он вводит в текст. А форма писем, которую избрал автор, придает его воспоминаниям интимную, камерную интонацию.

Вторая часть — "Богучанские чаепития" посвящена годам ссылки. Главный герой ее не столько сам автор, сколько русские люди, с которыми пришлось столкнуться Илье Глезеру в ссылке. Яркие, колоритные характеры сибиряков надолго запомнятся читателям.

Казалось бы, воспоминания, даже беллетризованные, но посвященные лагерю и ссылке, не могут носить оптимистического характера. И тем не менее "Невидимые письма" написаны оптимистом.

Оформил "Невидимые письма" тоже оптимист. Имя его Вагрич Бахчанян.

Стоимость книги 12 долларов. Плюс 1 дол. за пересылку.

Заказы и чеки направлять по адресу:

I.Glezer
106 Pinehurst ave., A-34
New York, New York
10033

"ЖУРНАЛ "ВРЕМЯ И МЫ" — 1985 ГОД

УСТАНОВЛЕННЫ СЛЕДУЮЩИЕ УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Стоимость годовой подписки в США — 43 доллара; для библиотек — 54 долларов; с целью экономической поддержки журнала — 50 долларов. Заказы и чеки высылать по адресу главной редакции:

Time and We

475 Fifth Ave, suite 511-a, New York, New York 10017

Цена в розничной продаже — 8.50

Стоимость подписки в Израиле устанавливается израильским отделением журнала "Время и мы". Заказы и чеки высылать по адресу отделения: Иерусалим, Талпиот мизрах, 422/6 (зав. отделением Дора Штурман-Тиктина).

Подписка из Франции, Германии и других стран мира может осуществляться как через главную редакцию в Нью-Йорке, так и через представителей журнала.

При подписке в главной редакции чеки высылаются только в американских долларах (т.е. это должны быть чеки американских банков или иностранных банков, имеющих в Нью-Йорке отделения).

При подписке через представителей журнала (или его отделения) стоимость подписки:

— во Франции — 350 франков; для библиотек — 400; с целью экономической поддержки журнала 450 франков;

— в Германии — 115 немецких марок; для библиотек — 125; с целью экономической поддержки журнала — 140 марок.

Подписка авиапочтой — 86 долларов.

"ВРЕМЯ И МЫ" — 1985 ГОД

ПОДПИСНОЙ ТАЛОН

Фамилия

Имя

Адрес

Подписной период

Прошу оформить подписку на журнал "Время и мы" на год. Высылать с номера

Журнал высылать обычной /авиа/ почтой по адресу

Подпись

Примечание редакции: чек выписывается по-английски на имя журнала "Время и мы" /Time and We/.

Из Германии, Англии, Франции и других стран чеки могут высылаться либо непосредственно по адресу главной редакции, либо в адрес представителей журнала.

Подписка оплачивается в американских долларах чеками американских банков и иностранных банков, имеющих отделения в США, и высылается по адресу **"Time and We"**

**475 FIFTH AVENUE, SUITE 511-A, NEW YORK.
NEW YORK 10017. Tel. (212) 684-3014**

Отвергнутые рукописи не возвращаются и по их поводу редакция в переписку не вступает.

MAIN OFFICE:

475 Fifth Ave, suite 511a, New York, N.Y. 10017

OCR и вычитка — Давид Титиевский, март 2011 г.
Библиотека Александра Белоусенко

**На четвертой стороне обложки: Виталий Длуги.
Из цикла "Головы". Бумага, масло, 1984**

V. Delinghoff

